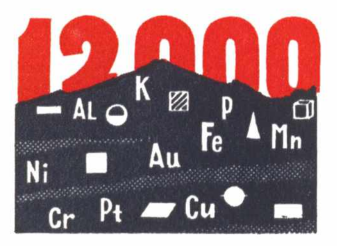

ОГОНЁК
№ 29 ИЮЛЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

УРАЛ

ЭТО ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ АРСЕНАЛ СТРАНЫ. ОН ДАЕТ ДВЕНАДЦАТУЮ ЧАСТЬ ВАЛОВОЙ ПРОДУКЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР.

УРАЛ — ЭТО НЕСМЕТНЫЕ СОКРОВИЩА НЕДР.

На Урале открыто более 12 тысяч месторождений полезных ископаемых. Нет почти ни одного элемента таблицы Д. И. Менделеева, который не встречался бы в этом крае.

УРАЛ — ЭТО МЕТАЛЛ, УГОЛЬ, НЕФТЬ, ХИМИЯ, ЛЕС, ЗОЛОТО, ПЛАТИНА, САМОЦВЕТЫ...

Почти 70 процентов всего чугуна и 60 процентов стали, производимых металлургией Российской Федерации, падает на долю Урала.

УРАЛ — ЭТО КРАЙ БУРНО РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЭНЕРГЕТИКИ.

Выработка электроэнергии на электростанциях одной только Челябинской области в шесть с лишним раз превышает производство электроэнергии во всей царской России.

УРАЛ — ЭТО РОДНИК ИНЖЕНЕРНОЙ, НАУЧНОЙ, ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

До революции на Урале не было ни одного вуза. Сейчас только в одной Свердловской области 12 вузов, в которых учатся 44 тысячи студентов.

На первой странице обложки: Первый подручный сталевара Александр Веденеевич Паньков (Нижне-Тагильский металлургический комбинат).

Фото Дм. Бальтерманца.

Урал! Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней боец.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 29 (1622) 13 ИЮЛЯ 1958 36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Интервью «Огонька»

ЖЕМЧУЖИНА РОССИИ

В. НОВИКОВ, председатель Госплана РСФСР

Вопрос. Какова роль Урала в развитии отечественной промышленности?

Ответ. Трудно говорить об Урале в целом, строго придерживаясь его физической карты. Посмотрите на нее: это обширнейший край с Уральским хребтом, который тянется от холодных вод Карского моря до полупустынь Прикаспия. Поэтому, может, целесообразнее вести наш разговор о той части Урала — средней и южной,— которую мы рассматриваем как единый экономический район. Вероятно, и ваш журнал обращает внимание читателей именно на него.

Вопрос. Да, конечно. И вопрос наш касается главным образом этого экономического района: какова его роль в истории России?

Ответ. Сотни лет назад смелые, трудолюбивые русские люди начали осваивать здешние земли. И тяжкий труд их дал прекрасные результаты. В старину этот край удачно назвали каменным поясом. И действительно—это гигантский каменный пояс, вытянувшийся с севера на юг вдоль шестидесятого меридиана. Урал с его несметными богатствами накрепко связал в единое целое европейскую и азиатскую части страны. Сперва здесь появились сыны новгородской вольницы — шли за пушниной, шли искать удачи в неведомых горах и лесах. Позже сюда к щедрым дарам природы потянулись московские купцы и промышленники. В пору Петра тут строятся крупные, на высоком для того времени техническом уровне металлургические заводы.

Дешевые рабочие руки приписанного к заводам крепостного населения, редкостно счастливое сочетание рудных месторождений с лесами да реками — вот что так подняло Урал XVIII века на уровень крупнейшего промышленного района России, да и всего мира.

Природа сказочно одарила Урал не только железом, медью, золотом, но и русскими умельцами, чей талант был подобен здешним самоцветам. Вспомним уральцев Ивана Ползунова, построившего первую паровую машину; Козьму Фролова — создателя оригинальных водоподъемных устройств; крепостных рабочих Нижне-Тагильского завода Ефима и Мирона Черепановых — конструкторов первого паровоза в России; выдающегося металлурга П. П. Аносова — основоположника производства высококачественных сталей...

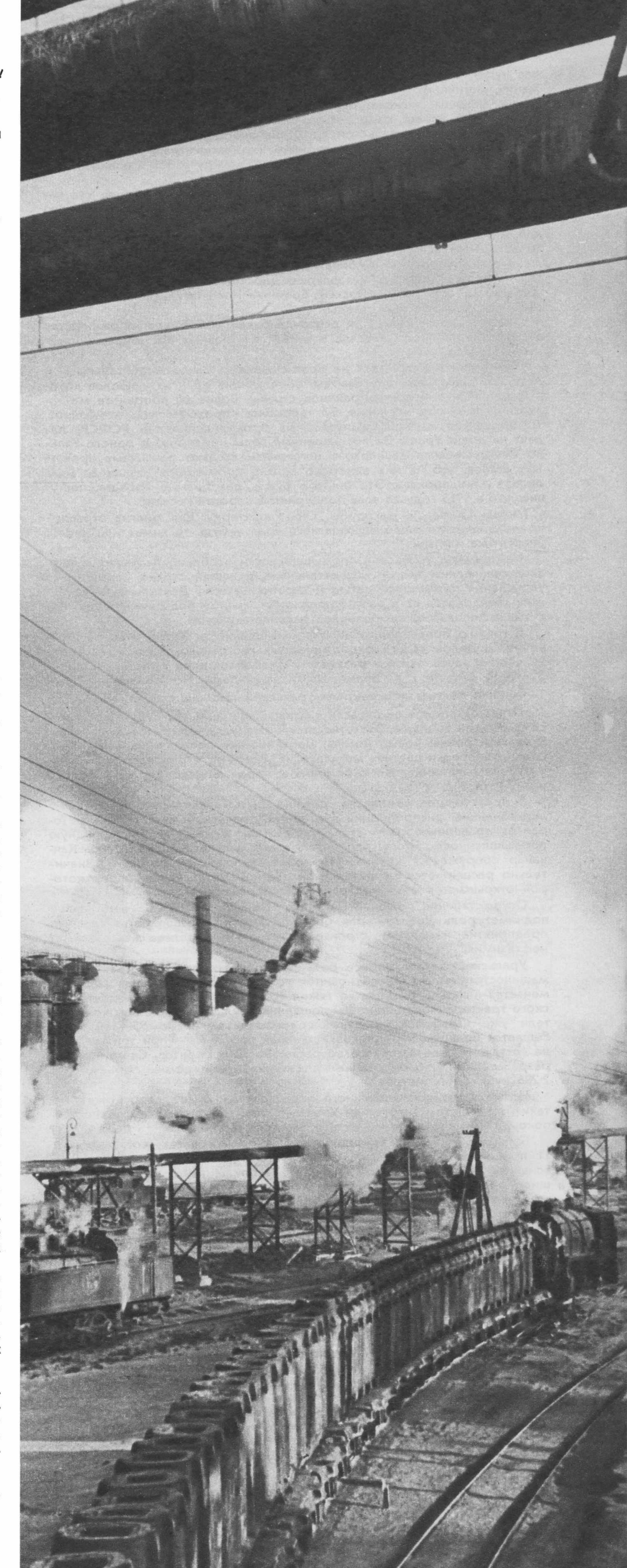
Хищническая эксплуатация уральских богатств, господство помещиков и капиталистов надолго затормозили экономическое развитие края. «...То же самое крепостное право,— писал Ленин,— которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма». Октябрь он встретил, увы, в незавидной роли промышленного захолустья России.

Трудом и разумом советских людей, волей и мудростью Коммунистической партии седой Урал помолодел, вернув во много крат приумноженную былую славу жемчужины России. Без преувеличения можно сказать, что большевики заново открыли этот край, осуществив широко задуманный штурм кладовых каменного пояса. Сейчас нет почти ни одного элемента таблицы Д. И. Менделеева, который бы не встречался в его недрах. На базе горных богатств выросли такие центры промышленности, как Свердловск, Челябинск, Пермь, Оренбург, Нижний Тагил, Магнитогорск, сформировались такие горнорудные узлы, как Соликамск, Серов, Златоуст, Алапаевск. Соликамское месторождение каменных и калийных солей дало жизнь городу химии — Березникам с его химкомбинатом и содовым заводом, Соликамскому калийному комбинату — одному из крупнейших в стране поставщиков минеральных удобрений. Появившаяся почти 30 лет назад первая нефтяная скважина в районе Верхне-Чусовских Городков была матерью многих сотен скважин на огромной площади «Второго Баку».

Так еще до войны Урал стал крупнейшим индустриальным центром Советского Союза. И в годы Отечественной войны на его плечи легла большая забота — непрерывно поставлять фронту машины, моторы, оружие и многое другое, что было необходимо для защиты Родины. Военные годы — это годы рождения новых уральских предприятий, обновления старых, образовавших могучую линию экономических укреплений на востоке страны.

Вопрос. Какое место в экономике страны сейчас занимает Урал?

Ответ. Он стоит на первом месте в СССР по запасам бокситов, серного колчедана, асбеста, магнезита; на втором и третьем — по запасам меди, нефти; на четвертом — по запасам железных руд. Он дает одну двенадцатую часть всей валовой продукции промышленности страны. Отсюда во все концы Советского Союза и за его рубежи идут сей-

Магнитогорский металлургический комбинат. Фото Дм. Бальтерманца.

час чугун, сталь, прокат, медь, цинк, три «крылатых металла» — алюминий, магний и титан,— белая жесть, нефть, лес, минеральные удобрения, машины, экскаваторы, станки, тракторы, автомобили, мотоциклы, турбины, асбест, самоцветы, золото, платина...

Но сердцевину уральской промышленности составляют черная и цветная металлургия, машиностроение, химическая, лесная промышленность и энергетика. Все они тесно связаны между собой и планово развиваются в едином комплексе.

Черная металлургия дореволюционного Урала — это более ста небольших заводов, работавших на древесном угле. Сейчас же главную роль играют крупные комбинаты, оснащенные первоклассной техникой, автоматикой. Урал — это почти 70 процентов всего чугуна и 60 процентов всей стали, поставляемой металлургией РСФСР. Один лишь Магнитогорский комбинат дает чугуна, стали и проката значительно больше, чем вся металлургия царской России 1913 года. А ведь у Магнитки есть два «взрослых брата» — Ново-Тагильский и Челябинский металлургические заводы.

Урал по праву считается основной базой СССР по производству высококачественного металла и одним из главных поставщиков цветных металлов.

Уральский металл идет на уральские же машиностроительные и металлообрабатывающие заводы, образующие один из наиболее крупных машиностроительных районов страны. Более 60 процентов металлургического оборудования, 72 процента проходческих комбайнов, 78 процентов вагонов, выпускаемых промышленностью РСФСР, падает на долю Урала. За послевоенные годы предприятия одного только Свердловского совнархоза изготовили столько различных прокатных станов, что на них ежегодно можно производить свыше 20 миллионов тонн проката. Это почти в шесть раз больше проката, поступившего в 1913 году со всех предприятий царской России.

Таковы уральские масштабы. Они характерны для многих отраслей промышленности этого благодатного края — будь то химия или нефть, энергетика или лес.

На примере уральской промышленности особенно наглядно видно, сколь жизненно важна осуществленная в нашей стране перестройка управления промышленностью и строительством. Деятельность уральских совнархозов еще раз подтверждает, какими большими возможностями в использовании резервов располагают они.

Я говорю более подробно о промышленности Урала. Ибо она, конечно, определяет его экономическую географию. Хотя и сельское хозяйство здесь высоко развито, в особенности на просторах Оренбургской области с ее знаменитыми пшеницами. Но это особая тема.

Вопрос. Каковы перспективы уральской промышленности?

Ответ. Почти все ее отрасли в ближайшие семь лет будут развиваться быстрыми темпами. Это относится в первую очередь к металлургии. Будут построены новые домны, мартеновские печи, прокатные станы. Шагнет вперед и цветная металлургия. Закончится реконструкция Южно-Уральского никелевого комбината, строительство Березниковского комбината.

В предстоящее семилетие должна быть ликвидирована одна из серьезнейших диспропорций в развитии уральской металлургии, которая за последнее время стала опережать железо- и меднорудную промышленность. Чтобы прекратить завоз дальнего сырья, у горы Качканар сооружается крупный горнообогатительный комбинат. Значительно расширяется сырьевая база цветной металлургии, перед которой открываются особенно радужные перспективы.

Осуществление решений майского Пленума ЦК КПСС еще выше поднимет роль Урала — края большой химии. Расширяются старые предприятия, намечается строительство новых. Почетное место займет нефтехимия.

Уральский металл во все больших количествах будет поступать к машиностроителям. Много новинок готовят они. В будущем году намечается начать производство тяжелого гусеничного дизель-электрического трактора мощностью 250 лошадиных сил. Уральские вагоностроители уже испытывают полувагон грузоподъемностью 95—100 тонн. Решается большая народнохозяйственная проблема — при той же длине состава перевозка грузов возрастет на 30 процентов. Свердловчане разрабатывают оборудование для уникальной домны объемом в 2 286 кубических метров.

Новый взлет промышленного производства будет сопровождаться таким же взлетом энергетики Урала. К 1965 году он сможет полностью покрыть всю свою потребность в электроэнергии.

Большие перемены произойдут в уральских лесах, составляющих 11 процентов всего лесного фонда РСФСР. Здесь вырастут новые, оснащенные первоклассной техникой лесопильно-деревообрабатывающие предприятия. В частности, уральцы намерены широко развить гидролизную и лесохимическую промышленность, производство древесно-волокнистых и древесно-стружечных плит для домостроения.

Уральцы помогут другим краям и, конечно, позаботятся о жилищном строительстве в своих городах, число которых растет год от года.

Растут новые, меняется облик старых уральских городов. Свердловск, Пермь, Челябинск, Оренбург, Уфа — это города вузов, научных институтов, музеев, театров, широких, застроенных новыми домами магистралей, речных вокзалов, аэропортов.

И как тут не вспомнить путевые заметки певца уральских красот Д. Мамина-Сибиряка:

«...Кама совсем пустынная, дикая река. Селения встречаются редко. Признаков цивилизации никаких... Воображение рисует по берегам большие русские села, заводы, фабрики; эти пропадающие втуне силы природы начинают служить на потребу русского человека, и русское довольство широкой волной разливается по этим пустынным берегам».

Воображение не обмануло писателя. Мечта его стала явью. Но для этого нужна была Советская власть. Иные песни слагают, иные строки пишут теперь об Урале. Не в будущем, а в настоящем поют о нем, как о жемчужине России.

В СТЕПЯХ ОРЕНБУРГСКИХ

Пять лет назад в этих степях были бескрайние ковыльные просторы. А теперь — обширные поля поднятой целины, колышется море знаменитой на весь мир оренбургской пшеницы. То тут, то там белеют благоустроенные усадьбы новых совхозов со школами-десятилетками, клубами, больницами... Земли многих совхозов раскинулись на гигантских площадях 70—100 тысяч гектаров. Полмиллиона гектаров зерновых будет убрано в этом году в целинных совхозах одного только Адамовского района, Оренбургской области. Свыше 20 миллионов пудов хлеба дадут они государству. А ведь еще недавно весь район не собирал и миллиона пудов зерна в год.

Горячая пора в эти дни в совхозах «Восточный», «Комсомольский», «Адамовский», «Буруктальский» и многих других. Скоро сотни тысяч тонн целинного хлеба будут вывезены по 75-километровой узкоколейной магистрали, проложенной из целинных совхозов до станции Шильда.

Труженики оренбургских полей обязались сдать государству в этом году 110 миллионов пудов хлеба.

На снимке: **экспонаты Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Это щедрые дары целинных земель Адамовского района, Оренбургской области.**

Фото В. Тарасевича.

Горная даль

Родные горы,
Сосен тесный круг,
Как отчий дом,—
Чем дальше, тем дороже.
Недаром вены материнских рук
На русла рек мне кажутся похожи.

Сквозь дымку с детства памятных примет,
Все радостней и ярче год от года,
В мои глаза струится синий свет
Твоих озер, уральская природа.

В сторожкой дреме городских ночей,
Едва утихнет радиошумиха,
Я слышу, как младенческий ручей
Бежит по травам и лепечет тихо.

Трубят призывно вешние леса,
Вздымая ветви, как рога оленьи,
И мечет громы первая гроза,
Ломая их о горные ступени.

В какой ни оказалась бы дали,
К тебе, Урал мой, буду я стремиться.
Должно быть, правда, есть у нас в крови
Родного края малая частица.

Челябинск.

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

Наши сады

Сады на Урале — дело новое. Рассказывают, что, когда лет пятьдесят назад житель Нижнего Тагила Кузьма Осипович Рудый посеял семена яблок и груш, осенью кто-то начал подрывать сеянцы. Вскоре выяснилось, что это соседские ребята искали на корнях сеянцев яблоки, полагая, что растут они, как картошка.

Долго попытки уральцев выращивать фруктовые сады не давали положительных результатов. Молодые деревья, завезенные из областей средней России, не переносили уральских стуж и замерзали. Тогда Рудый обратился за помощью к И. В. Мичурину. Ответ был краток: «Выращивайте свои сорта на месте. Начатое дело не бросайте».

Прошло еще много лет, пока тагильским любителям-садоводам удалось получить первые яблоки и груши. Это были свои, тагильские, местные зимостойкие сорта, выведенные по совету великого преобразователя природы. Смотреть диковинные уральские яблоки в Нижний Тагил приезжали тогда из многих окружающих городов и сел.

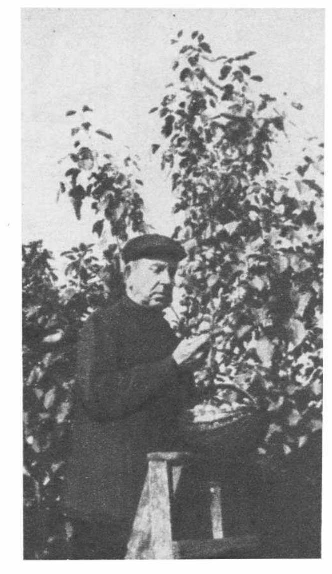
Садоводство сейчас стало любимым занятием тагильчан. Сотни гектаров занимают ныне коллективные сады. Тысячи деревьев и ягодников высажены на приусадебных участках.

Побывайте в садах Феодосия Андреевича Посохова, Сергея Захаровича Егорова, Александра Ивановича Криворучкина — и вы забудете, что находитесь на севере Урала. Правда, южанина здесь может удивить необычный вид яблонь. Они напоминают огромные кустарники. Это стелющиеся яблони, широко культивируемые местными садоводами. Они стойко переносят уральскую зиму и, как правило, дают хорошие урожаи.

Шестьдесят сортов яблок представили в прошлом году пионеры коллективного садоводства в нашем городе — тагильские вагоностроители — на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Это местные, выведенные на Урале сорта. Многие яблоки — весом в 500—600 граммов, а по аромату и вкусу они ничем не уступают лучшим южным сортам. Так щедро наградила наших садоводов возделанная их руками уральская земля. Экспонаты уральских вагоностроителей получили на выставке высокую оценку: им присуждена большая серебряная медаль.

Город руды и металла становится городом-садом.

А. ЕРМАКОВ,
заместитель редактора газеты «Тагильский рабочий»

Пенсионер А. Н. Криворучкин в своем саду.

Фото Н. Бурашникова.

КАМЕРЫ ТРОПИЧЕСКОГО КЛИМАТА

Здесь не дуют муссоны и Индийский океан не бросает на берег свои изумрудные волны. А между тем все приборы напоминают о климате Индии: средняя температура — плюс 50 градусов, влажность воздуха достигает 90 процентов.

«Тропики» созданы в камерах завода «Уралэлектроаппарат». В его цехах изготовляется энергетическое оборудование для индийского металлургического комбината в Бхилаи. Ясно, что каждая деталь, узел, изоляция электрического двигателя или аппарата должны быть пригодны для работы в тропических условиях.

Детали покрывают специальной эмалью, в которую добавляется реактив, препятствующий возникновению плесени.

Все испытания ведутся по определенным циклам нагрева и охлаждения: в камерах создаются своеобразные индийские лето и зима. Длятся испытания от 7 до 51 дня.

Г. БРУСКИНА

На снимке: электромеханик высоковольтной лаборатории завода «Уралэлектроаппарат» В. Шадрин у пульта управления тропической камеры.

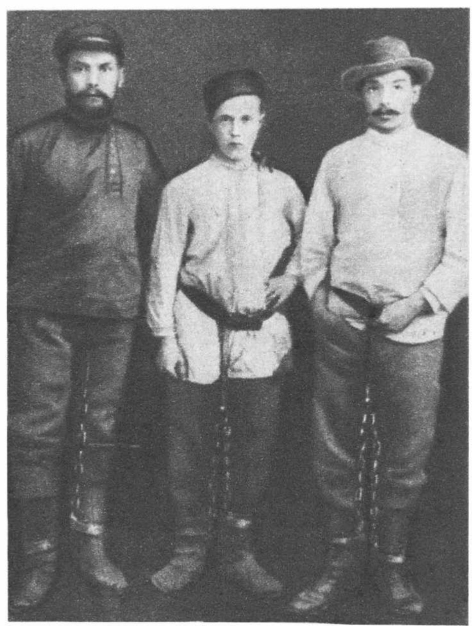
Трое в кандалах

Эту пожелтевшую от времени фотографию доставил в наш музей старый уральский революционер Григорий Александрович Порошин. Снимок был сделан в Екатеринбургской тюрьме свыше пятидесяти лет назад, в 1907 году. На нем — закованные в кандалы три активных участника екатеринбургских боевых дружин. В центре вы видите Г. А. Порошина, тогда еще совсем юношу, электромонтера Верх-Исетского металлургического завода. Слева от него — польский революционер Карл Малишевский, скрывавшийся на Урале. А справа — молодой скульптор Сергей Нассакин, обрусевший немец, обучавшийся в художественном училище и один из организаторов ученической боевой дружины.

Рассчитывая разжечь национальную вражду, жандармы распорядились посадить всех троих в одну камеру. Но расчеты их не оправдались. Все трое в тюрьме не только крепко сдружились, но даже пытались организовать побег. Он оказался неудачным, и каждому из его участников прибавили по нескольку лет каторги. Перед отправкой из Екатеринбурга в различные каторжные тюрьмы друзья и решили сфотографироваться.

Григорий Александрович рассказал и о дальнейшей судьбе своих товарищей. К. Малишевский заболел и умер на каторге в 1911 году. Нассакина освободила революция, он вступил в Красную Армию и геройски погиб в годы гражданской войны на Урале. Сам Г. А. Порошин вернулся в 1917 году на Урал, вел здесь подпольную революционную работу в тылу у Колчака. Сейчас он персональный пенсионер. В 1955 году, в ознаменование 50-летия первой русской революции, Г. Порошин был награжден орденом Ленина. Старый коммунист часто выступает перед молодежью Свердловска с воспоминаниями о славном революционном прошлом уральских рабочих.

Э. ПОЗДНЯКОВА,
старший научный сотрудник Музея Я. М. Свердлова

На нижнем снимке: Г. А. Порошин беседует с молодежью.

Арамильская марка

Из металлического зева автомата выползает толстый парной жгут. По заданному стандарту жгут разрезается, проходит через систему сушильных полотен. И вот в ваших руках тончайшие нити — своей мягкостью, эластичностью, «распушенностью» они напоминают естественное руно.

— Это и есть уральское штапельное волокно, уральская вискоза,— говорит нам сменный инженер прядильного цеха Нина Владимировна Алексеева.— Нашу арамильскую марку хорошо знают во многих местах.

С Ниной Владимировной мы идем мимо сушильных станов, прядильных автоматов. Нас поражает безлюдье. Все делают машины — из приготовленной целлюлозы «ткут» искусственные нитки, сушат, режут штапель, упаковывают волокно в тюки. Лишь изредка попадаются прядильщицы. Они стоят перед застекленными автоматами и зорко следят за струйками сгущенной массы.

Немногим более десяти лет рядом с Арамильской суконной фабрикой возник завод вискозного штапельного волокна — уральский первенец химических заменителей. Немногочисленный коллектив завода быстро освоил новую технологию и за десять лет более чем в пять раз увеличил выпуск искусственного волокна. Ныне арамильские химики ежегодно дают предприятиям текстильной промышленности несколько тысяч тонн вискозного волокна — это десятки миллионов метров штапельных тканей! Директор завода Николай Алексеевич Пахомов замечает:

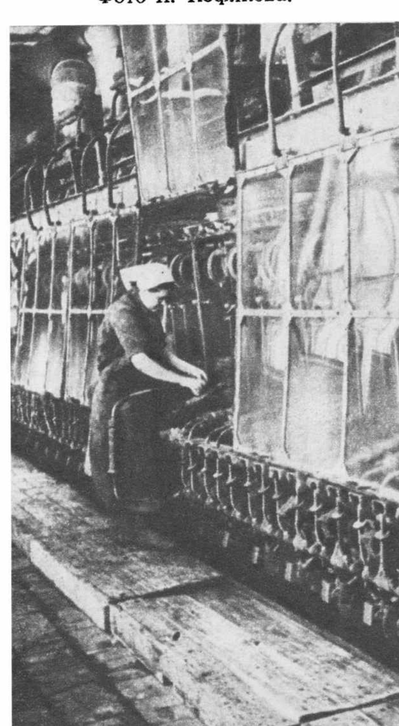
— Для такого количества тканей надо держать сотни тысяч голов тонкорунных овец.— И тут же привел другую цифру: килограмм искусственного волокна стоит в два — три раза дешевле килограмма шерсти.

Вл. ПАВЛОВ

Поселок Арамиль, Свердловской области.

В прядильном цехе Арамильского завода искусственного волокна. ↓

Фото И. Тюфякова.

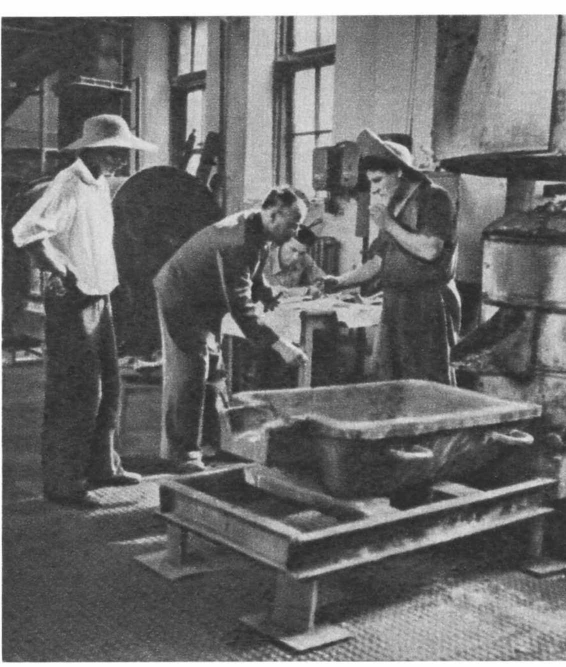
Пульс Урала

А. ГРИГОРЬЕВ
Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

Громаден и величав Свердловск — город на Исети, который называют сердцем индустриального Урала. Он славится не только своими заводами-гигантами, рабочими-новаторами, замечательной технической интеллигенцией.

Особенность Свердловска в том, что здесь, как ни в каком другом уральском городе, ощущаешь ритмичное биение пульса всего Урала, все многообразие этого сказочно богатого края.

Очень примечательно это семиэтажное здание на улице Мамина-Сибиряка. Его называют «Домом промышленности». Здесь расположено много уральских «гипров» — государственных институтов проектирования. Над чем они работают? Уралгипромез проектирует первый в стране полностью автоматизированный планетарный стан с установкой непрерывной разливки стали для Северского металлургического завода; Уралгипрошахт работает над проектом реконструкции Коркинского угольного карьера, где открытая разработка будет вестись на больших глубинах — в 350—500 метров от земной поверхности; Уралгипроруда продолжает проектирование крупнейшего на Урале Качканарского горнообогатительного комбината...

← Еще в строительных лесах первая очередь обогатительного комбината, а уже огненной струей из электропечи идет добротный качканарский чугун. В Институте металлургии Уральского филиала Академии наук СССР ведется опытная плавка качканарского агломерата.

В Свердловске работает большой отряд ученых: только в шести научно-исследовательских институтах УФАНа — более 800 научных сотрудников.

↑ Это центральный диспетчерский пункт Уралэнерго. На большом стенде то вспыхивают, то гаснут огоньки, сигнализируя о работе агрегатов электростанций. Некоторые из них появились здесь совсем недавно: непрерывно набирает силы уральская энергосистема, вторая по мощности в СССР. Скоро на стенде появится еще несколько сигнальных лампочек — начнут действовать строящиеся на Урале подстанции для приема электроэнергии Куйбышевской ГЭС.

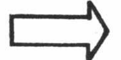
↓ Куда торопятся эти молодые люди? Конечно, приятнее было бы еще погреться на солнце. Студенты крупнейшего в стране уральского политехнического института имени С. М. Кирова, одного из одиннадцати вузов Свердловска, торопятся на экзамены. В этом институте обучается почти 19 тысяч студентов. 2 100 молодых инженеров-выпускников уже получили назначения и разъедутся скоро на предприятия Урала.

В Свердловске выходят два ежемесячных литературных журнала: «Урал» и «Уральский следопыт». Но есть и еженедельный журнал «Советский Урал». Его выпускает киностудия художественных и документальных фильмов. 12 кинооператоров ведут съемки примечательных событий в различных уголках Урала. Мы сфотографировали одного из операторов студии, П. А. Шлыкова, на строительстве крупнейшей в стране 5-й челябинской домны. Для того, чтобы взобраться на 60-метровую высоту, кинооператору пришлось «освоить» и профессию верхолаза. Примерно в то же время другой свердловский кинооператор, Е. В. Мильков, побывал на дальнем уральском севере. Вот кадр, заснятый им в районе Салехарда.

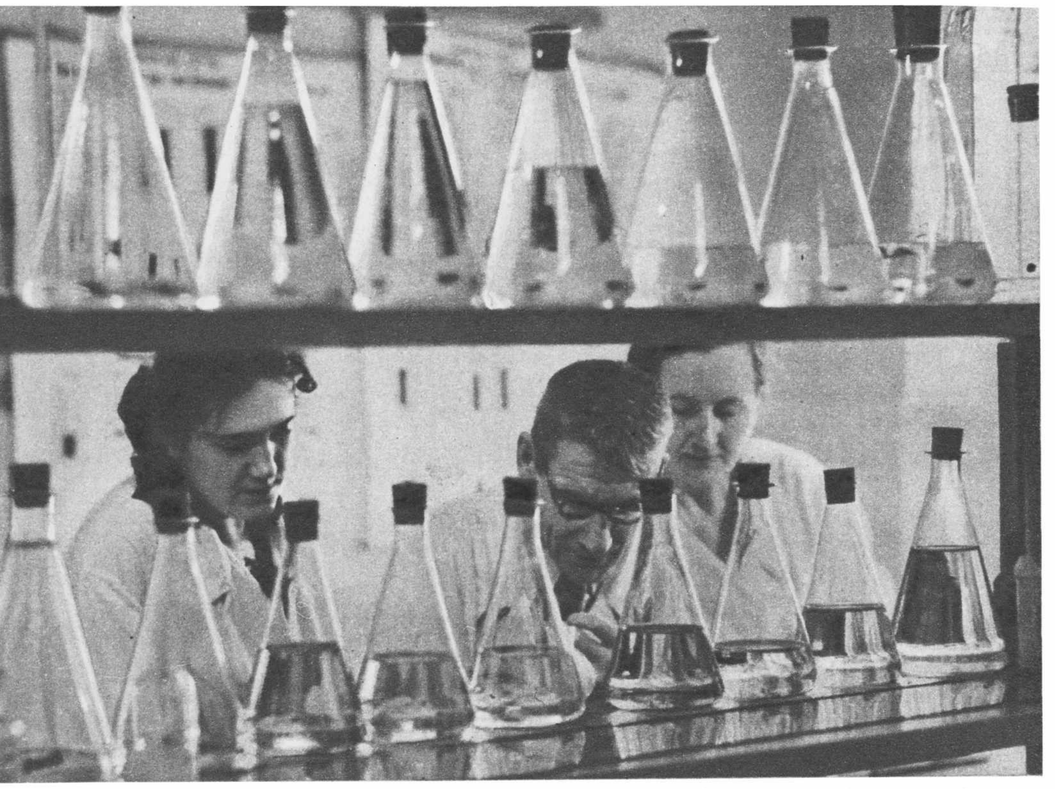

Завидный путь предстоит этим людям — в дальние уголки Урала, на разведку его богатств!

Со Свердловского аэродрома вертолет понесет геологов над необозримыми просторами края. Свыше трехсот геологоразведочных партий Уральского геологического управления уже разъехалось из Свердловска в различные пункты Урала. Их обслуживает более тысячи специально оборудованных автомашин, 800 тракторов, около сорока самолетов и вертолетов, свыше ста передвижных буровых установок.

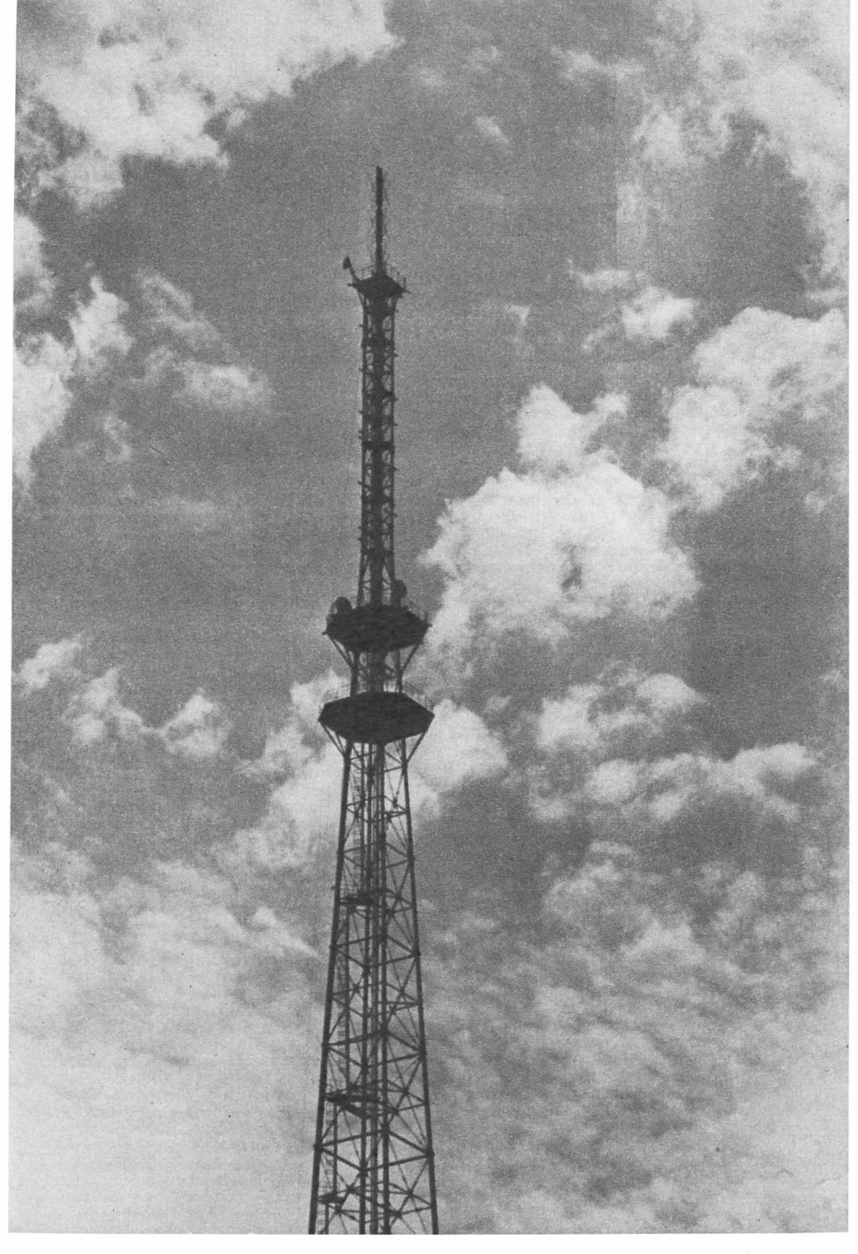
— То, что нами выявлено и разведано за последние пятнадцать лет,— сообщил главный инженер Уральского геологического управления Геннадий Яковлевич Попов,— во много раз превышает запасы всех ранее известных уральских месторождений.

Заглянем еще по одному адресу: в научно-исследовательский институт курортологии и физиотерапии. В зоне его деятельности не только весь Урал, но и часть Приволжья, Западной Сибири. Сейчас в его лабораториях исследуются лечебные свойства вод и грязей Урала. Вот точно в таких пробирках были произведены анализы знаменитых сапропелевых грязей, обнаруженных на Среднем Урале. Сейчас там строится один из крупнейших в стране курортов, «Самоцвет», на 1 000 человек.

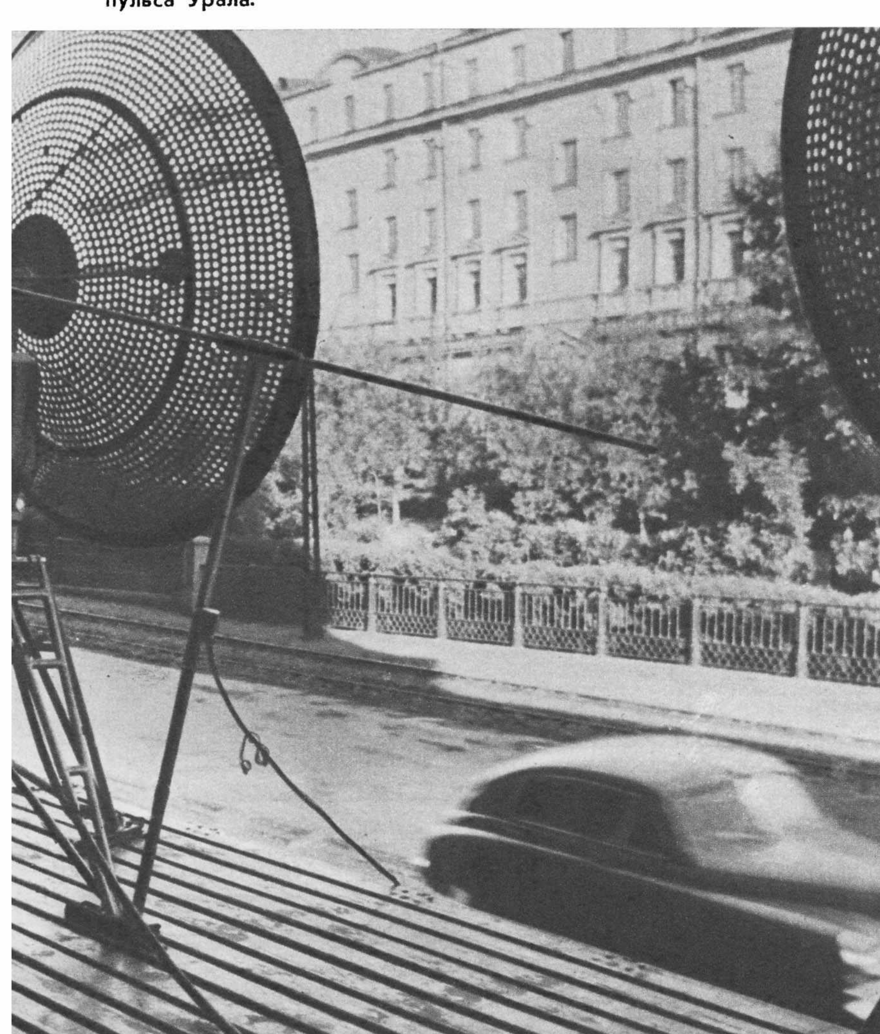

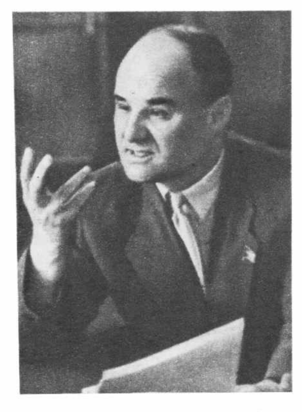
Что это? Конечно же, башня Свердловского телецентра. Его передачи принимают в Нижнем Тагиле, Миассе, в десятках других населенных пунктов Урала, смотрит более полумиллиона радиозрителей.

На одной из свердловских улиц мы увидели передвижную телевизионную установку, через которую велась передача из Театра музкомедии.

Так, в любом уголке большого города «прослушиваешь» биение пульса Урала.

Химия — быту

Герой Социалистического Труда
В. ФЕДОРОВ,
председатель Башкирского совета народного хозяйства

— Что даст для быта советского человека развитие химической промышленности в Башкирии?

С этим вопросом корреспондент «Огонька» обратился к председателю Башкирского совнархоза Герою Социалистического Труда В. Федорову.

Вот что он рассказал:

Жители городов Башкирии все чаще сталкиваются с такой проблемой: дали новую квартиру, в пору новоселье справлять, а мебели в магазинах нет или ассортимент ее не тот. Как быть?

Ответить на этот вопрос должен совнархоз. Мощности деревообрабатывающих предприятий в республике немалые, но использовались они до сих пор далеко не полностью. Поэтому стулья, шкафы, гарнитуры завозятся в Башкирию с Кубани, Украины и других дальних мест. Разрабатывая перспективный план развития народного хозяйства на 1959—1965 годы, мы решили обеспечить потребности населения республики в мебели полностью за счет внутренних ресурсов, делать нужные вещи не только из деловой древесины, но и из... стружек.

На помощь пришла химия.

Около многих заводов — лесопильных, фанерных, деревообрабатывающих — валяются отходы: опилки, щепа, дробленка, стружки. Каждый год под открытым небом в Башкирии скапливаются сотни тысяч кубометров такого леса, который пока не находит применения. А ведь из него можно делать отличные гарнитуры. Нужна только синтетическая смола. Ею пропитывают отходы древесины и затем прессуют. Получаются прочные, легко поддающиеся отделке плиты. Такие плиты уже выпускаются Уфимским фанерно-домостроительным комбинатом.

Стружек у нас предостаточно, а синтетическую смолу нетрудно изготовить из отходов нефтепереработки на заводах экономического района. Учитывая это, совет народного хозяйства наметил увеличить производство мебели в ближайшие годы в 44 раза!

Майский Пленум ЦК КПСС особо подчеркнул, что для ускоренного развития химической индустрии нужно широко использовать самые дешевые и доступные источники сырья — прежде всего природные и нефтяные газы. Для того чтобы превратить их в каучук, спирты, пластмассы, волокна, удобрения, будет затрачено на капитальное строительство в экономическом районе больше 7 миллиардов рублей.

На основе использования газообразных, жидких и твердых углеводородов нефти создается комбинат костюмных тканей. Он будет вырабатывать в год 20 миллионов метров добротного материала. А фабрика бельевого трикотажа даст 17 миллионов изделий из синтетических волокон.

В наш быт прочно войдут новые названия, новые понятия. Слово «этилен» пока еще мало знакомо домохозяйкам. Но название этого газа все чаще встречается в разговорах не только химиков, но и людей других профессий. В эти дни на улицах Уфы можно встретить прохожих, несущих молоко не в бутылках, а в так называемых хозяйственных сумочках из полиэтиленовой пленки. Они очень практичны: легки, не протекают и не бьются, а в случае необходимости укладываются даже в кошелек.

У нас принято говорить: прочный, как металл, легкий, как дерево, прозрачный, как стекло. Всеми этими качествами обладает полиэтилен — пластмасса, получаемая из этилена. Через 5—6 лет, когда в Башкирии, да и в других районах, производство полиэтилена достигнет высокого уровня, вещи из него будут попадаться нам на каждом шагу. Скатерть и стол, бутылку и пленку для хранения продуктов, обои и линолеум, батареи отопления — все это можно изготовить из полиэтилена. Не надо иметь богатой фантазии, чтобы представить себе, скажем, «карманную дачу». Приехав в облюбованное место за городом, вы достанете из багажника автомашины небольшой сверток. Несколько минут работы ручным насосом — и на поляне вырастет домик из полиэтиленовой пленки.

На Уфимском химическом заводе скоро должно быть налажено производство трихлорэтилена. Это вещество, полученное из двух газов — хлора и этилена,— превосходно очищает от жиров и грязи металлические изделия, посуду, ткани и одежду. На нефтеперерабатывающих предприятиях начнется выпуск мыла из парафина — обычного спутника башкирской и татарской нефти. Новым мылом можно стирать и в жесткой и даже в морской воде. А самое главное — его производство сбережет десятки тысяч тонн пищевых жиров.

Значительно расширится Уфимский завод синтетического спирта — уже сегодня он экономит стране большое количество зерна.

Стремительно будет расти в республике выпуск гербисидов — замечательного средства борьбы с сорняками и вредителями сельского хозяйства. За один час с самолета можно «прополоть» гербисидами большую площадь посевов, заменив труд сотен людей. Только один Уфимский химический завод выпустит в 1959 году такое количество ядохимикатов, что ими можно будет очистить от сорняков несколько миллионов гектаров зерновых. А это прибавка урожая хлеба на десятки миллионов пудов!

Всестороннее проникновение химии в нашу повседневную жизнь много даст каждому человеку.

Возьмите тот же полиэтиленовый стол. Чем бы вы его ни запачкали, достаточно провести по нему мокрой, мыльной тряпкой — и он будет сверкать, как новенький, не требуя скатерти или клеенки. Жильцы новых крупноблочных домов нередко еще жалуются на шумы, доносящиеся с улицы или из соседней квартиры: стены и потолки слишком хорошо проводят звук. В зданиях, которые будут строиться через несколько лет, кирпич или бетон уступит часть своего места сотопластам. Тонкая пластинка из пористой пластмассы, вложенная в стену и пол, не только задержит шум, но и позволит облегчить вес строений, сбережет много строительных материалов.

Химия внесет изменения в быт не только горожанина, но и сельского жителя. Известно, что газ на кухне — это революция в домашнем хозяйстве. Пока что газом в Башкирии пользуются всего один — два колхоза и столько же совхозов. В течение семилетки на Туймазинском и Шкаповском газобензиновых заводах выпуск топлива вырастет в несколько раз за счет более полного использования попутных газов промыслов. В сотни домов колхозников Туймазинского, Белебеевского и других районов будут регулярно доставляться баллоны с сжиженным газом.

В короткой беседе трудно рассказать обо всем, что принесет осуществление намеченной партией величественной программы подъема химической промышленности. Важно главное: на пути к коммунизму будет сделан еще один большой шаг.

Из уральской почты «Огонька»

ВОТ ТАК КУКУРУЗА!

Кукуруза на Урале! Еще несколько лет назад эта культура здесь почти не возделывалась. Да и многие не верили, что суровый уральский климат позволит ее успешно выращивать.

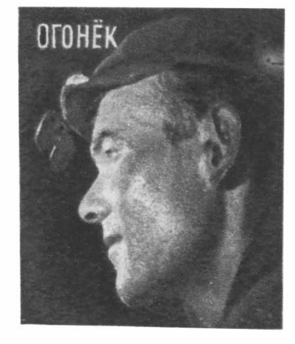
Но предоставим слово фактам. В 1954 году в Свердловской области под кукурузой было занято всего около двух тысяч гектаров, а в прошлом году — уже свыше семидесяти тысяч. Рекордный урожай достигнут в колхозе имени В. И. Ленина, Ирбитского района,— 1 548 центнеров зеленой массы с каждого из 20,5 гектара. Это — выдающееся достижение! В десятках колхозов и совхозов области «королева полей» дала высокие урожаи. Все больше и больше становится кукурузного силоса, растет кормовая база для общественного животноводства.

Посмотрите на снимок. Да, это уральская кукуруза. Она выращена в прошлом году в колхозе «Пламя», Ирбитского района. Чтобы попасть в объектив аппарата, бригадиру П. Н. Кадочникову пришлось взобраться на лошадь.

В текущем году свердловские колхозы и совхозы будут убирать урожай кукурузы с площади в 92 тысячи гектаров.

В. СМИРНОВА,
главный агроном
облсельхозуправления.

Тагильские металлурги

Говорят, что в заводском дворе Нижне-Тагильского металлургического комбината можно и заблудиться. Чуть ли не на километр в длину вытянулся каждый из его цехов. В мартеновских варят добротную сталь, в рельсобалочном катают из нее железнодорожные рельсы, швеллера, двутавровые балки, из колесопрокатного ежедневно отгружаются тысячи стальных цельнокатаных колес для железнодорожного транспорта...

А неподалеку весь в переплетениях металлоконструкций вырастает новый цех для одного из крупнейших в стране крупносортных станов — «650».

Стан «650» — ударная комсомольская стройка. Когда полгода назад сюда приехали более полутора тысяч юношей и девушек — добровольцев, здесь был пустырь. А сейчас почти на 800 метров протянулся каркас здания. В нем уже монтируется оборудование обжимной клети, устанавливают рольганги... Пройдет еще полгода, и новый прокатный стан-гигант войдет в строй действующих. Для выпуска его продукции потребуются дополнительно десятки тысяч тонн стали.

Сталь плавят в мартенах. У одной из печей стоит молодой высокий парень. Вытирая крупные капли пота, он готовится выпустить очередную плавку. Это первый подручный сталевара Александр Паньков, его портрет — на обложке этого номера журнала. Всего пять лет назад он покинул стены ремесленного училища, а теперь о нем говорят как об одном из лучших подручных, пророча ему будущность отличного сталевара. Сегодня бригада Геннадия Морогова, в которой работает Паньков, снова выпустила очередную плавку на час тридцать минут быстрее нормы.

Скоростные плавки уже давно стали обычным явлением в цехах комбината. Им помогает кислород, который подается по специальным трубам в печи, а главное — все растущее мастерство сталеваров-скоростников.

Кто на комбинате не знает Владимира Лукьянова, уже дважды завоевавшего почетное звание лучшего сталевара страны. Шестнадцатилетним деревенским пареньком, имея за плечами всего четыре класса начальной школы, приехал он в Нижний Тагил и поступил в школу фабрично-заводского ученичества. Это было тринадцать лет назад. А теперь депутат Верховного Совета СССР сталевар Лукьянов — автор популярной среди металлургов брошюры об опыте скоростных плавок, студент последнего курса вечернего отделения горнометаллургического техникума.

Широко известно здесь и имя сталевара Анатолия Гусарова. Более чем полмиллиона тонн стали дал он стране за восемнадцать лет работы на комбинате. Из такого количества металла можно изготовить почти полтораста тысяч грузовых автомобилей или около ста тысяч тракторов.

А доменщик Евгений Федоров! Не прошло и десяти лет, как он окончил ремесленное училище. Сейчас это знатный горновой комбината. Федоров работает и учится. Он выпускник вечернего отделения политехнического института.

Есть кому подражать молодому подручному сталевара А. Панькову. В этом году и он поступает в восьмой класс вечерней средней школы.

Г. РУНОВ

Орленок

...Он стоит перед врагами с гордо запрокинутой головой — мальчишка в шинели до пят. Руки его туго скручены за спиной, но взгляд суров, пухлые губы плотно сжаты.

Образ этого юного безвестного героя Октября создал молодой челябинский скульптор Лев Головницкий. Он назвал его «Орленком».

«Орленок» — третья работа молодого ваятеля, уже известного созданным им скульптурным портретом Павла Корчагина.

Скульптура «Орленок» демонстрировалась в Москве, на Всесоюзной выставке. Отлитый из бронзы «Орленок» был послан в Брюссель, на Всемирную выставку.

Челябинские комсомольцы решили вывести «Орленка» за пределы выставочных залов и установить скульптуру в одном из центральных районов города — на Алом поле. Комсомольцы пожелали соорудить памятник на свои средства. И вот молодые рабочие, студенты вузов пошли на стройки жилых домов, занялись благоустройством города, сбором металлического лома, отчисляя часть заработанных денег «в фонд «Орленка».

Этот памятник героям-комсомольцам, погибшим в годы революции и гражданской войны, будет открыт к 40-летию Ленинского комсомола.

Л. ЯКОВЛЕВА

Фото А. Ходова.

40 тысяч километров под землей

Многие знают о знаменитой Кунгурской пещере — изумительной красоты ледяном дворце. Со всех концов страны приезжают сюда туристы, чтобы совершить подземное путешествие.

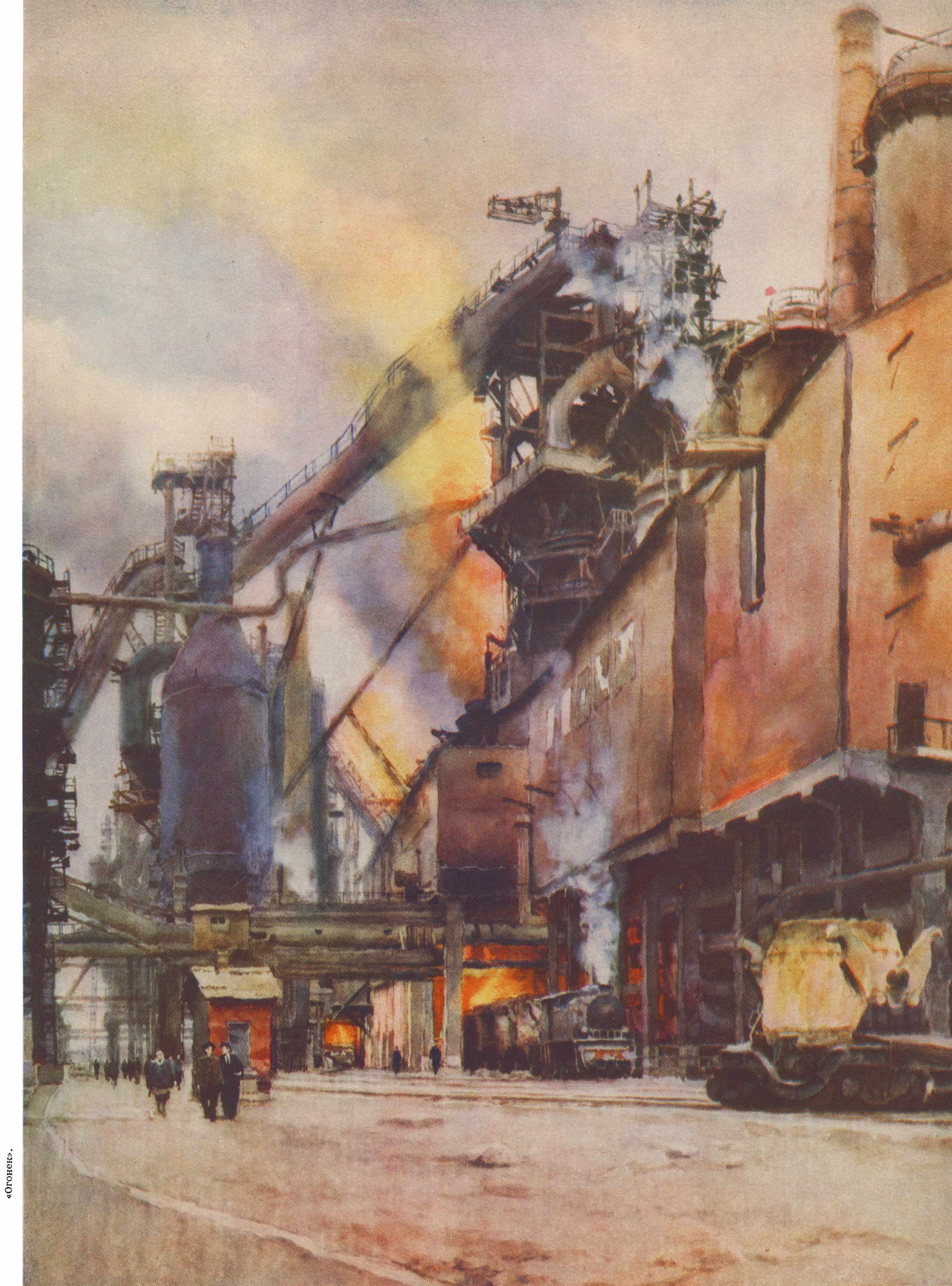
Вот уже более 30 лет встречает туристов у входа в пещеру человек в костюме шахтера. Это старейший экскурсовод Виктор Михайлович Хлебников. Он знает каждый закоулок ледяного подземелья, исследовал многие его потаенные уголки.

Любопытно отметить, что профессия «пещерного гида» Виктору Михайловичу досталась по наследству. В течение 37 лет хранителем Кунгурской пещеры был его дядя, Александр Тимофеевич Хлебников, у которого он воспитывался. Работая экскурсоводом, Виктор Хлебников совершил своего рода пешее кругосветное путешествие... под землей: за 30 лет он прошел по подземным ледяным дворцам Кунгурской пещеры около 40 тысяч километров.

В. ЛУКИН,
научный сотрудник
Кунгурского стационара
Уральского филиала
Академии наук СССР.

На снимке: В. М. Хлебников в Бриллиантовом гроте.
Фото И. Тюфякова.

Б. А. Семенов. (Свердловск). ДОМНЫ ТАГИЛА.
Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

«Огонек».

Б. Ф. Домашников. (Уфа). ИЗ ЦИКЛА «ПО ЮЖНОМУ УРАЛУ». РЕКА СИМ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Уральский театр в Москве

В Москве начались гастроли Свердловского государственного театра оперы и балета имени А. В. Луначарского. Репертуар театра сразу привлек внимание: из десяти названий только три встречаются в афишах московских театров.

Мы попросили главного режиссера театра М. Л. Минского рассказать о гастрольных спектаклях.

— Прежде всего нам хотелось познакомить московских зрителей, — сказал М. Минский, — с музыкой уральских авторов. Мы привезли три спектакля композиторов Урала. Опера «Гроза» написана одним из старейших наших композиторов, Н. Трамбицким, по одноименной драме А. Н. Островского. Этот спектакль можно считать юбилейным в многолетнем содружестве нашего коллектива с этим замечательным музыкантом: первая его опера, «Овод», шла здесь лет 30 назад.

Другую драму Островского — «Бесприданница» — композитор А. Фридлендер переложил на язык балета. Это первая попытка воссоздать героев Островского средствами хореографического искусства. Премьера балета состоялась в мае, но свердловчане уже, кажется, полюбили этот спектакль.

Опера «Охоня» написана в основном по мотивам повести Мамина-Сибиряка «Охонины брови». В основе сюжета пугачевское восстание на Урале. Много лет работал театр с композитором Г. Белоглазовым над этой постановкой. Результат мы выносим на суд москвичей.

Четвертый спектакль, впервые поставленный на нашей сцене,— балет «Левша» Б. Александрова по одноименному сказу Лескова. Композитору удалось создать очень интересную музыкально-танцевальную характеристику главного героя.

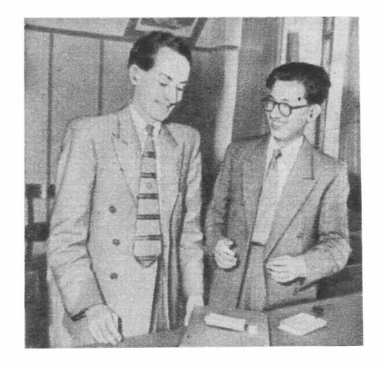
Опера Д. Верди «Симон Бокканегра» мало известна и почти не шла не только в наших театрах, но и на Западе. Театры, очевидно, побаиваются сложного, запутанного сюжета. Мы создали новую сценическую редакцию.

Кроме этого, мы покажем «Орлеанскую деву», «Пиковую даму» и «Щелкунчик» Чайковского, «Аиду» Верди и «Манон» Массна. Во всех спектаклях заняты и наши ведущие актеры и молодежь — воспитанники Московской и Свердловской консерваторий, выпускники Пермского и других хореографических училищ.

Свердловский театр оперы и балета играет в филиале Большого театра. В свободное время актеры осматривают здание. Слева направо: Г. Алексеева, Л. Коновалова, А. Бондарев, Л. Краснопольская, И. Семенов, А. Поставкина, О. Кленов. Фото Р. Лихач.

Гости «Огонька»

Редакцию журнала «Огонек» посетили непальский поэт и музыкант Джанардан Сама, сопровождавший в поездке по Советскому Союзу короля Непала, и студент Московского государственного университета непалец Ананда Бахадур Тапа.

На снимке: Джанардан Сама (слева) и Ананда Бахадур Тапа в редакции «Огонька».

Фото Б. Кузьмина.

Бойцы повстанческого отряда, действующего в горном районе Шуф.

БОРЕТСЯ НАРОД

Более двух месяцев в Ливане бушует пламя народного восстания. Ливанский народ требует пресечь вмешательство империалистических государств во внутренние дела страны. Он выступает за суверенитет и независимость родины, за отказ от участия в военных блоках.

Сейчас восстанием охвачены горные районы Шуф и Хермель, Южный Ливан, города Триполи и Сайда, долина Бекаа. В столице Ливана Бейруте в руках восставших мусульманские районы: Баста, Тарик-эль-Джадида, Муссейтбе и другие. Экономическая жизнь страны парализована. Предприятия и магазины закрыты. Против восставших используются танки, реактивные самолеты, артиллерия и броневики, полученные от США. Американский империализм хочет сохранить свои позиции в Ливане с помощью вооруженного вмешательства. Ища предлога для военной интервенции, агрессивные круги США пытаются изобразить народное восстание как якобы результат «вмешательства со стороны Объединенной Арабской Республики». Они даже готовы игнорировать доклад наблюдателей ООН, который свидетельствует об отсутствии такого вмешательства. Делаются попытки натравить на ливанский народ страны Багдадского пакта.

Перед лицом угрозы иностранного вмешательства ливанский народ сплачивает свои силы в борьбе с местной реакцией и происками иноземных империалистов.

Он уверен в правоте своего дела. На его стороне арабские народы, народы Азии и Африки, все прогрессивное человечество.

Поводом к восстанию послужило убийство реакционными элементами прогрессивного общественного деятеля, редактора газеты «Телеграф» Насиба Метни. На снимке: Насиб Метни в гробу.

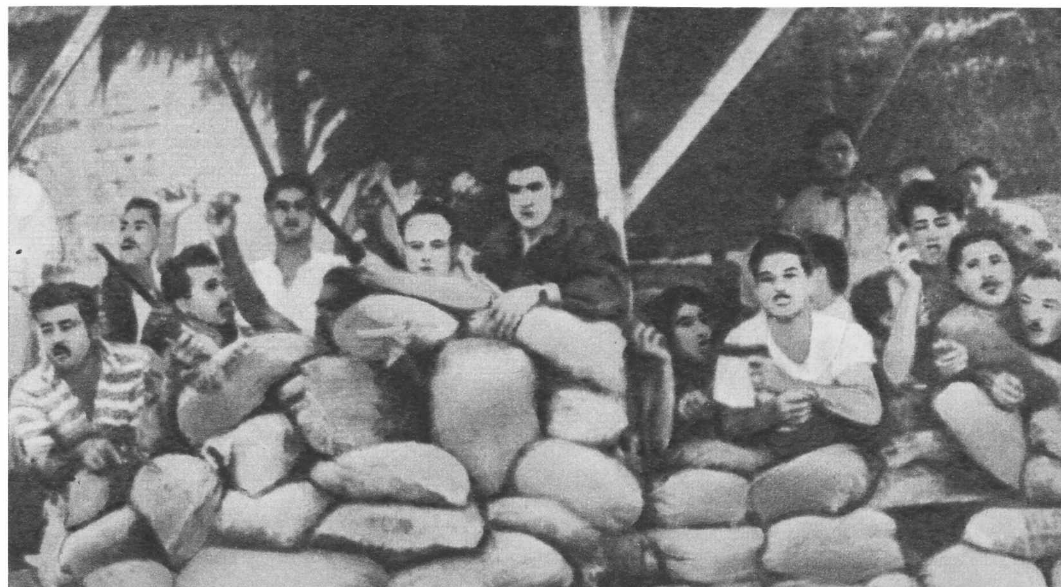

Один из руководителей повстанцев, Камаль Джумблат.

→ Лидер оппозиции в г. Триполи, бывший премьер-министр Рашид Караме.

↓ На улице города Сайда.

Каждый день пребывания в Советском Союзе Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии и Президента Чехословацкой Республики Антонина Новотного — это яркая демонстрация дружбы братских народов Чехословакии и Советского Союза. Антонина Новотного, а также члена Политбюро ЦК КПЧ и заместителя Председателя правительства Вацлава Копецкого, члена Политбюро ЦК КПЧ и министра внутренних дел Рудольфа Барака, члена Политбюро и секретаря ЦК КПЧ Иржи Гендриха и других посланцев народов Чехословакии советские люди повсюду встречают как лучших друзей. Горячо и искренне приветствовали дорогих гостей москвичи и ленинградцы, жители Грузии и Украины.

Советский Союз и Чехословакия стоят в одном строю, ведут общую борьбу за мир и социализм. Братские связи и сотрудничество между нашими странами становятся все шире, все прочнее. «Нет дружбы крепче, чем дружба социалистических народов...» — сказал Н. С. Хрущев в Ленинграде на митинге, посвященном приезду чехословацких гостей.

Пусть вечно живет эта дружба!

Фото А. Гостева.

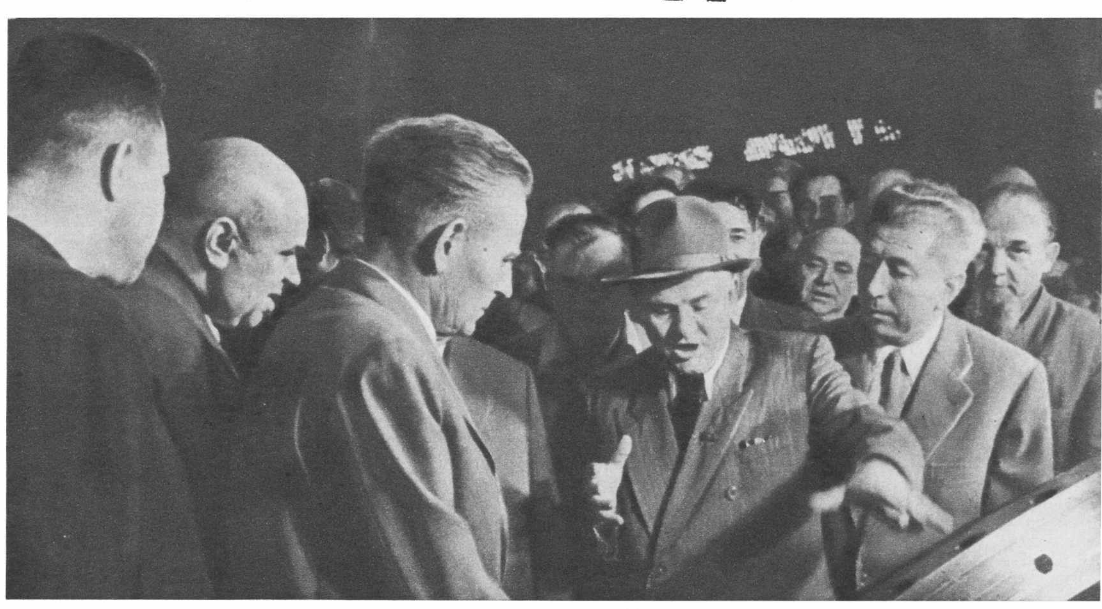

Антонин Новотный нанес визит в Кремле Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову.

ПУСТЬ ВЕЧНО ЖИВЕТ ЭТА ДРУЖБА!

А. Новотный выступает на митинге на Дворцовой площади в Ленинграде.

Ленинград. А. Новотный. Н. С. Хрущев и сопровождающие их лица посетили Кировский завод.

После осмотра цехов на Кировском заводе состоялся многотысячный митинг.

А. Новотный и Н. С. Хрущев совершили поездку в Кронштадт.

За разоружение и сотрудничество

М. МЕРЖАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Шведский Комитет защиты мира ведет подготовку к Всемирному конгрессу за разоружение и международное сотрудничество. Он обратился с воззванием, приглашающим рабочих принять участие в работе конгресса.

«Общественность всего мира,— говорится в этом письме,— требует прекращения испытаний ядерного и водородного оружия. Идеи нашего конгресса поддерживают известные общественные деятели всего мира, в том числе и видные шведские ученые, писатели, деятели культуры... Окажите поддержку конгрессу, присылайте своих делегатов в Стокгольм...»

Одновременно разослан лист, названный «Поддержка конгресса». В нем расписываются желающие поддержать дело мира и определяют сумму денег, вносимую в общественную кассу.

Секретарь шведского Комитета защиты мира Антон Страндт рассказал нам:

— Мы ежедневно получаем ответы на наше письмо. Его обсуждают на собраниях и там же выделяют делегатов на Всемирный конгресс. Мы уже получили согласие от гетеборгского профсоюза портовых рабочих, от строительных рабочих Стокгольма, от профсоюза шведских железнодорожников, от столичных электриков. Больше пятидесяти различных общественных организаций откликнулось на наш призыв. Среди них много женских союзов и демократических объединений. В качестве наблюдателей хотят присутствовать на конгрессе представительницы буржуазно-демократического женского союза «За мир и свободу». Примет участие в работе Стокгольмского конгресса и буржуазный «Союз шведских миссионеров».

Уже вышло много литературы, посвященной борьбе за мир. Среди них — брошюра «Стронций-90 угрожает всем», которая пользуется особым вниманием. В ней выступают известные шведские ученые. профессор О. Густавссон, Гуннар Инге. В другой брошюре, озаглавленной «Нет!», высказываются доктор медицины Андреа Андреен, Сивар Арнер, Георг Брантинг.

Через несколько дней, 16 июля, в Стокгольме, в Эриксдальхаллене — большом спортивном зале, вмещающем до трех тысяч человек,— откроется Всемирный конгресс за разоружение и международное сотрудничество. В двух школах по соседству будут работать комиссии конгресса.

В столицу Швеции уже съезжаются делегаты. Начали работать подготовительные комитеты. В конгрессе примут участие видные общественные деятели всего мира. Среди них — английский профессор Джон Бернал, чилийский сенатор Сальвадор Альенде, индийская общественная деятельница Рамешвари Неру, французский писатель Жан Поль Сартр, академик Н. Семенов, композитор Д. Шостакович, министр юстиции Цейлона де Сильва, шведский писатель Артур Лундквист и другие.

На конгресс в Стокгольм прибывают представители около ста стран мира. Это говорит о том, что вопросы разоружения и сотрудничества волнуют все страны и все народы на всех континентах. События в Ливане и Индонезии, попытка создать очаг атомной войны в Западной Германии, отказ западных держав прекратить испытания ядерного оружия придают Стокгольмскому конгрессу особый смысл. Он выразит мировое общественное мнение и чувства людей доброй воли, которые стоят за разоружение и международное сотрудничество.

Стокгольм.

Прибытие в Берлин делегации Коммунистической партии Советского Союза

8 июля на V съезд Социалистической единой партии Германии прибыла делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с Первым секретарем, членом Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущевым. Делегацию встречали Первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт, Председатель Совета Министров ГДР О. Гротеволь и другие руководители СЕПГ и правительства ГДР. Население Берлина горячо приветствовало гостей из Советского Союза.

На снимке: встреча делегации КПСС на Восточном вокзале в Берлине. Слева направо: Н. С. Хрущев, В. Ульбрихт, О. Гротеволь.

Фото Центральбильд.

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ

Рассказ

Виктор СТАРИКОВ

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Пятый месяц маркшейдер Леднев исполняет обязанности директора гранитного карьера, но все еще не может привыкнуть к новому положению. Утром, хотя можно вызвать легковую машину, он ходит на работу пешком. Леднев любит этот утренний час, когда, неторопливо шагая от поселка лесом, он может спокойно обдумать предстоящие дела. Ему кажется, что количество совершаемых ошибок у него возрастает в арифметической прогрессии. Ради чего же он взялся за этот тяжкий труд, казавшийся со стороны не столь уж сложным?

На дороге никого нет. Сосновый лес пронизан бронзовым теплым сиянием, расстилаются пышные ковры черники, среди мха и многолетнего слоя хвои выступают мощные обнажения грязноватого порфирита, на молодой вырубке, где пни спрятаны высокой травой, густеет малинник, среди него одинокие березы шелестят лаковыми под солнцем листьями.

С опушки открывается панорама карьера, не очень привлекательная на первый взгляд. Видны потемневшее от времени двухэтажное здание конторы, длинный дом барачного типа, отданный под «торговую точку», электроподстанция с желтыми подтеками на белых стенах, с густыми пучками проводов во все стороны, красное кирпичное здание дробильного цеха. Экскаватор на верхнем уступе выбирает землю, готовя новую площадку для разработки камня, подбираясь к лесу.

Уступы, поднимаясь крутой лестницей, образуют широкий амфитеатр, похожий на стадион в разгаре стройки. Просторная площадка в глубине вся завалена крупным серым камнем.

Гудит паровоз, подтягивая короткий состав платформ к погрузочной эстакаде. Леднев думает, что опять утро у него начнется с неприятности: с распределения камня потребителям.

В приемной уже толпились люди — агенты строек. Молоденькая секретарша Зина, пухленькая, с копной рыжеватых волос, кокетливо взбитых, с ярко накрашенными губами, болтливая и нерасторопная, протянула большую пачку телеграмм.

Леднев молча взял их и прошел в кабинет. Бланки, пахнущие клеем, с жирными буквами, были для него пострашнее тех людей, которые пытались попасть сквозь двойные, обитые черной клеенкой двери к нему в кабинет. Эти адресанты не присылали агентов-толкачей, занимая среди других потребителей особое положение. Короткими словами они энергично требовали немедленной отгрузки бута и щебня, угрожали Ледневу персональной ответственностью перед высшими партийными и советскими органами за срыв строительства предприятий.

На утреннюю погрузку железная дорога подала двенадцать вагонов, требовалось во много раз больше. Леднев, отвлекаемый телефонными звонками с участков, так и этак прикидывал, стараясь наиболее разумно распределить двенадцать вагонов.

Он вызвал Зину.

— Опять телеграммы не зарегистрированы.

— Разве? — Девушка покраснела. — Вы говорили: Савушкину не давать, сразу вам.

— После регистрации... Запомните! И позовите Савушкина.

Начальник отдела снабжения и сбыта, худой и желчный человек, с пожелтевшими обвислыми усами на угрюмом лице, явился немедленно. В кабинет он всегда входил, чуть согнув спину, подчеркивая служебную аккуратность, исполнительность и готовность в срок и быстро выполнить любое приказание, пусть даже самое нелепое. Они встречались по утрам ежедневно, и их отношения ухудшались с каждым днем. Поправив черные нарукавники, Савушкин достал блокнот в красном переплете и толстый двухцветный карандаш.

«Видите, я записываю все ваши распоряжения, хотя не со всеми согласен»,— всем своим видом подчеркивал Савушкин, сжимая карандаш худыми склеротическими пальцами.

Савушкин не верил в Леднева.

— Схватил удачу, да плохо ею распоряжается,— открыто говорил он сослуживцам, не скрывая своего отрицательного отношения к исполняющему обязанности директора.

Оно определилось с того дня, когда у Савушкина, испытанного и проверенного пятнадцатью годами безупречной службы на этом месте, Леднев забрал все дела по сбыту камня.

Старожил карьера привык иметь дела с пожилыми людьми, самостоятельными, искушенными в трудностях снабжения и сбыта, тертыми и перетертыми в передрягах, как и он сам. А тут — тридцати лет еще нет! Вот и кажется все простым и легким.

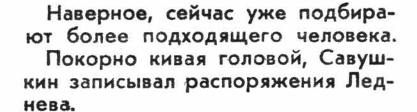
Савушкин, видя, как порой беспомощен бывает в самых пустяковых делах Леднев, искренне боялся тяжелых для карьера ошибок, ждал их, как неизбежную и близкую беду, однако и поправлять директора, помогать не хотел. Пусть сам выплывает! Ему казалось, что исполняющий обязанности директора по слепоте громоздит ошибку на ошибке и очень скоро полетит отсюда с громом и треском. Тяжело тогда придется всем старожилам карьера: ведь они будут вытягивать хозяйство, налаживать разрушенное.

Савушкин помнил, как маркшейдер Леднев появился на карьере. Его нельзя было назвать видным парнем. Самой обыкновенной наружности, даже ростом не вышел. Русенький, с небольшим шрамом на левой щеке, тихий и замкнутый. Занимался маркшейдерскими делами, определял запасы камня, намечал участки для новых разработок, никого особенно не интересовал, сам мало кого беспокоил. На собраниях выступал редко, но всякий раз после этого начинались какие-нибудь неприятности. Позволял себе резко спорить с директором карьера Колышевым, старым, заслуженным и опытным работником. Даже спокойный обычно Колышев порой выходил из себя. Однажды в кабинете наедине с Савушкиным он пожаловался:

— Навязался этот чертов маркшейдер! Ведь какую опять кашу заварил! А с виду тихоня... словом не обидит.

Зубки показывал!.. Теперь Савушкину это ясно.

Одного понять он не может: как мог Колышев, выдвинутый на работу в совнархоз, доверить свое предприятие этому желторотому птенцу? Впрочем, Леднев только временно исполняющий обязанности. Просто в те дни он оказался здесь единственным инженером, имеющим право на ведение горных работ.

Наверное, сейчас уже подбирают более подходящего человека.

Покорно кивая головой, Савушкин записывал распоряжения Леднева.

— Четыре платформы железной дороге надо выкроить, — посоветовал Савушкин.

— Где их взять?

— Мы выручим, они нас в беде не оставят.

— Мы — им, они — нам?

— А хотя бы и так! — рассердился Савушкин и захлопнул блокнот. — Святым хотите быть? Святых в наше время не бывает. Да, мы — им, они — нам. А вы — ни себе и ни им!

— Вот и объяснились, — весело согласился Леднев, внутренне приказывая себе не срываться. — Нет уж, сделайте, как записали.

Савушкин так просто не мог уйти из кабинета. Он переступил с ноги на ногу, переживая сладость этой минуты.

— Подбили итоги месяца, — бесстрастно, но внутренне ликуя, сказал он, замечая, как насторожился Леднев. — По добыче — девяносто два процента, по отгрузке — шестьдесят восемь. Счет в банке закрыт. Среди рабочих разговоры идут нехорошие: завтра зарплаты не будет. О премиях и толковать нечего. Какие уж тут премии!..

Да, не по вкусу пришлась эта пилюля. Леднев изменился в лице, потянулся нервным движением к телефону, но поспешно отвел руку, пристально посмотрел в лицо Савушкина, потом встал.

— Плохо! — с силой сказал Леднев и не смог скрыть гнева, разлившегося румянцем по лицу, повысил голос: — Очень плохо! Вы этому напрасно радуетесь. Безобразно обеспечивали карьер порожняком.

— Как мог,— ответил Савушкин и деревянно поклонился, развел в стороны руки.— Отказали железной дороге в щебне, вот нас, дураков, и учат. Так-то добрые люди живут!

— Это вы их к такой жизни приучили. Сознательно мешаете мне.

— Можете еще один выговор записать.

— В следующем месяце, если с отгрузкой не изменится, я вас уволю,— холодно пообещал Леднев и пожалел: все-таки сорвался.

Савушкин гордо вздернул голову.

— Уволите? Нет уж, извините, силенок для этого маловато... И не забывайте, вы исполняющий обязанности.

Телефонный звонок прервал разговор. С карьера главный механик сообщал, что стал экскаватор: сломалась коронная шестерня. Савушкин этим воспользовался и вышел. Леднев знал, что сейчас он идет к себе в отдел, окруженный толкачами, перемывая с ними его кости.

Леднев сидел в неуютном кабинете, заставленном кожаной мебелью, где чувствовал себя чужим, знал, что нужен сейчас в горном цехе, на строительной площадке, в десятке других мест, и не находил сил подняться.

Еще одна авария! Случайности подстерегают его каждый день. Надо быть к ним всегда готовым. Колышев умел их не замечать, относился к ним, как к неизбежному злу. А Леднева каждый такой случай лишает равновесия. За ними ему всегда чудится собственная нераспорядительность.

Ко всем заботам и неприятностям прибавилась и еще одна.

Всегда на карьере выполняли план, все получали премии. Теперь же ни плана, ни премии. Не будет завтра и зарплаты. Чья вина? Будут говорить: директор развалил дела... Но не в этом дело — у всех упадет настроение.

«На карьер!» — приказал себе Леднев.

Там шла обычная жизнь, далекая от тревог и забот директора: люди добывали камень. Каждый человек знал свои обязанности и старался наилучшим образом выполнить их.

Все здесь подчинено единому ритму. С тревогой всматривался Леднев в знакомую картину. Как неумело повел он карьер! А ведь, соглашаясь на временное исполнение обязанностей директора, он мечтал в короткий срок все тут перестроить. Казалось, что без особых усилий можно давать больше камня и щебня стройкам, более разумно организовать все процессы. А в действительности...

Подошел мастер участка Кузовкин, поздоровался, внимательно вглядываясь в пасмурное лицо директора. Рука у мастера была маленькая и жесткая, как рукавичка. Среднего росточка, с лицом, опаленным до черноты солнцем, он был самым надежным и спокойным во всех трудных обстоятельствах. Колышев очень его ценил. На каждом предприятии бывают такие внешне незаметные работники, которые в действительности являются подлинными хозяевами, вкладывающими в работу весь жар своего сердца.

Леднев встретился с Кузовкиным в первые дни своей жизни здесь. Старейший мастер знакомил маркшейдера с разработанными участками, рассказывал историю карьера. Никто не знал ее лучше Кузовкина. Можно было изумляться его цепкой памяти, сохранившей множество самых разнообразных сведений, цифр, имен лучше, чем старые архивные материалы. Леднев бывал в гостях у мастера, любил слушать его рассказы; запоминались острые суждения о жизни, меткие характеристики людей. Подкупало разумное, трезвое и доброе отношение к жизни.

Кузовкин и рассказал об опасности, которая угрожает большому озеру. Готовились к строительству нового мощного гранитного карьера, не уступающего по технике лучшим горным предприятиям. Участок с неограниченным запасом камня близко подходил к озеру. А эта близость грозила тем, что при углублении разработок вода по трещинам начнет просачиваться в выработки, озеро неизбежно начнет мелеть и в короткое время превратится в болото. Сейчас вся округа была любимым местом летнего и зимнего отдыха горожан. Тут располагались санатории, дома отдыха, пионерские лагеря.

Леднев, встревоженный этим рассказом, много занимался проектом и убедился, что мастер прав: нельзя разрабатывать этот участок, если подумать и об интересах города; он лишится своего красивейшего уголка. А камень можно найти и в другом месте.

Однако Колышев и слышать не хотел о пересмотре проекта: утвержден, одобрен, деньги на строительство отпущены. Работать надо, а не дискуссиями заниматься. Леднев оказался строптив, продолжал настаивать на своем. Колышев словно и не замечал маркшейдера. А месяц назад Леднев, убежденный в своей правоте, подал подробную докладную записку и начал свертывать работы по капитальному строительству.

Он ждал, что со дня на день должна разразиться гроза, и даже удивился, что так долго длится тишина. Вот на эту грозу и надеялся Савушкин.

— Плохи дела? — спросил, о многом догадываясь, Кузовкин.

— Очень, Павел Акимович, — признался без всякого смущения Леднев.

— Что плохого-то?

— Премий в этом месяце не будет. Наверное, и зарплату задержим на несколько дней. Не выполнили плана.

— Да,— потускнел мастер.— Значит, месяц бились понапрасну.

— Сердиться будут люди?

— А думал, похвалят? Конечно! Они ведь работали, заработка ждали. Получка — это всем в доме радость.

— Вагонов не дают, отгрузку сорвали.

— Это тебе Савушкин в колеса палки вставляет. Народ о нем давно говорит: комбинатор. О себе тоже послушать надо: говорят, крепко взялся, а теперь больше в конторе стынет. С утра бы тебе сюда, а ты торопишься к креслу. А главное тут решается. Насчет проекта не вызывали?

— Жду. Молчат — значит, силы копят.

— Смотри, не сдавайся. Раз уступишь — в привычку войдет. Тут решается будущее. Все тебя поддержат.

— Да ведь временный я...

— Временный...— скептически протянул мастер и неодобрительно покачал головой.— Плохое слово. Тогда нечего и бои затевать. Эх! — махнул он рукой.— Временный... Все тогда понятно. С зарплатой ничего не придумаешь? Очень людей обидишь.

К ним уверенно шагал высокий человек в плаще, с новенькой кожаной папкой под мышкой, с надменной улыбкой на рыхлом и бледном лице. Он редко появлялся среди толкачей по утрам, предпочитая не смешиваться с другими, и приходил обычно во второй половине дня.

Он остановился в двух шагах, приложил пальцы к козырьку белой новенькой фуражки и осведомился запросто:

— Приняли решение, Сергей Николаевич?

— Вагонов нет, ничем не могу помочь.

— Вагонов нет,— вдруг раздраженно, фистулой заговорил снабженец.— А камень у вас есть? Где у вас камень? Спасение ваше, что вагонов мало дают. Работать не умеете. Знаете, что такое кабель? Свинцовый кабель! А вырываю. Моторы получать пробовали? Тоже срывов не было. А у вас из-за пяти вагонов паршивой щебенки вторую неделю живу. Работники! Камень добыть не можете. Вся ваша технология — пробурил, отпалил, раздробил, просеял, погрузил. Изучил я за десять дней. Даже этого не умеете делать. Наверное, диплом инженера носите, государство на ваше учение деньги тратило.

У Леднева потемнело в глазах. Он знал за собой эти приступы темного гнева, боялся их.

— Все сказали? — хрипло спросил он, не узнавая собственного голоса.

— Могу добавить,— окончательно разозлился снабженец.— Не дадите завтра щебня, пойду в совнархоз, расскажу про ваши художества. Имейте в виду, даю срок до завтра.

— Пошли вон с карьера! — закричал сорвавшимся голосом Леднев.— Сегодня же! Не будет вам щебня.

— Не пугайте! — хладнокровно возразил снабженец.— Тут не частная лавочка. Заставят!

— Сегодня же уезжайте! Нахал!

С искаженным гневом лицом Леднев шагнул к снабженцу. Самоуверенный агент, поняв, что перехватил через край, отступил, стараясь сохранить надменный вид, повернулся и зашагал по узкой тропинке среди высоких отвалов породы.

— Какой нахал! — с ненавистью сказал Леднев.

Кузовкин добродушно рассмеялся, махнув маленькой рукой.

— Как отчитал-то!.. Подумаешь, говорит, производство. Камушка наломать не можете. А? Понял наш труд...— И опять засмеялся.

— Кажется, завтра выдадим зарплату,— вдруг сказал Леднев.

— Вот и ладно,— обрадовался Кузовкин.— Рабочие тебе за это сто грехов простят. Ведь могут подумать: нет зарплаты — директор плохо о рабочей жизни беспокоится.

Поручив одному из рабочих дойти до конторы и выслать за ним на карьер машину, Леднев направился к аварийному экскаватору.

Из города он вернулся часа через два, возбужденный, веселый, и вызвал Савушкина.

— Сергей Николаевич,— сказала с испуганным лицом Зина.— Тут вас два раза спрашивали.

— Потом, потом,— отмахнулся нетерпеливо Леднев.

Савушкина он встретил посредине кабинета.

— Зарплату завтра выдаем,— сказал Леднев, не скрывая торжественного настроения.— Счет в банке восстановлен, деньги на текущем счету имеются.

Савушкин недоверчиво смотрел на него.

— Теперь запишите,— распорядился Леднев.— Заготовьте к вечеру акт о срыве железной дорогой плана подачи вагонов. Предъявим исковой счет в арбитраж. Дальше: обеспечьте эстакаду грузчиками. Даем камень городским организациям, они вывезут его автомашинами. Вот список...

— Старый трюк! — обрадованно произнес Савушкин и рассмеялся.— Вам известно, что это строжайше запрещено? Есть утвержденный план отгрузки.

— Осведомлен... Камень на эстакаде держать не буду.

— Распоряжение не могу выполнить,— твердо сказал Савушкин, возвращая список, и выпрямился.

— Подайте заявление об уходе по собственному желанию.

— Этого, товарищ Леднев, не будет. Я напишу протест.

В кабинет просунулась Зина, хотела что-то сказать, но Леднев сердито махнул рукой, и она исчезла.

— Пишите,— беспечно разрешил Леднев и счастливо засмеялся.— Пишите на здоровье... Но если сорвете погрузку, то я вас завтра же и уволю, уже не по собственному желанию, а за срыв важнейшего приказания.

Едва Савушкин вышел, как в кабинет опять заглянула Зина и, чуть не плача, виновато моргая длинными ресницами, сказала:

— Ведь к трем вас вызывали, Сергей Николаевич, а скоро уж четыре.

— Куда вызывали?

— В совнархоз, к Колышеву!

— Что же ты молчала?

— Да вы меня не слушали.

— Ох, Зина! — сокрушенно произнес Леднев.— Подвела ты меня!

По дороге в город, поторапливая шофера, Леднев с тревогой думал, какая встреча ожидает его в совнархозе. С Колышевым они за это время ни разу не встречались. Придется объяснять ему все промахи, вплоть до срыва плана, но главное — это свертывание капитального строительства карьера.

Самолюбивый и властный Колышев, возглавляющий сейчас в совнархозе управление промышленности строительных материалов, этого ему не простит. Ведь, еще сдавая дела, он предупредил:

— Бывает так, что на отсутствующего все плохое валят. Будут у тебя неприятности и неполадки, иногда и очень солоно придется. Не вздумай на меня что-нибудь валить, дескать, такое наследство. Оно не плохое. О новом карьере спорили. Хватит, работать надо; буду проверять, как строительство идет.

У Колышева были посетители, и Ледневу пришлось подождать полчаса в приемной.

Наконец его вызвали.

Кабинет Колышева в совнархозе поразительно напоминал его кабинет на карьере: те же двойные, глухие, обитые клеенкой двери, тяжелая кожаная мебель. Разница лишь в том, что тут кабинет раза в четыре больше и соответственно этому прибавилось и мебели.

Колышев кивнул, подписывая какие-то бумаги, и показал на кресло, приглашая садиться.

— В следующий раз прошу быть аккуратнее. Я ведь планирую приемы.

Леднев промолчал, не хотелось оправдываться.

В кабинете, хоть были опущены легкие шторы, стояла духота, пропахшая расплавленным асфальтом, перегаром бензина. Колышев, широкоплечий, статный, сидел, повесив пиджак на спинку кресла, в голубой сорочке, расстегнув ворот. На столе стояла бутылка боржома. Гудел настольный вентилятор.

Продолжая подписывать бумаги, он бросил:

— Позавчера вернулся из отпуска. Поинтересовался делами карьера. А они такие, что пришлось все другое бросить.

Он поднял голову, принахмурив черные широкие брови, и вопросительно посмотрел на Леднева.

— Что же ты, решил карьер губить? — И решительным движением отодвинул папку с бумагами.— Хвалю, хвалю за смелость.

С ласковым добродушием, положив на стол крупные руки, покрытые бронзовым загаром, он всматривался в маленького Леднева.

— Сколько лет работаю в промышленности, а не знал, что можно так хозяйствовать. Решил — плох проект, побоку его? Хорошо придумано.

— Василий Кузьмич, я шутки плохо понимаю,— сказал Леднев.

Он знал эту трудную для других манеру Колышева разговаривать полушутливо, полусерьезно.

— Чего ж тут понимать? Хозяин на карьере. Значит, утвердился в мысли, что проект вредный, узкий, без государственного подхода?

— У меня в докладной по-другому сказано: поспешный.

— Но смысл таков? Значит, будем добывать камень в другом месте, хоть и более дорогой? Начнем все заново? Зато спасем город. Это государственный подход?

— Разве я молчал? Давно говорил об этом.

— А может, городу самому следует об этом думать? Мы хозяйственники, наше дело — выдавать много дешевой продукции. Да, может, потому и строительство разрешили, что обещали дешевый камень дать!

— Так я не могу решать. Не хотели с другими вариантами возиться. А тут — камень рядом, добыть его просто. Пошли по легкому пути.

Колышев, снисходительно улыбаясь, вглядывался в Леднева.

— Вот и говорю: хозяин! А ведь могут судить за срыв капитальных работ. Ему отпустили деньги на капитальное строительство, а он, пожалуйста, начал его свертывать. Разве для директора государственная дисциплина не обязательна?

— Я исполняющий обязанности. Веду себя неправильно — освободите.

— Об этом разговор брось: сегодня временный, завтра утвердим. Хочешь спрятаться?

— Не привык. Да и нужды в этом не вижу.

— Хоть бы посоветоваться пришел. Теперь заварил кашу. Вот что,— он задумался, что-то прикидывая,— недели через две на карьер приедет комиссия разбираться во всей этой истории. Готов к бою? Учти, я председатель комиссии.

— Милости прошу.

— Да тут милости не нужно. Выводы комиссии для тебя могут быть самые скверные.

— Я приглашу работников горсовета.

— Это мы сами сделаем. Ладно, с этим кончили. Словом, готовься. Ну, а как у тебя с планом будет?

— Подзапущены горные работы.

— Тоже моя вина, конечно?

— Ваша.

— А помнишь, что я тебе на прощание говорил? Память плоховата?

— А я на вас не ссылаюсь,— строптиво возразил Леднев, начиная раздражаться от этой манеры разговора.

— Ну, ладно, я плохо работал. Но люди у меня зарплату всегда вовремя получали.

— Вовремя получат и у меня.

— Эту комбинацию не одобряю. Хотели мы всю эту затею с городскими организациями поломать. Но пощадили — пошел на риск. Вот я и говорю: смел, смел! Капитальное строительство свернул, камнем сам стал торговать.

«Успел Савушкин сообщить»,— подумал Леднев.

— Я не хочу, чтобы железная дорога мною командовала. Испортили вы Савушкина. Железная дорога получала камня, сколько хотела, а стройки страдали, у них план срывался. Разве можно с этим мириться?

— Вон сколько сразу проблем! Зачем ты на себя эту тяжесть взял? Не понимаю. Пусть Савушкин возится с потребителями. Вмешивайся только в крайних случаях. Тебя же потребители будут хвалить.

— По-разному мы смотрим на это, Василий Кузьмич.

— А плечи выдержат?

— Надеюсь.

— Ну, коли так, крепись.— Колышев встал, большой, грузный, прошелся по кабинету, все всматриваясь в Леднева, как-то по-новому сейчас оценивая его, жалея и радуясь.

— Да, неладно пока у тебя пошло.

Леднев поднял голову.

— Бывают люди, которым должность генерала не по плечу.

— Ну... Уже в запас попросился? Не выйдет теперь.

— Легкомысленно тогда согласился. Может, освободите? Ну зачем мне все это?

— Не философ, на такие вопросы отвечать не умею. Но думаю, что жизнь такая штука, что каждого человека пробует на зубок — на что он годен? Вот ты ей на зубок и попался. Что же, дашь себя перекусить?

Он сел в кресло напротив Леднева и дружески положил ему на колено руку.

— Присматривайся к людям. Не всегда нужно с ними круто жить. Савушкина обидел напрасно. Он старик хороший, карьер любит. Не вздумай его увольнять. Ведь ты его первый обидел. Вот и пошло у вас. Не так ли? Значит, о Савушкине договорились.

Леднев ничего не ответил.

Пробили большие часы. Колышев встрепенулся.

— Еще бы нам поговорить, да ждут меня. Готовься к комиссии, а сейчас — будь здоров.

Леднев вышел. Колышев постоял некоторое время, потирая бритую голову. «А ведь хорош! — подумал он, вспоминая свою молодость.— Определенно хорош! Зубаст, но силен. Не напрасно я его предложил. Трудно ему будет, всего натерпится, но потянет, определенно потянет... А первый-то вариант был все же дешевле!»

На скамеечке возле конторы сидел Кузовкин, мирно отдыхающий. Леднев удивился: рабочий день закончился, мастеру пора быть дома.

— Тебя жду,— признался Кузовкин.— Зина тут тревогу подняла, говорит, Колышев вызвал, сердился, что опаздываешь.

«Ох, Зина!» — подумал Леднев и ответил:

— От него.

— Как встретил?

— Ласково. Не поймешь, где у него шутка кончается.

— Это он умеет,— подтвердил Кузовкин.— Хитрый и умный, как лис. Свою линию знает, к себе в душу никого не пустит, зато чужую наизнанку может вывернуть. О проекте говорили?

— Ругались... Комиссия приедет.

— Сердит, верно, что так к его проекту относишься? Этой реконструкции он пять лет добивался, все это ему немалых сил стоило. А ты пришел и все в четыре месяца поломал.

— А что мне делать? Молча соглашаться? Не могу.

— Правильно!

Они прошли в кабинет. Груда бумаг лежала на столе.

— Устал я, Павел Акимович,— признался Леднев, увидев груду бумаг на столе в этом неуютном парадном кабинете.— Думал, что все тут поверну, будем больше давать камня. А встал на место Колышева и увидел, что ничего не умею. Надо сдавать дела.

— Растерялся? Думаешь, смысла нет? Да в том-то и смысл, что начал работу с полетом! А с новым карьером — это разве только твое дело? Общее!

В кабинет вошел Савушкин, уже без черных нарукавников и неизменного блокнота в красном переплете, настороженно вглядываясь в лицо директора.

«Не терпится узнать, чем поездка закончилась»,— неприязненно подумал Леднев.

— Приготовили акт? — спросил он.

— Не успел.

— Милый ответ... Считаете мои распоряжения не обязательными? Утром акт должен лежать у меня на столе.

Леднев говорил сухо, непреклонно. Он поднял глаза на Савушкина, словно спрашивая, как же с ним поступить.

— Эстакада грузчиками обеспечена? Не сорвете завтра работу?

— Почти,— неуверенно произнес Савушкин, догадываясь, что поездка в совнархоз обернулась по-иному, чем он предполагал.

— Почти? Значит, не обеспечена.

— Надо снимать людей с эксплуатации. Без вашего разрешения не могу.

— Там никого не трогать. Снимите подсобных рабочих со строительства.

— Но есть же приказ Колышева, запрещающий трогать хоть одного человека со стройки,— возразил Савушкин.

— Вспомнили!..— усмехнулся Леднев.— Когда был издан приказ? Что же вы, ничего не видите? Ведь свертываем мы строительство. Карьер будет строиться в другом месте.

— Есть решение совнархоза? — полюбопытствовал Савушкин, не замечая, что в его голосе зазвучало сочувствие.

— Решения еще нет,— медленно произнес Леднев, вспоминая снова и снова весь разговор с Колышевым и обретая сейчас силу и ясность в действиях оттого, что все для него вдруг встало на свое место.

— Тогда нечего и торопиться,— решительно возразил, воспользовавшись паузой, Савушкин, чтобы предостеречь директора от новых ошибок.

Леднев поднял на него глаза.

— Мы не дети, отвечаем за свои дела. И забудьте,— добавил он твердо,— что я тут исполняющий. Завтра соберем совещание и подумаем, как нам быстрее развернуть строительство на новом месте. Мы должны быть готовы к приезду комиссии хоть завтра. Этим и займитесь...

Он кивнул головой, отпуская Савушкина.

Тот постоял, все еще всматриваясь в Леднева, потом повернулся и, тяжело ступая, медленно вышел и закрыл плотно за собой дверь.

Кузовкин сидел у окна, опершись руками на колени, отдыхая после трудного дня, и, казалось, безучастно слушал весь этот разговор. Едва дверь за Савушкиным закрылась, он поднялся и спросил:

— Не круто повертываешь?

— Ну! — удивился Леднев.— Разве круто? Ведь докладная там месяц лежит, сводки мы не скрывали. Колышев только предупредил, чтобы к бою готовился. Вот и готовлюсь!

Он поднялся, разминая плечи.

— По домам, Павел Акимович?

Однако сам Леднев домой попал поздно.

На дне карьера огненный круг опоясывал аварийный экскаватор, всполохи голубого огня электросварки озаряли крутые борта участка. Леднев сидел на гранитной шершавой глыбе возле ковша, опущенного на землю, холодно сверкавшего острыми клыками, и уточнял сроки ремонта с бригадиром и главным механиком.

Потом он долго поднимался по крутой деревянной лестнице с уступа на уступ, делая короткие остановки для отдыха. По мере того, как он поднимался, все шире становился круг ночных огней, уходящих в глубину.

На последнем уступе Леднев присел на скамейку, отвалился к спинке и раскинул руки. Хорош был этот тихий летний вечер, с запахами близкого леса и спокойным мерцанием тысяч огней внизу. Все его сегодняшние волнения казались сейчас не столь уж важными перед тем, что еще предстояло. Но теперь оно не страшило.

Леднев посмотрел на небо. Ему казалось, что сегодня и звезд высыпало особенно много и сверкают они небывало ярко.

Мраморное село

Коелга — небольшое село на Южном Урале — мало походит на соседние села. Начнем с того, что стоит только чуть-чуть разворошить дорожную пыль — и под ногами забелеет белоснежный камень. Это из него сооружены в Коелге заборы, скамьи у домов, надворные постройки. Этот камень, прочный, не боящийся суровых уральских ветров и морозов,— белый мрамор. Село стоит на мраморе.

Лишь при Советской власти начались разработки белоснежного коелгинского мрамора, и за эти годы его слава шагнула далеко за пределы Урала. Им облицованы подземные дворцы московского и ленинградского метро, здание Московского университета на Ленинских горах. Мрамор из Коелги идет в разные концы страны.

Но прославилась Коелга не только своими богатыми мраморными запасами — ведь мрамора на Урале очень много и разных цветов: от черного и красного до дымчатого и белого, как снег. Коелга стала в последние годы школой обучения новому способу добычи мрамора. Здесь весь процесс этой добычи полностью механизирован.

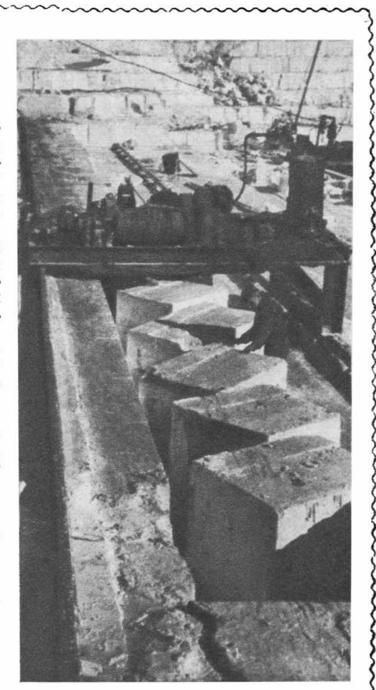
Огромная белая чаша карьера стала похожа на мраморный стадион, со ступенями, сбегающими вниз к гладкой, как паркет, площадке.

Добыча мрамора на Коелге растет из года в год. В этом году карьер даст уже 11 тысяч кубометров.

В эти дни на Коелге начал работать новый завод по обработке мрамора. Теперь уральские камнерезы будут давать не только блоки, но и мраморные доски — 14 тысяч квадратных метров облицовочных и электротехнических плит.

Л. ВИНОГРАДОВА

→

Мраморный карьер в Коелге.
Фото И. Тюфякова.

Идут последние приготовления к радиоактивному кароттажу.

Фото И. Тюфякова.

АТОМНЫЙ РАЗВЕДЧИК

А. КРАСИЛОВ

Горную книгу о богатствах Урала советские геологи прочли заново. Только за последние 15 лет взято столько руд из кладовых природы, сколько за предыдущие два с лишним века. Все это, видимо, и породило у иных геологов мнение: Урал уже изучен, и новых подарков от него не жди.

А известные месторождения тем временем вырабатывались, «сливки» с них сняли, и они истощаются. И все чаще стали раздаваться голоса: не умирает ли прославленный горный Урал? Это большой вопрос настоящего и будущего горного края. И геологи стали все глубже и глубже проникать в его недра. Что же помогает им в поисках?

Это только в сказе П. П. Бажова Хозяйка Медной горы, для которой под землей все пути открыты, показывает Степану сказочные богатства. В наше время появилась новая «хозяйка гор». Зовут ее геофизика. Туда, куда никогда не проникнет геолог, легко пройдут слуги геофизики — лучи-невидимки. Они-то и заинтересовали нас. Мы в гостях у геофизиков Уральского филиала Академии наук СССР. Охотно «ведет» нас в горные недра профессор Юрий Петрович Булашевич, директор Института геофизики.

«Путешествие» наше началось на Восточном Урале, под городом Орском, в Оренбургской области. Здесь, по предположениям геологов, должны быть промышленные запасы бурых углей. Но в руки они им не давались. Даже глубокое бурение никаких угольных пластов не обнаруживало. И тому была причина. При бурении уголь крошился: он ведь хрупок. Когда же пытались вынимать из скважины керн, образец пород, то крошки угля часто вымывались из него водой и до поверхности не доходили.

Вот тогда и пошел в пробуренные скважины атомный «разведчик». Это был небольшой снаряд с «подземным глазом». В нем находился источник гамма-лучей — радиоактивный кобальт-60. В снаряде был и счетчик для измерения рассеянного излучения. По мере опускания в глубь скважины стенки ее ствола облучались. Часть лучей при этом поглощалась, а другая — отражалась и рассеивалась. Угольные пласты слабо поглощали гамма-лучи, а известняки и песчаники — больше. Счетчик в снаряде отмечал те участки скважины, в которых рассеянное отражение гамма-лучей было наибольшим. Это и были угольные пласты. Так «видел» «подземный глаз».

Снаряд передавал на поверхность импульсы — сигналы, которые самописец заносил на диаграмму в виде непрерывной кривой линии. Максимальные колебания кривой четко и точно показывали, на какой глубине лежат угольные пласты и какова их толщина.

Сейчас в стране более 70 разведочных партий по уральскому методу применяют гамма-гамма-кароттаж.

У новой «хозяйки гор» — геофизики — таких «слуг», видящих сквозь землю, немало. Нефть и воду, к примеру, хорошо «видит» нейтронный луч-разведчик. Но нужно «видеть» в недрах не только уголь и нефть, а и другие ископаемые, особенно руды металлов.

— Эта задача до последних дней оставалась нерешенной, — сказал нам Ю. П. Булашевич. — Но кое-что мы и тут сделали.

Перед нами станции нейтронного кароттажа, смонтированные на автомашинах. Они ведут разведку на бор — элемент, необходимый атомной промышленности для защиты от облучений. В скважины опускаются источники нейтронов. Ядра атомов бора захватывают нейтроны и при этом распадаются на гелий и литий. Породы, содержащие бор, отмечаются на диаграмме самописца провалами кривой, так как в них остается мало нейтронов.

Нейтронный метод уральские геофизики применили и для поисков марганца и алюминия. Под воздействием нейтронов марганец и алюминий сами становятся радиоактивными и начинают излучать гамма-частицы. Если счетчик опущенного в скважину снаряда обнаруживает такое вторичное гамма-излучение, то это значит, что здесь есть марганец или алюминий.

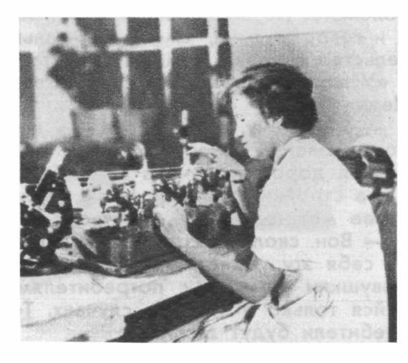
На Урале большинство руд комплексные, содержащие сразу несколько элементов, в их числе и редкие. Лучевая разведка позволяет «видеть», какие элементы в них входят. Оригинальный подземный «глаз» для этой цели создал сотрудник института Г. М. Воскобойников: опущенный в скважину снаряд фиксирует каждый тяжелый элемент в отдельности — свинец, вольфрам, ртуть. Чуткость «глаза» поразительна: он дает знать о рудных зонах с концентрацией заданного элемента всего в 0,1 процента.

Недавно окончена работа над снарядом новой конструкции. Он определяет под землей содержание тяжелых элементов в рудах с еще большей точностью. Это избавит геологов от необходимости делать трудоемкий химический анализ образцов руд, взятых из скважин.

«Видеть» недра позволяют геофизике, конечно, не только лучи. В ее распоряжении и волны — магнитные, электрические, сейсмические, а также гравиметрия.

...Даже такое небольшое «путешествие» в уральские недра, которое мы проделали с профессором Булашевичем, показало великое могущество новой науки. Вот почему уральцы ставят сейчас перед геофизикой — основой геологии будущего — большие задачи. Особенно перспективны они в так называемой погребенной части Урала. На глубинах в десятки километров предполагаются запасы железа, меди, титана, бокситов, асбеста, редких элементов. Так глубоко в землю не могла проникнуть и сама сказочная Хозяйка Медной горы. Зато это доступно атомным разведчикам: они раскроют в недрах новые несметные богатства. Это и будет завтрашний день нашего Урала.

Кусинские рубины

Передовая работница цеха сквозных камней Раиса Сапожникова.

В огромных корпусах этого завода работает около трех тысяч человек. Потребителями его продукции являются 250 предприятий СССР, Китая, Польши. Но вот мы заходим в склад готовой продукции. Неужели эта маленькая комнатушка и есть заводской склад? Да, здесь может храниться не только дневная продукция завода, а, если хотите, недельная, месячная, годовая... Дело в том, что все изделия, выпускаемые за день этим большим предприятием, умещаются в маленькой коробочке и весят всего несколько сот граммов.

Мы рассказываем о заводе искусственных рубинов. Он находится в небольшом городке Кусе, раскинувшемся среди живописных лесистых сопок Южного Урала. В его цехах с помощью алмазного порошка обрабатывают слитки искусственного рубина. Завод поставляет изделия 180 различных наименований. Это технические камни-«гиганты» — до нескольких миллиметров — для будильников и камни-малютки — менее миллиметра по наружному диаметру и с отверстием по центру в 0,05 миллиметра — для точнейших приборов.

Год назад в Кусу приезжали поделиться опытом работники чехословацкой гранильной фабрики. С тех пор между гранильщиками города Кусы и города Турнова в Чехословакии установилась дружеская переписка.

А. ПОЛЯКОВ

Чусовая

Ефим **РУЖАНСКИЙ**

Горный кряж,
Как верный часовой,
Вдоль реки проходит
Чусовой.
И, с горы высокой ниспадая,
Мчится, мчится, мчится Чусовая.

Вдоль ее высоких берегов —
Силуэты новых корпусов.
День и ночь, теряясь вдалеке,
Лес плывет на стройки по реке.

Машут вслед деревья над рекою,
Позабывшей о своем покое...

Трудится река! А горный кряж
Охраняет труд ее, как страж.
Знать, не зря
встающие над нами
Скалы
называют здесь «бойцами»!

Свердловск.

Уралу

Константин **МУРЗИДИ**

Мы тебя называли крепостью,
Называли горным щитом,
Называли тебя шкатулкой,
Малахитовою притом.

Называли и самоцветом,
Тем, которому нет цены.
Называли и арсеналом,
Царством пушечным —
в дни войны.

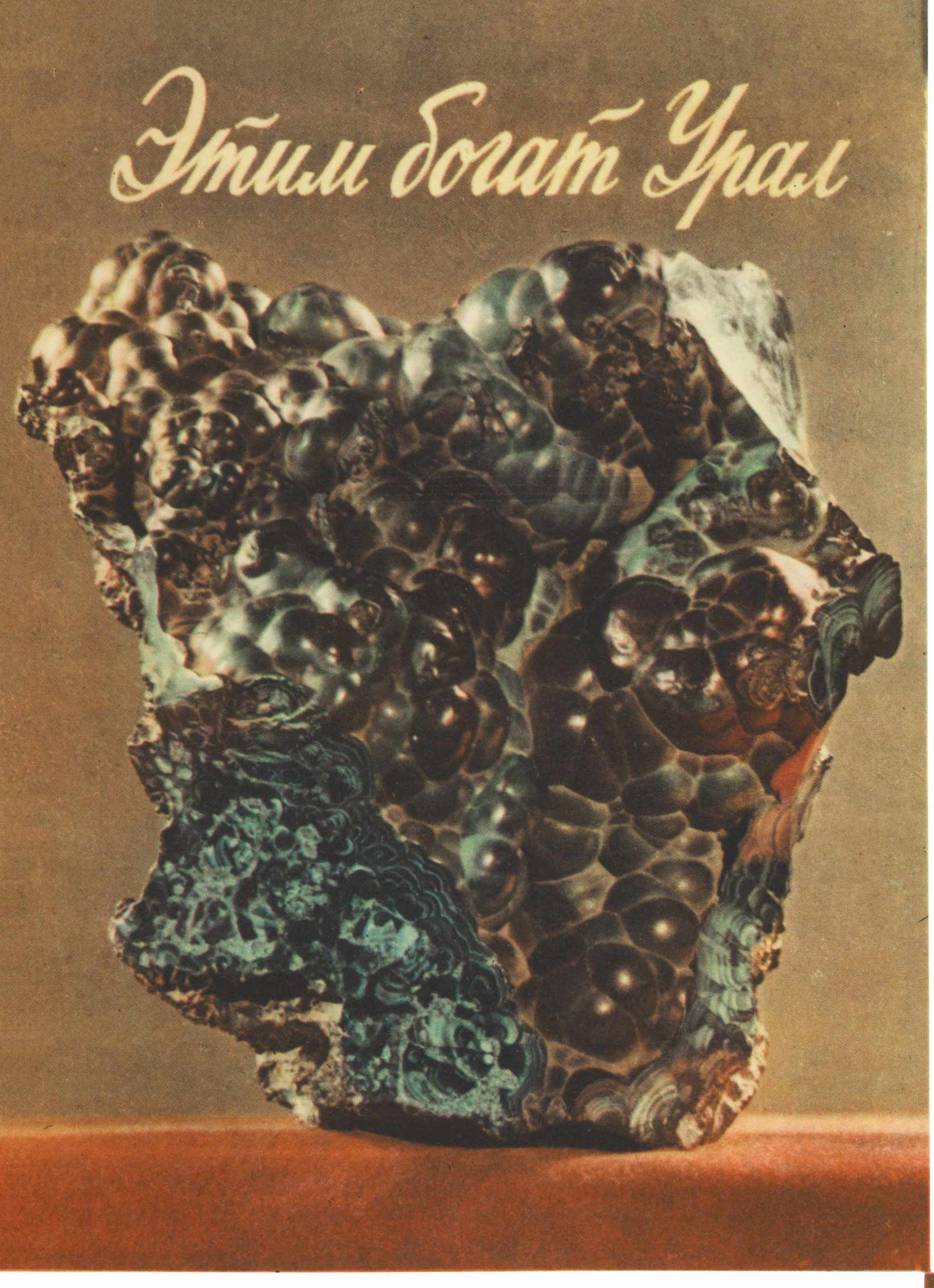
Называли тебя солдатом —
Другом верным и боевым,
Называли тебя умельцем,
Знаменитым мастеровым.

Даже первой своей любовью,
Даже собственною судьбой —
Так воистину мы сроднились,
Так сжились мы, Урал, с тобой.

Но, признаться, довольно часто
Молодые твои сыны
Огорчались, что их сравненья
Были все-таки неточны.

Им точнее найти хотелось,
Им казалось, что есть одно,
Ярче всех предыдущих слово —
Все сумеет вместить оно!

Этим богат Урал

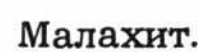
Малахит.

Малахитовая ваза. Работа мастера А. Оберюхтина. Свердловский завод «Русские самоцветы».

Фото В. ТАРАСЕВИЧА и И. ТЮФЯКОВА.

На фотографиях — экспонаты Уральского геологического музея, одного из крупнейших в нашей стране. Коллекции музея говорят и о несметных богатствах недр Урала и о замечательных умельцах, призвавших их на службу человеку.

Джигиты. Чугунное литье работы каслинских мастеров.

Шкатулка на тему сказов П. Бажова из сургучной и технической яшмы. Работа мастера В. Конева. Свердловский завод «Русские самоцветы».

«Огонек».

БОРОВСК
СОЛИКАМСК
БЕРЕЗНИКИ
ГОРОДИЩЕ
ДОБРЯНКА
ПОЛАЗНА
КАМГЭС
ПЕРМЬ

ПО КАМЕ-РЕКЕ

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

От устья Вишеры до Перми — таков был маршрут на-его путешествия по Каме.

Когда обсуждался план поездки с пермяками, среди их оказались сторонники программы-максимума. Они екомендовали посетить почти все промышленные ентры, осмотреть все достопримечательности края. Это ыло интересно, но не укладывалось в сроки.

По мнению других, настроенных более скептически, обы показать Каму во всей красе, следовало подо-дать хорошей погоды. Это тоже не подходило.

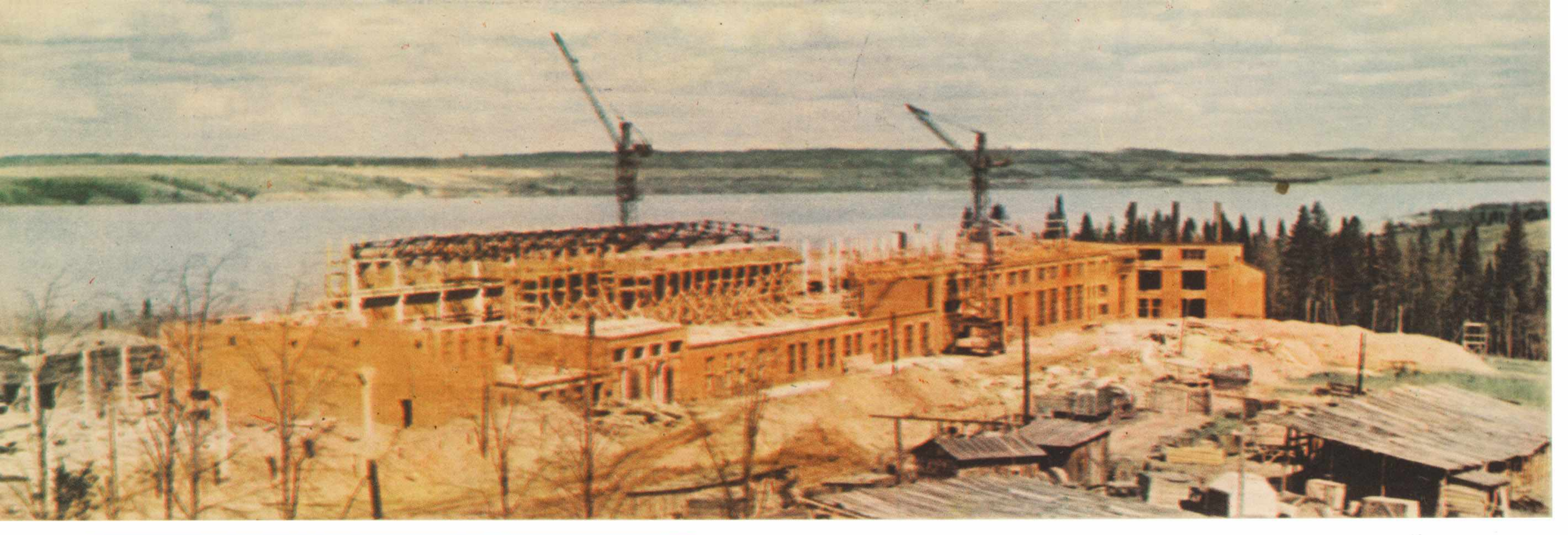
Все же удалось в конце концов найти «компромисс-ое решение», и один из знатоков Прикамья, А. И. Про-одников, любезно согласился быть нашим попутчиком.

На маленьком пароходе «Свердловск» мы тронулись путь...

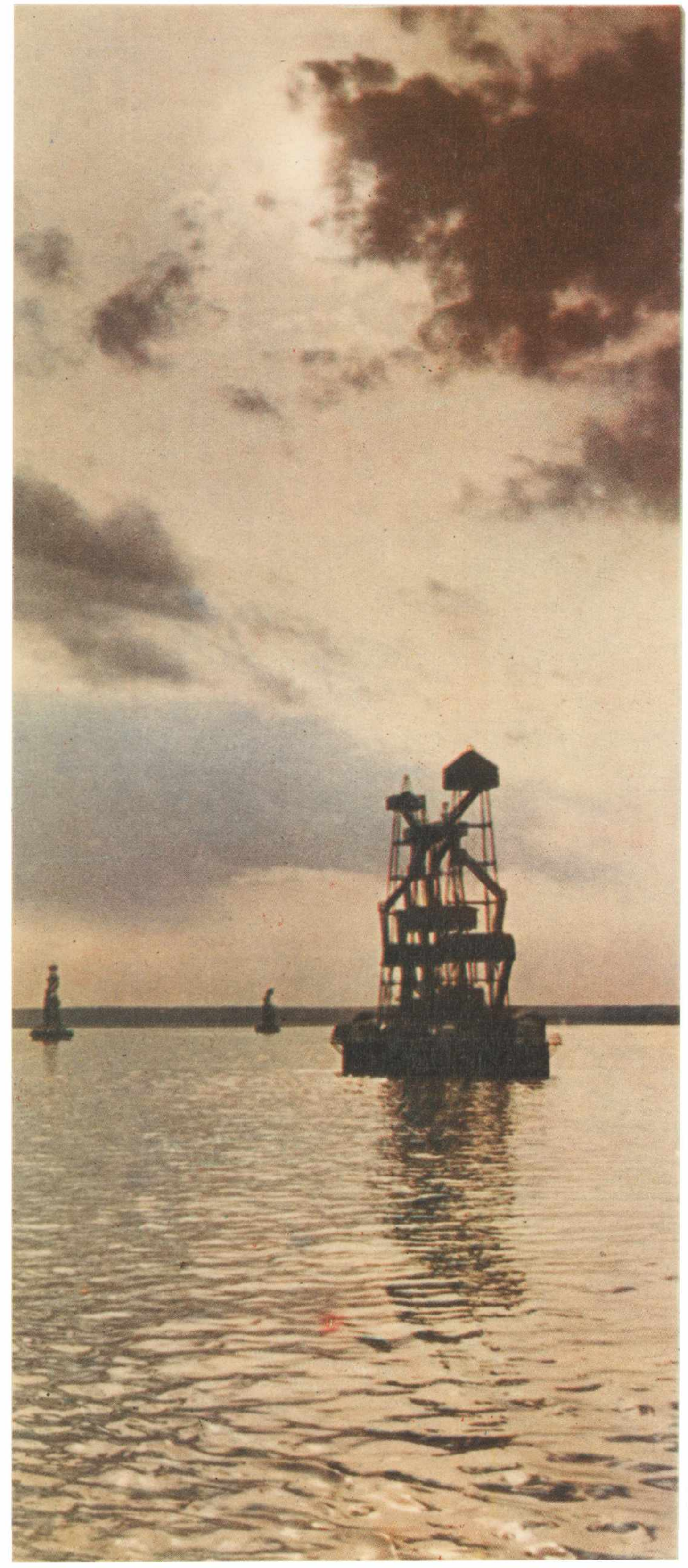
Любят жители Березников свой молодой город. Начатый остройкой в 1929 году вместе с большим химическим омбинатом, он стал одним из красивейших городов ападного Урала. Так выглядит в Березниках улица ятилетки (верхний снимок).

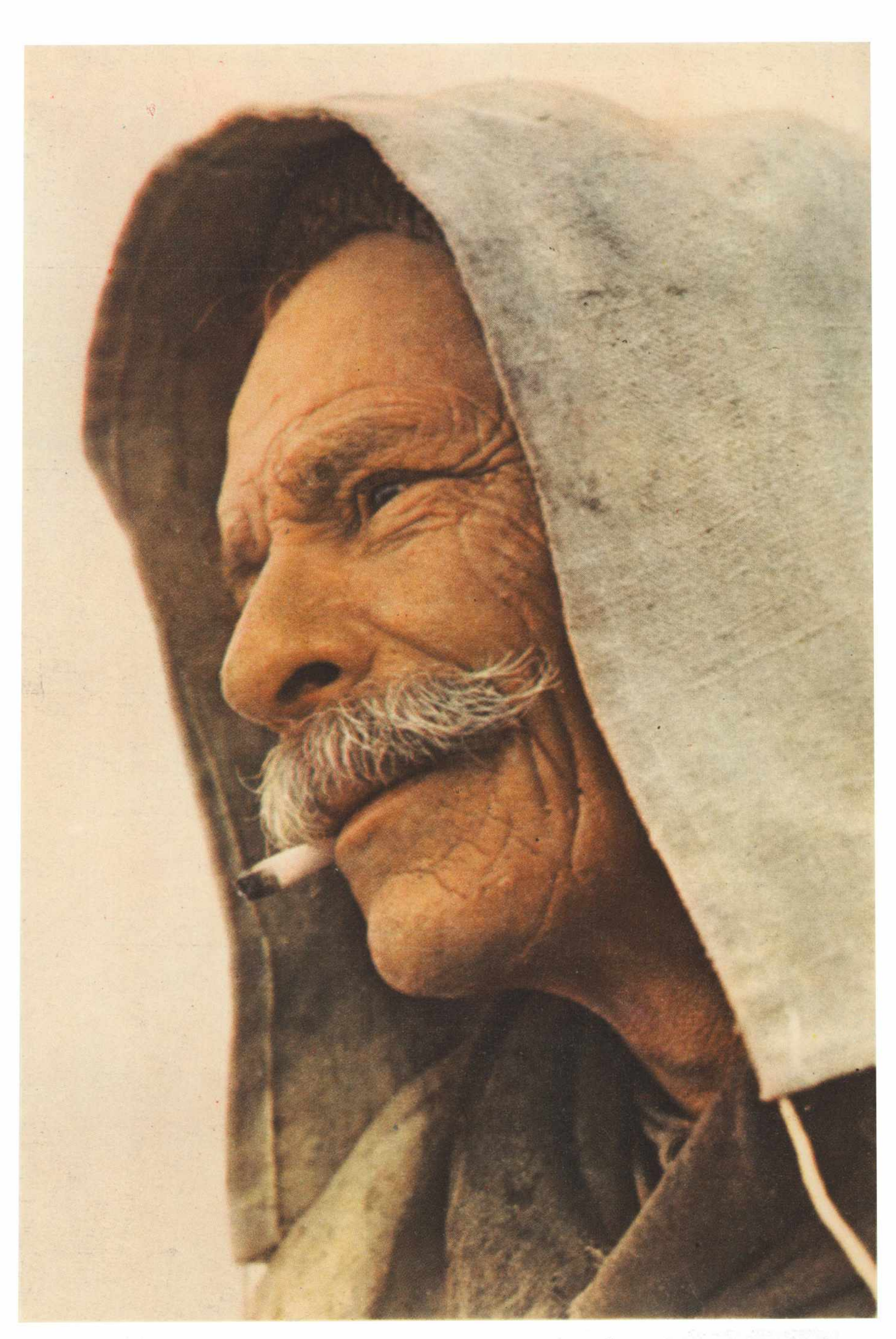
Пока наш пароход проходит через шлюз, мы поднимаем- на башню центрального пульта управления. Отсюда рекрасно видны электровозы, буксирующие плоты. Миллионы кубометров древесины, заготовленной в риуральских лесах, проходят по ступеням Камской вод-ой лестницы, направляясь на Волгу и Дон для строек.

Недалеко от Добрянки, на высоком берегу, видны растущие ввысь корпуса. Скоро тут будет пущен крупнейший в нашей стране завод древесной массы — полуфабриката для изготовления бумаги.

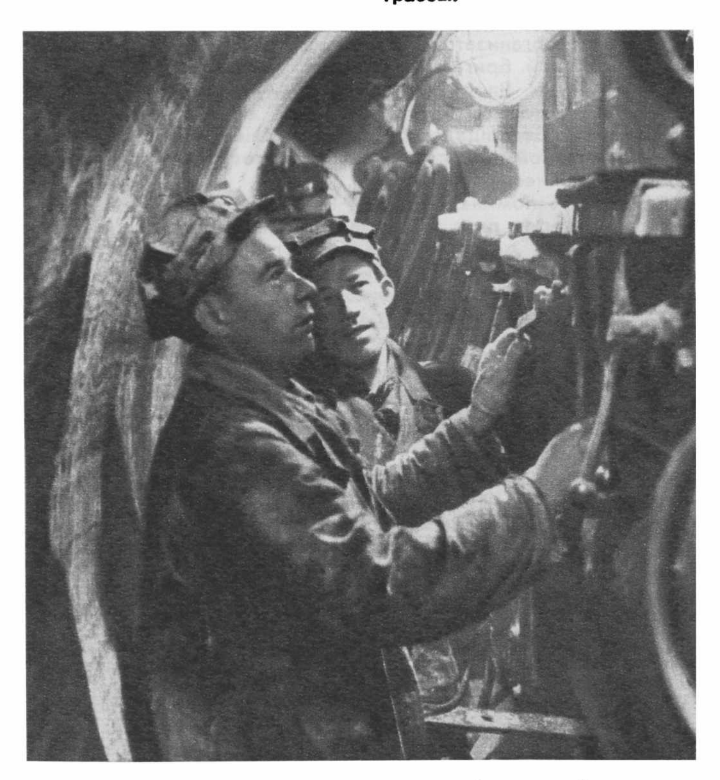
«Наш Никитич» — так любовно зовут орлинские рыбаки своего старого бригадира Ивана Никитича Игошева.

Четыре года назад за плотиной Камской ГЭС разлилось водохранилище. И Полазнинский нефтепромысел стал морским.

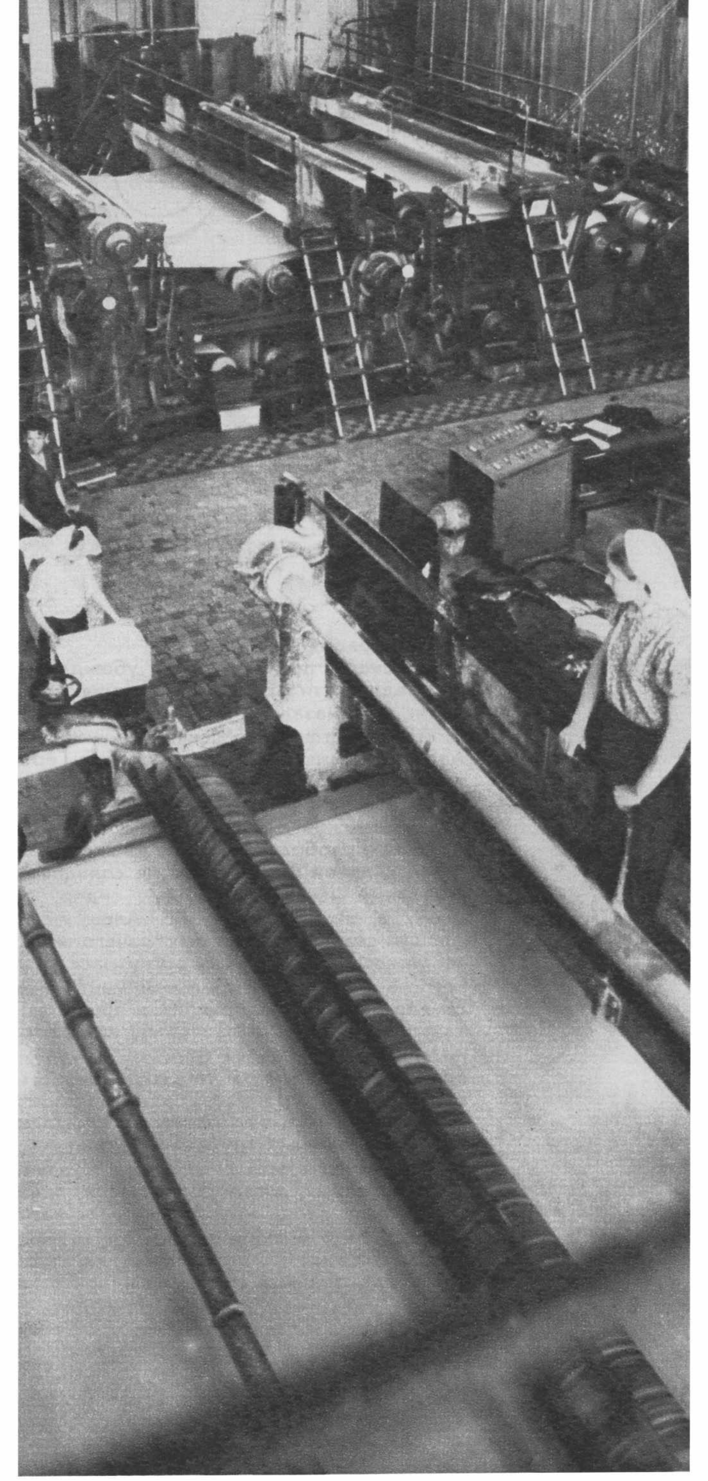

Раньше камский речник Василий Николаевич Некрасов (слева) звался попросту бакенщиком. Ныне он путевой мастер Камского моря. Вместе с монтером Алексеем Осинником Некрасов обходит на моторном катере свой стокилометровый участок трассы.

В шахте рудника Березниковского калийного комбината добывают сильвинит — удобрение для колхозных полей. День и ночь работают проходческие комбайны. Одним из таких агрегатов управляют Н. П. Межуев (слева) и Д. Ф. Минеев.

На Соликамском комбинате делают бумагу, на которой печатаются «Правда», «Известия» и многие другие газеты.

На причалах Заостровки — механизированного грузового участка Пермского порта.

ПЕСНЯ О БРЕЗЕНТОВОЙ ПАЛАТКЕ

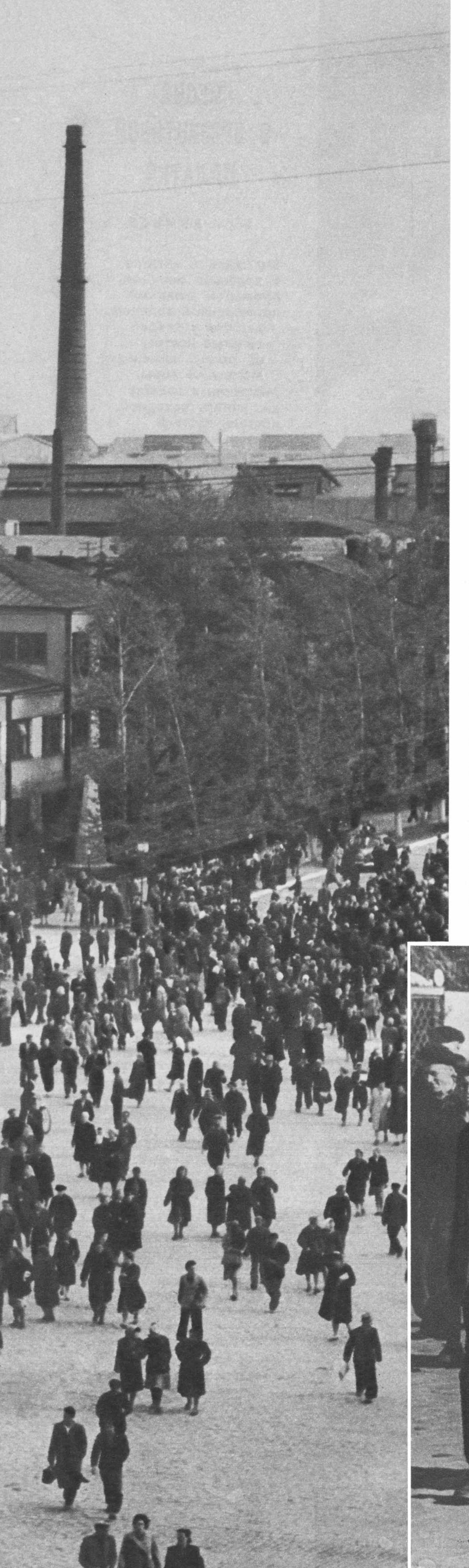
Борис РУЧЬЕВ

Мы жили в палатке
с зеленым оконцем,
промытой дождями,
просушенной солнцем,
да жгли у дверей
золотые костры
на рыжих каменьях
Магнитной горы.
Мы жили в палатке,
как ветер, походной,
постели пустели
на зорьке холодной,
буры рокотали
до звездной поры
в нетронутых рудах
Магнитной горы.
И снова в палатке
смеялись и жили.
А холод студил нам
горячие жилы.
Без пляски в мороз
отогреться невмочь,
мы жар нагоняли
в походную ночь.
Играл бы всю ночь
гармонист для подмоги,
когда бы не стыли
и руки и ноги,—
озяб гармонист,
и не может помочь,
озябла двухрядка
в походную ночь.

Под зимним брезентом
пустели постели...
Мы жили и стыли,
дружили и пели,
чтоб ввысь подымать
золотые костры
неслыханной славы
Магнитной горы.
Чтоб в зареве плавок
сгорали и гасли,
как гаснут степные
казацкие сказки,
метельный разгон,
ураганный надрыв
стремительных ветров
Магнитной горы.
Чтоб, громкий, на версты,
чтоб, теплый на ощупь,
желанный, как солнце
в походные ночи,
все тысячи створок,
все окна раскрыл
невиданный город
Магнитной горы.

Мы жили да знали
и радость и горе,
забрав, будто крепость,
Магнитную гору...
За гребнями суши,
за синью морей
красивая слава
грохочет о ней.
Мы жили да пели
о жизни рабочей
походною ночью,
холодною ночью...
Каленая воля
бригады моей
на гордую память
осталась о ней.
Мы жили, плясали
без всякой двухрядки
в холодной палатке,
в походной палатке...
На сотни походов,
на тысячи дней
веселая песня
осталась о ней.

Магнитогорск.

РОДНОЙ ЗАВОД

А. СТАРКОВ

Мир, говорят, тесен.

Колесишь по свету — и убеждаешься в справедливости этого утверждения.

Лет пять назад на строительстве Куйбышевской гидростанции рассказывал мне Алексей Александрович Щербинин, инженер, Герой Социалистического Труда, про свою молодость. А прошла она у него тоже на стройке, на уралмашевской. Человек неречистый, суховатый, он преобразился, как только заговорил о той далекой поре. И уже не солидный, медлительный начальник района сидел передо мной, а лихой, отважный Алешка-сварщик. Алешка-сварщик, которому ничего не стоило забраться на самую верхотуру раскачиваемой ветром 25-метровой стальной мачты и варить там последний стык, распевая при этом залихватскую песенку... Почти на четверть века назад, в самое начало тридцатых годов, перенес меня на крыльях своего рассказа Щербинин.

Говорил о том, как, расчищая площадку для будущего завода, врубались строители в гущину таежного леса близ озера Шувакиш; как из поваленных сосен сколачивали приземистые, в лапу рубленные бараки; как несгибающимися, закоченевшими на морозе пальцами чинили только что прибывший на стройку и сразу сломавшийся подъемный кран; как зимой же в цехе, над которым не было еще крыши и согреваемом лишь кострами, монтировали станки... Рассказывал о комсомольской ячейке, вожаком которой был неугомонный Федька Аникеев, курский парень, слесарь, организатор первой на заводе комсомольской бригады и душа комсомольской коммуны. Впрочем, там, в коммуне, не меньшим авторитетом пользовалась ее бессменный и беспощадный казначей Маша Бычкова, у которой немыслимо было выпросить и рубля лишнего на киношку...

Так вспоминал Алексей Щербинин.

А через пять лет редакционное задание привело меня на Уралмаш, готовящийся к 25-летнему своему юбилею.

Сижу в заводской библиотеке, листаю подшивки газет за 1933 год. Апрель, май, июнь... На Уралмаше предпусковые дни. Завод еще официально не пущен, а идет уже сборка первой машины. У нее грозное название — пушка Брозиуса — и весьма мирное предназначение: забивать глиной доменную летку. «Пушку» собирает комсомольская бригада. Страна следит за ее работой. В газетах каждый день сводки из Свердловска, как с фронта. Эта «пушка» оказалась крепким орешком. Шесть раз ее собирали и разбирали, и все что-то не ладилось. Только на седьмой

На Уралмаше кончилась смена. Шагает семья Аникеевых (справа налево): Генрих, Мария Семеновна, Федор Павлович, Сергей.

дело пошло. В газетах все время мелькает фамилия бригадира, который ведет сборку: Федор Аникеев. В «Комсомольской правде» заголовок на полполосы: «Аникеев и его «пушка». В другой газете телеграмма «от нашего специального корреспондента»: «Товарищ Аникеев сообщил, что пушку Брозиуса можно считать теперь освоенной и бригада обязуется к пуску завода собрать еще пять таких машин...» А вот и сам знаменитый бригадир! Со второй полосы «Правды», из-под заголовка «Герой освоения», задорно глядит на меня востроносенький парнишка в кепке, лихо сдвинутой на затылок, и с шарфом вместо галстука...

Так я дважды «встретился» с Аникеевым. Первый раз — слушая Щербинина, и во второй — на страницах газет. Хорошо бы и на самом деле с ним повидаться! Но Щербинин, помнится, говорил, что Федя куда-то уехал... Звоню на всякий случай в партком. Спрашиваю, как разыскать Федора Аникеева, который работал на заводе в тридцатых годах. «И сейчас работает,— слышу в ответ.— Ездил по стране, монтировал наши машины. Пять лет прожил в Китае. Полгода назад вернулся. Звоните ему по телефону 24—41. Это новоэкскаваторный цех, отдел технического контроля...»

Вечером — в гостях у Аникеева.

Федор Павлович, грузноватый, степенный, лишь в чем-то неуловимом схожий с Федей-бригадиром, показывает мне шелковые памятные вымпелы, которыми его наградили в Китае на строительстве Аньшаньского металлургического комбината. Вот бордовый вымпел с широкой синей каймой, по которой летят белые голуби, с тяжелыми золотыми кистями. И золотом же вышитые иероглифы. Под ними русский текст — тоже золотом: «Благодаря вашей бескорыстной помощи у нас появились новые блестки достигнутых побед...»

— Это за монтаж рельсо-балочного стана...

Вот такой же бордовый вымпел, но не с голубями, а с драконами — символом долголетия.

— За трубопрокатный...

И еще один — за тонколистовой...

Вот свернутая в трубочку и вложенная, как свиток, в изящный футляр грамота. Это благодарность китайского правительства советскому специалисту Ф. П. Аникееву. Грамота подписана Чжоу Энь-лаем.

Время, проведенное в Аньшане, было для Аникеева как бы возвращением в молодость. Все напоминало ему тридцатые годы, строительную пору на Уралмаше: и во многом сходные трудности и такой же энтузиазм. Тут кругом была молодежь, и Федору Павловичу казалось, что он не шеф-инженер, наблюдающий за монтажом прокатного оборудования, а прежний комсомольский бригадир. И все эти китайские юноши — ребята из его бригады, той, что собирала пушку Брозиуса.

Вот вылитый Сашка Дворкин! Такой же маленький, быстрый, верткий. Про таких у нас говорят: «В каждую дырку — гвоздь!» Все надо потрогать, разобрать, примерить. Сашку называли «королем шабровки»: ни один слесарь не мог соревноваться с ним в точности глаза. И китайский юноша так же виртуозно владел шабером да и всем прочим слесарным инструментом. Был тут и свой Василий Белых — добродушный здоровяк; и крестьянский паренек, который вроде Кости Другова поначалу не мог отличить гайку от шайбы, а через полгода уже считался сборщиком первой руки.

А бригадир товарищ Ван напоминал Федору Павловичу другого бригадира. Того, что приехал на Уралмаш из Курска и у которого немало было огорчений; когда собирали первую пушку Брозиуса. Они, огорчения, были и у товарища Вана, чья бригада монтировала автоматы густой и жидкой смазки для рельсо-балочного стана. Это очень сложные механизмы, и товарищ Ван, хотя и кончил техническую школу, был с ними незнаком, как в свое время бригадир Федя — с пушкой Брозиуса. И поэтому шеф-инженер Аникеев отлично понимал душевное состояние товарища Вана, когда во время сборки первого автомата дело не ладилось. Но этот молодой человек умел скрывать свои чувства: он не жаловался, не досадовал вслух, не кричал на своих подопечных. Это нравилось Федору Павловичу, хотя сам он когда-то был более шумливым бригадиром. Да и вся бригада товарища Вана работала сосредоточенно, молча. Аникеев любил наблюдать на сборочной площадке, как трудятся эти упорные аньшаньские ребята, в которых, несмотря на различие в облике и языке, виделись ему черты друзей его молодости...

Конечно, он скучал по своему заводу. Но в то же время у него было чувство, что Уралмаш, собственно, не за тысячи верст, а вот тут, рядом, под небом Аньшаня, на монтажных участках, где собирают уралмашевские прокатные станы. Что такое один рельсо-балочный? Это 200 машин и, значит, 200 раз повторенная марка «УЗТМ»! Всё прибывали и прибывали из Свердловска ящики с узлами и деталями станов. И каждый раз это было для Аникеева встречей с родным заводом.

...В комнату входит жена Федора Павловича, вернувшаяся с родительского собрания в школе. Она торжественно объявляет, что их младший сынишка, Саша, перешел в пятый класс.

Мария Семеновна принялась за свои хозяйственные дела. Но, перебирая что-то в шкафу, она прислушивается к нашей беседе и вставляет иногда два — три словечка. По этим ее коротеньким репликам видно, что она хорошо знает завод, знает людей и события, о которых рассказывает Федор Павлович. Вот он вспомнил комсомольскую ячейку, коммуну, и Мария Семеновна поправила его, дополнила какой-то факт. И у меня вдруг мелькнула догадка, которую захотелось тут же уточнить.

— Мария Семеновна,— спрашиваю.— Извините, пожалуйста, ваша девичья фамилия не Бычкова?

— Бычкова! — говорит она удивленно.— Откуда вы это знаете?

— Здравствуйте же, беспощадный казначей комсомольской коммуны Маша Бычкова! Пусть с пятилетним опозданием, но передаю вам привет от Щербинина...

— От Алешки? Ну как же, мы старые друзья! Дело прошлое, он ухаживал за мной...

И вот уже Федор Павлович оттеснен женой, как рассказчик, на второй план. И я уже вижу шуструю курносую девчушку, которая приехала на стройку по комсомольской путевке и которую не берут на работу из-за малого роста. В отделе кадров так и сказали: «Подрасти хотя б на пять сантиметров...» Но не на такую нарвались! Она идет к самому начальнику строительства, к товарищу Банникову. У нее решительный вид. А на душе страшновато. Про начальника говорят, что он герой гражданской войны, партизан, воевавший в тех же местах, где ведет теперь стройку. Он, наверное, старый и злой. Пусть! Не напугает.

Но лицо у начальника молодое, чисто выбритое, правда, очень бледное, утомленное. И глаза не злые: доброжелательно поглядывают на тебя поверх очков в роговой оправе. И говорит он тихо, не повышая голоса. Предлагает Маше в рассыльные при главной конторе. «Пока,— говорит,— подрастешь...» Почти те же слова сказали и в отделе кадров. Но там это прозвучало обидно. А у этого от души. Рассыльной так рассыльной. Главное — на стройке!

Должность оказалась веселой. В ту пору на строительстве не было еще телефонного коммутатора, и всю связь между главной конторой и участками поддерживали семь девушек-рассыльных. Самой быстроногой среди них была Маша Бычкова. Ей нравилось носиться из конца в конец огромной стройки, передавая приказы и распоряжения; быть в курсе всех событий и новостей. Прорабы называли ее шутливо «помнач». О, если б она действительно могла стать помощницей Александру Петровичу, чтобы хоть немножко разгрузить его от дел и забот!

Как-то она дежурила вечером в конторе. Из кабинета Банникова раздался долгий-долгий звонок, который не прекращал тревожно звенеть и тогда, когда она уже вбежала в кабинет. Начальник сидел, уткнув голову в скрещенные на столе руки. Правый локоть лежал на звонке, надавливая кнопку. Маша осторожненько отвела локоть. Банников медленно поднял голову, открыл глаза и сказал, как бы извиняясь: «Надо ж... Башка вдруг закружилась. Первый раз со мной такое...»

Пушка Брозиуса

Страница газеты «Уральский рабочий», посвященная бригаде Аникеева (1933 год).

Поставили коммутатор, и Машу перевели в телефонистки. В первое же ее дежурство позвонила Москва. Маша подумала, что сейчас будет говорить Александр Петрович, который находился там в командировке. Но чей-то незнакомый голос начал диктовать телефонограмму: «Скончался начальник строительства Уральского завода тяжелого машиностроения товарищ Банников». Позже она узнала, что умер Александр Петрович от острого белокровия, которым давно уже тяжко страдал.

В телефонистках Маша не засиделась. Дуся Майбурова, подружка, работавшая токарем, потихоньку подучивала ее. И Машу взяли в подручные на токарный участок. Потом она сдавала техминимум на разряд. Перед тем, как экзаменоваться, она подбила каблуки. Но могла и не подбивать. Потому что и так уже подросла на те пять сантиметров, которые требовали от нее в отделе кадров. Вот она, бережно хранимая столько лет в целлофановой обертке зачетная книжечка по техминимуму. Выдана Марии Аникеевой — да-да, уже Аникеевой! — токарю-резьбовику четвертого разряда...

Федор Павлович слушает жену, но, по-моему, его внимание раздвоилось. Он прислушивается и к разговору в соседней комнате, который, возникнув там минут пятнадцать назад, был приглушенным, а теперь становился все громче и громче.

— А какая шпонка?— спрашивает вдруг Федор Павлович.

И это относится явно не к тому, о чем рассказывает Мария Семеновна, а к тому, о чем говорят, вернее, спорят, за стеной.

В дверях появляются два парня, одинакового роста, похожие, но, что называется, разного колера: один — темноволосый, другой — светленький.

— Шпонка клиновая,— говорит блондин.— Мы у себя пригипливаем их по наклонной плоскости. А Генка считает...

— Не Генка, а технические правила считают, что клиновые шпонки пригипливаются по прямой плоскости! — возражает брюнет.

— Правила! Они тоже меняются. Беру шпонку, ширканул разок — другой по наклонной, готово! ОТК принимает.

— Подожди, Сергей,— говорит отец.— Надо разобраться. Дай-ка листок бумаги. Начертим...

Я уже кое-что знаю о сыновьях Аникеевых. Генка, Генрих, — старший. Получилось, что он не виделся с отцом почти шесть лет. С младшими, Сергеем и Сашкой, Мария Семеновна ездила к мужу в Китай: ребята ходили там в школу. Гену же взять с собой не могла: он уже был тогда в техникуме. А защитив диплом, ушел в армию, и отец, вернув-

шись из Китая, не застал его дома. Лишь недавно Генрих приехал с Камчатки, со срочной службы. Федор Павлович заранее договорился на заводе, что сына, поскольку у него диплом, возьмут в конструкторское бюро. И вакансия ждала Генриха. Но он ею не воспользовался. «Ну какой из меня сейчас конструктор! — сказал отцу.— Успею. А если хочешь действительно посодействовать, то только в устройстве в цех на рабочее место». Вот так в новоэкскаваторном цехе, на сборочном участке, появился слесарь с дипломом техника.

Сергей после школы сдавал в институт. На экзамене по математике две задачи решил сразу, а на третьей застрял безнадежно. Так и не справился с ней. А придя домой, решил за пять минут. Но тройка была уже схвачена, и он даже не пошел смотреть списки принятых... Так в другом цехе, и тоже на сборочном участке, появился еще один слесарь, правда, без диплома техника, но с аттестатом зрелости. Кстати, экзамен на разряд Сережа Аникеев сдавал инженеру Александру Даниловичу Дворкину, бывшему «королю шабровки» из бригады Федора Аникеева.

Генрих и Сергей — слесари одного разряда и совершенно одинакового профиля: сборщики прокатного оборудования. Но, как уже сказано, в разных цехах. И поэтому они постоянно в спорах, вроде сегодняшнего. Каждый защищает честь своего цеха, своей бригады. Арбитром у них отец.

...На другой день рано утром мы снова встречаемся с Аникеевыми, чтобы вместе идти на завод. Окна их дома глядят на площадь, в другом конце которой проходные ворота. Половина восьмого. Мы вливаемся в один из пяти густых людских потоков, которые с пяти улиц вбирает в себя площадь. Мария Семеновна сворачивает к заводоуправлению, Генку кто-то окликнул, и он тоже покидает нас с Федором Павловичем.

Проходим мимо бронзового Серго. Он в плаще, с непокрытой головой. Размашисто шагает, зажав в руке свернутую газету, и горячо убежденно доказывает что-то невидимому собеседнику. Какие слова он говорит? Не те ли, что выбиты на постаменте: «Ваш завод занимает особое место и особое положение в стране...»?

Идем мимо Банникова, который лежит под серым гранитным обелиском у входа в завод...

Идем мимо мощной гусеничной самоходки, последнего орудия, выпущенного здесь в войну. Оно так и не вышло за ворота, потому что война тогда уже кончилась, и машина стоит теперь памятником великому подвигу уралмашевцев, ковавших для фронта оружие...

По пути у нас витрина с фотографиями к заводскому юбилею. Среди них несколько исторических, снятых 25 лет назад. Вот одна из самых первых машин, собранных на Уралмаше,— пушка Брозиуса. «Пушку» показывают Серго Орджоникидзе. Он слушает объяснения моложавого человека в спецовке.

— Это Гусев, тогдашний начальник первого механического,— говорит Федор Павлович.— А слева ваш покорный слуга. Лица, правда, не разобрать, выцвело от времени. Но фигура, могу засвидетельствовать, моя...

— Ну, знаешь, при нынешних твоих габаритах доказать это почти невозможно! — шутит кто-то сзади, и мы оборачиваемся.

— А, Саша, здравствуй! — восклицает Аникеев.— Знакомьтесь!

— Дворкин.

Продолжаем путь втроем. На фасаде здания, около которого сворачиваем с главной заводской магистрали, прибита мраморная доска почета. Буквы на ней из металла. Не сотрутся, не поблекнут. На долгие годы эти буквы. Первые фамилии занесены сюда еще в войну.

«Коваленко, кузнец,— читает Федор Павлович.— Турунцев, токарь. Тараканов, старший мастер...» — Смолк и добавил с грустью: — Нет уже Павла Филипповича... Помнишь его, Саша?

Дворкин уже у ворот своего цеха. Аникееву дальше.

— Пройдем через этот корпус, — говорит Александр Данилович. — Взглянем лишний разок на родные пенаты.

Цех такой, что, пройдя через него, можешь оказаться чуть ли не на другом конце завода. Пролет за пролетом, пролет за пролетом...

— Вот и территория бывшей нашей комсомольской бригады,— показывает Дворкин.— Помучились мы здесь с «пушечкой»... А вон и мастер идет. Костя, что у тебя сегодня на сборке?

— Кантователь для индийского блюминга,— говорит Костя, которому под пятьдесят, Константин Иванович Другов, также работавший, если помните, в бригаде Аникеева.

Теперь из той бригады собрались трое. Подходит четвертый, Василий Михайлович Белых. Он тоже мастер, но в другом пролете. У Другова командный пункт в будочке. У Белых — на высокой открытой площадке, обнесенной поручнями. Мастеру отсюда — полный круговой обзор, как у штурмана на ходовом мостике...

— Ну, как мой Володька? — спрашивает Дворкин у Василия Михайловича.— Все песенки мурлычет?

— Я твоим Володькой доволен,— говорит Белых.— А песня работе не мешает.

— Эх, беда мне с ним! Институт бросил.

— Почему беда? Неправ ты, Данилыч. Зря парня в упряжку загоняешь. Он в консерваторию хотел, а ты его — в институт, в железнодорожный. Потому и бросил, что против желания пошел. Толковали мы с ним. «Я,— говорит,— все равно музыкантом буду». Дело, конечно, твое, отцовское. Но я бы не мешал парню.

— Тем более, что с твоей же мандолины он и начал,— добавляет Аникеев.

— Мандолина, мандолина!.. Не давали бы той премии, может, и не было бы заботы с Володькой,— говорит Дворкин, уже смягчившись и улыбаясь приятному воспоминанию.

Премию им дали коллективную — к пуску завода. Комплект народных инструментов на бригаду. Феде досталась гитара, Косте Другову — балалайка, Сашке — мандолина. Они пробовали сыграться. Вышли даже как-то на демонстрацию с инструментами. Но сборщики они были лучшие, чем музыканты,— оркестра не получилось. Премию каждый повесил у себя дома на стенку. Висела мандолина и у Дворкина. Вот к ней и потянулся с малых лет Володька. Потом научился играть на скрипичном контрабасе, аккордеоне, кларнете. Руководит сейчас квартетом в заводском Дворце культуры. Пишет музыку. Написал недавно песню к юбилею завода.

— Слышал ты его песню? — спрашивает Белых.— Хорошая, по-моему.

— Ничего вроде,— говорит Александр Данилович. — Ты вот что, Вася, ты его построже держи.

Аникеев спешит к себе в цех. Идем вместе. Новоэкскаваторный, построенный, пока Федор Павлович был в Китае, серой громадой возвышается над всеми другими цехами. Машинам, которые здесь собирают, нужен больший простор не только вширь и в длину, но и вверх.

Как бывший секретарь комсомольской ячейки, Федор Павлович сдает меня на руки комсоргу цеха. Фамилия его — Тараканов. Он сын Павла Филипповича Тараканова, имя которого выбито в металле на мраморной доске... Комсорг Аполлон Тараканов приглашает пройти по участкам, где работают комсомольские бригады.

За механическим участком — пролет Шагающего. С маленькой буквы не напишешь название экскаватора, чья «рука» может дотянуться до вас и за 100 метров и чей «ковшик» способен запросто прихватить 25 кубов земли... Шагающий в сборке. К заводскому празднику он зашагает. А пока собрана уже поворотная платформа. Вот на нее мы и поднимаемся с Аполлоном. Отсюда далеко видно! Внизу загораются, гаснут и снова загораются голубые звездочки электросварки. Бегут в разные концы автокары с деталями. Стучат молотками комплектовщики, заколачивая ящики... А вверху величаво проплывает над нами 250-тонный кран, и крановщица приветливо машет Аполлону. В раскрытые окна врываются шумы соседних цехов. Пульсирует, дышит, работает завод — заводище, родной Аполлону Тараканову, семье Аникеевых, Дворкиных, Другову, Белых, родной тысячам их товарищей...

Вторая ступень каскада

Все шире развертывается строительство Воткинской гидростанции — второй ступени Камского каскада. Неузнаваемо изменилась вся окружающая местность. Уже не там, где прежде, впадает в Каму узенькая речушка Сайгатка. «Переселить» ее понадобилось в связи с прокладкой судоходного канала и постройкой шлюза. И шагающий экскаватор без особого труда внес эту поправку в географию. Потом он прошагал дальше, а в новом устье Сайгатки появился земснаряд. По трубам устремляется отсюда поток жидкой пульпы туда, где намывается земляная плотина.

Потеснили и Каму. Высокая насыпь перемычки, сузив русло на добрую треть, отгородила котлован для будущей водосливной плотины и здания ГЭС.

Экскаваторщики, бульдозеристы, водители самосвалов, инженеры славно потрудились накануне ледохода и паводка, укрепляя насыпь, строя «оголовок» — защитное сооружение из стального шпунта. Потрудились не зря! Ни льдины, громоздившиеся одна на другую, ни стремительный напор половодья не смогли повредить будущий котлован. Отлично выдержала напор разлившейся Камы и девятикилометровая дамба, ограждающая всю обширную стройплощадку.

Строители зримо представляют себе близкое завтра, когда за пятикилометровой плотиной на тысячу квадратных километров разольется Воткинское море. Десять турбин общей мощностью в миллион киловатт будут вырабатывать до 2 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год.

Первая и вторая ступени... Вслед за ними в перспективе ближайших пятилетий вырисовываются очертания третьей — Нижне-Камской ГЭС. Могучим энергетическим сердцем Западного Урала, Удмуртии и Татарии станет покоренная Кама.

С. МЕСЯЦЕВ

Оголовок из стального шпунта надежно ограждает перемычку котлована от напора вод Камы.
Фото М. Савина.

ОНИ ПРОСЛАВИЛИ СВОЙ КРАЙ

«Гордо звучат русские имена на карте мира. От холодной Антарктики, через жаркие тропики, до величественных льдов Арктики — всюду на этих просторах мы находим следы деятельности русских людей, оставивших свои имена на географической карте» — такими словами начинается книга Б. Вишневского «Путешественник Кирилл Хлебников», выпущенная Пермским издательством в серии «Замечательные люди Прикамья».

Серия «Замечательные люди Прикамья» увлекательно повествует об истории этого интересного края, о тех путешественниках, инженерах, врачах, ученых, которые внесли большой вклад в науку, всю жизнь боролись за развитие русской национальной культуры.

Рядом с прекрасно иллюстрированными книгами В. Мухина «Ермак Тимофеевич» и М. Мартынова «Пугачевский атаман Иван Белобородов» книги о первых комиссарах красногвардейских отрядов Александре Борчанинове и Михаиле Туркине, о хранителях леса Ефиме и Александре Теплоуховых, первооткрывателе калия Николае Рязанцеве, самоотверженном враче Евгении Серебренниковой.

В изданиях серии приводятся интересные исторические данные. Например, в книге С. Николаева «Хранители леса» рассказывается о том, как недавно при ремонте строгановских палат в городе Усолье обнаружили темницу с чугунным полом, к стенам которой были прикованы цепи с ошейниками. В таких застенках пытали крепостных людей; среди них находился русский первооткрыватель угля Моисей Югов.

Пермское книжное издательство проявило ценную инициативу. Серия «Замечательные люди Прикамья» знакомит со славным историческим прошлым русского народа.

А. РОМАНОВ

В светлую сторону...

Голос писателя может быть мощным, как раскаты грома, или мягким и задушевным, как отзвук далекой красивой песни. Но как бы ни звучал голос, всегда неповторим его тембр. И этото — самое чудесное качество творческой личности писателя.

Разумеется, мы говорим о голосе писателя-реалиста, утверждающего новое, передовое в нашей действительности. Покойный М. Пришвин, как бы предвидя амплитуду колебаний некоторых «реалистов» от черных тонов до розовых, завещал молодым писателям всегда помнить о светлой стороне жизни. «У нас, — говорил он, — понимают под реализмом обыкновенно художника, способного видеть одинаково и темные и светлые стороны жизни, но, по правде говоря, что это за реализм! Настоящий реалист, по-моему, это кто сам видит одинаково и темное и светлое, но дело свое ведет в светлую сторону...»

У Ольги Марковой голос негромкий, но книга ее рассказов хороша тем, что ведет она читателя в светлую сторону. Это книга о любви, о труде, о маленьких человеческих подвигах, о новой жизни в большом колхозе на берегах уральской речки Колотунки. Центральный образ книги — председатель колхоза Илья Назарович. От рассказа к рассказу раскрывается этот образ новатора в отношении к колхозникам, к большим и малым событиям в деревне.

А событий масса. С женой и дочерью возвращается в колхоз скороспелый горожанин Чекалин, и в рассказе отлично показано, что он переживает по дороге к дому отцов и дедов («Возвращение»). Хочет сбежать из села в город обиженная Маринка Замятина, но так и не может бросить того, к чему прикипело ее сердце («Кнопка»). В этом же рассказе скупо, но трогательно описана смерть ее отца Ивана Евсеевича. Всю жизнь он что-то изобретал и, умирая, сетовал на то, что сделал для людей еще так мало. Но до последнего вздоха не угасла в нем вера в человеческий гений. «Подожди, Марька, — говорил он, расставаясь с жизнью, — скоро додумаются люди до того, что кнопку нажмешь — и дождь пойдет... нажмешь другую — солнышко выглянет... вот как будет».

В колхозную деревню властно идет новое, и выражается это, как убедительно показывает Ольга Маркова, в механизации колхозного производства, в становлении честных характеров, в повседневном росте культуры.

О. Маркова рисует и пьяниц, и хапуг, и всяких других скособоченных людишек с мелкой душой. Но светлая сторона, о которой говорил М. Пришвин, характеризует всю ее книгу.

Рассказы уральской писательницы — большая ее удача. Хорош их язык, правдивы сюжеты, остаются в памяти образы смелых людей, переделывающих жизнь.

Вл. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Ольга Маркова. Рассказы. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1957. 401 стр.

Письма Д. Мамина-Сибиряка

В апреле 1958 года в Свердловский литературный музей имени Д. Н. Мамина-Сибиряка поступили три письма Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка.

Письма датированы 1885 годом, написаны во время его пребывания в Москве и адресованы екатеринбуржцу Ивану Васильевичу Попову, с которым Мамина-Сибиряка связывала дружба.

Глубокое знание жизни и быта уральских старателей писатель почерпнул из поездок на прииски. Постоянным его спутником в этих поездках был Иван Васильевич Попов, в то время мелкий золотопромышленник. Жизнь приисков настолько увлекла Мамина-Сибиряка, что он начал мечтать об участии в старательских работах.

Письма показывают, что, думая о собственном прииске, писатель стремился, конечно, не к наживе, а к тому, чтобы лучше узнать различные стороны уральской жизни. В письмах от 18 августа и 8 сентября, сообщив Попову, что прошения в Горное правление им написаны, Мамин-Сибиряк взволнованно расспрашивает о знакомых местах на Урале, о работе различных приисков, убеждает Попова писать корреспонденции об Урале и требует от него точных географических и цифровых данных. В письме от 8 сентября писатель говорит, что не имеет средств для практического участия в разработке золота, но снова и снова интересуется приисками.

«Мои дела идут ни шатко, ни валко, ни на сторону — досыта не наешься, а с голоду не помрешь — и то хорошо, — пишет Мамин-Сибиряк 4 декабря. — На Москву пожаловаться не могу. Поместил роман в «Русской мысли», буду его печатать в будущем году... Сейчас пишу мелкие рассказы и думаю ставить пьесу на сцене какого-нибудь театра».

Т. МЫСЛИНА,

директор Свердловского литературного музея имени Д. Н. Мамина-Сибиряка.

ЦВЕТЫ НА КАМНЕ

В артиллерийских блиндажах, когда в минуты недолгого фронтового затишья солдаты перечитывали письма из дома, когда казалось, что «в камень от разлуки мужские превращаются сердца», родился у поэта этот образ — цветы на камне. В бесконечных ночных раздумьях ослепительно ярко вспыхивают то родное степное разнотравье, то завьюженные черемуховой метелью аулы и деревни Башкирии, то выросшие на камнях уральских отрогов цветы, у которых от зноя огрубели стебли, и все-таки, «венчики пахучие колебля, цвели все лето нежные цветы». И невольно думалось поэту, что

Когда бы сердце впрямь окаменело
Среди боев — без края и числа,
Моя любовь, которой нет предела,
Цветами бы на камне расцвела.

Так органически сливаются в лирике башкирского поэта Мустая Карима нежность и мужество, любовь и ненависть, грусть и ликующая человеческая радость. Поэт, тонко и глубоко чувствующий красоту земли, радость жизни, умеет быть резким и непреклонным, как свист обнаженного клинка. Раскаты орудийного огня, прогремевшие в годы Отечественной войны, пройдя сквозь его сердце, влились в песенные строки.

Самобытное дарование Карима особенно ярко развернулось в послевоенные годы. Одна за другой выходят его книги как на башкирском, так и на русском языках. Читатели тепло встретили книги Карима «Цветы на камне» (1949 год), «Весенние голоса» (1954 год), «Я — россиянин» (1956 год). Полюбилась юношеству и повесть «Радость нашего дома», выдержавшая в Детгизе несколько изданий.

Лирика Мустая Карима впитала горячее, знойное дыхание степей, сумрачную прохладу уральских лесов, резкий запах нефти, только что вырвавшейся из земных глубин. Бакинский гость на празднике башкирских нефтяников говорит:

Нашли мы нефть
в глубокой мгле пластов земных,
Нашли мы дружбу
в глубине сердец своих!

Вот почему за лучшими строками Карима мы узнаем нашего современника, «россиянина», как с гордостью говорит о себе поэт, талантливого сына башкирского народа. Поэту бесконечно дороги и народный труд и народное празднество. И о чем бы ни говорил, о чем бы ни писал Мустай Карим, в его поэтическую речь вплетаются цветы степного башкирского края.

Нет цветов таких на всей планете —
Я прошел по ней, я это знаю! —

восклицает Карим в стихотворении «Здравствуй!» — говорят цветы».

Больше всего Мустай Карим не терпит идиллической успокоенности, замкнутости в узком мирке сугубо личных переживаний.

В жадном, пристальном внимании к жизни, в смелом вторжении в действительность, в приверженности к лучшим песенным образцам поэзии родного народа раскрывается лирическое дарование Карима:

Буду жить, пока грохочут бури,
И гореть, как молния горит.

Поэт-трибун, которого мы так живо и отчетливо ощущаем в стихах, обладает большим общественным темпераментом. Мустай Карим — депутат Верховного Совета РСФСР, председатель правления Союза писателей Башкирии. Вся его творческая и общественная деятельность показывает, что взгляд поэта устремлен в будущее, что его песни рождаются в страстях и боренных нашей эпохи. Отсюда их взволнованный пафос, их лирическая проникновенность.

Мустай Карим.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

ИВДЕЛЬ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Е. ВЕЛТИСТОВ,
Ю. КРИВОНОСОВ

Поезд не торопится в Ивдель; полтысячи километров из Свердловска он преодолевает за тридцать часов. Ждешь, ждешь, когда в таежном, черном от болот коридоре покажется Ивдель, и думаешь: неужели город с ласковым, мелодичным именем такой же полусонный, нерасторопный и жители его могут похвастать лишь пушечкой шестнадцатого века, найденной недавно в лесу, старинным орудием размером не больше домашнего пылесоса?..

Июньский Ивдель ослепляет снегом, мокрыми маскарадными хлопьями. Вот каков Северный Урал и его окраинный город!

Обозреть пешком Ивдель трудно, он расположился привольно, и где-нибудь на западе такого места хватило бы для нескольких городов. Улицы то покажут потемневшие избы, то нырнут в тайгу, то приведут к новеньким домам гидролизников и геологов. Ездят по улицам с особой осторожностью: две узенькие деревянные колеи — «лежневки» — опасная, настораживающая дорога. Зато на площадках для разъездов торжествует шоферский темперамент: споры, разговоры о футболе. Ивделец — настоящий футбольный болельщик. В разных концах города мальчишки, которых здесь смешно называют «бурундуками», кричат нашему шоферу Володе Шванову: «Дядя, здóрово играешь!» А железнодорожники дружно являются на стадион всем станционным персоналом и подбадривают своих игроков свистками паровозов, маневрирующих рядом с полем.

Где же оно, неторопливое прошлое Ивделя, начинавшееся с малютки-пушечки, с коей казачий атаман и соратник Ермака Иван Кольцо, основавший Ивдель, шел завоевывать Сибирь? Четыре столетия истории Ивделя угомонились в небольшом доме — в краеведческом музее. Собирал его учитель ботаники и музыки Иван Евлампиевич Уваров, теперь директор музея, пожилой человек с орденом Ленина и значком отличника народного просвещения на груди.

Уваров приехал сюда полвека назад. Были тогда в Ивделе две улицы. Интеллигенцию составляли шесть учителей, два лекаря да единственный агроном-самоучка. Убогое селение, далекое от больших дорог, привлекало к себе лишь очумелых от нескончаемых поисков золотоискателей...

Всего пятнадцать лет, как Ивдель стал городом. Это были годы, полные делового ритма жизни. Он ощущается, этот ритм, едва минует светлая ночь: ивдельцев будят моторы самолетов и вертолетов. Исполнительные «воздушные таксисты» разлетаются по окрестностям — в далекие мансийские селения и поселки геологов, куда попасть можно только «с неба». Вертолеты спасли в октябре прошлого года тяжело раненного медведем охотника-манси Степана Курикова, разыскали потерявшихся в тайге людей, расселили по речушкам бобров. Чего только не перевозит каждая машина за день: всегда спешащих пассажиров, почту, приборы, мороженое мясо! Главные заказчики авиации — геологи, люди, пробудившие и взбудоражившие ивдельцев, показавшие им будущее города.

— Начнем с курьеза,— рассказывает нам начальник Северной экспедиции Яков Варфоломеевич Минченков.— Вы видели на ивдельских улицах старые канавы? Старатели в поисках золота перекопали когда-то весь город и не подозревали, что он стоит на марганце. Марганцевые руды залегают по меридиану на двести километров и по своим запасам равны никопольским. А сколько разного добра нашли в последние годы наши партии под болотами: железную руду, мрамор, марга-

← Полуночное.

нец, уголь. Проектируется рудник, который будет снабжать железняком Серовский комбинат. На севере открыт миллиард тонн бурого угля—Северо-Сосьвинский бассейн. Разведка там продолжается, но запасы уже достаточны для промышленности Северного Урала. Поезжайте в Полуночное, и вы увидите, что Ивдель перестал быть окраинным городом...

Семья забойщика В. Номина.

У Ивделя шумный и веселый сосед — поселок Полуночное. Как неожиданная улыбка, предстает в краю действительно пушкинской «угрюмой полуночи» новый поселок: нарядные крепкие дома с резными наличниками, прямые улицы, копры шахт. Возник он в глухомани в начале войны, выручая сталелитейные заводы марганцем.

Новое Полуночное — это школа-десятилетка, больничный городок, хлебозавод, бытовой комбинат, жилые дома. И если в сорок первом году, при основании поселка, когда в глухом лесу стояло несколько домиков, Ивдель казался для строителей Полуночного чуть ли не столицей, то сейчас поселок выглядит симпатичнее, чем город-сосед, и жителей у него не меньше.

...Как и прежде, с Полуночного поезда везут железную и марганцевую руду, лес. Как и прежде, при подъезде к Полуночному проводник объявляет: «Конечная остановка». Но жители поселка уже поговаривают о том, что эта станция скоро перестанет быть железнодорожным тупиком, рельсы протянутся дальше, в тайгу, по направлению к поселку Толья.

Туда, в самую отдаленную от Ивделя партию Северной экспедиции, мы летим с первым после весенней распутицы самолетом. Ведет его Николай Иванович Аксенов, человек спокойный и строгий. Когда летчики уже приготовились к постоянным рейсам и черемуха со дня на день должна была забрызгать берега рек белой пеной, выпал мокрый снег. Черемуха так и не распустилась. А Аксенов ждать не мог, вылетел на разведку посадочной площадки.

Внизу петляет по зеленой со снежными пятнами тайге водяная дорожка — трасса на Толью, опасная и очень нужная. Действует она только зимой. Едва наступают холода, отправляется по ней санно-тракторный поезд с тысячью тонн груза. Впереди поезда — трактор-разведчик, или вездеход, на долю которого выпадает самое тяжелое. Болото под снегом подчас не замерзает, и трактор ухает в трясину. Водители приноровились к болотным каверзам, но все-таки сомнительные места переезжают «на вожжах»: привязывают к рычагам веревки, сами садятся на сани, прицепленные к трактору, и с них управляют машиной «вожжами» через заднее окошко. Затонувший трактор выручают всей наличной механизацией. А если она оказывается бессильной, люди высоко рубят березу, надевают на кол тракторное колесо и вытягивают машину вручную.

А сверху — очень красивое зрелище. Плюшевым зеленым ковром расстилается тайга со своими узорами и плешинами. Отраженное солнце бежит впереди самолета по земле, вернее, по воде: между деревьями — сплошные болота. Вдалеке сверкают снега восточных склонов Уральских гор. Впереди два массива: зеленый — кедровник и фиолетовый — березняк. Только-только пролился дождь, и вот разноцветные лесные поля замкнулись радугой. Самолет ныряет под семицветную дугу, и снова под нами уральская тайга. Урман...

Через два часа полета показалась маленькая прогалина в лесном массиве, бревенчатые домики—Толья. «АН-2» садится не просто на кусок твердой земли, где обычно в предрассветных сумерках токуют глухари, самолет садится «прямо на миллиард»: Толья — тот самый поселок, под которым во все стороны простирается миллиард тонн бурого угля.

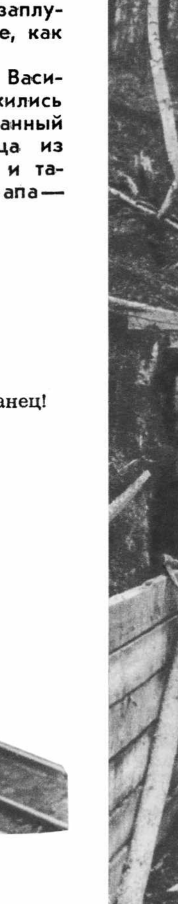
Ивдель называют в далеком поселке «Большой землей». Но оказалось, что, улетев с «Большой земли», мы снова приземлились на «Большую землю». На пятьдесят километров к северу и на сто к югу от Тольи разбросаны по тайге отряды. Для десятка людей, которые круглосуточно ведут бурение и ютятся в двух — трех домиках среди топи, бурелома, черных елей, поселок Толья — тоже «Большая земля».

Уверенно ступает теперь по тайге манси Василий Номин. Манси, населяющие Ханты-Мансийский национальный округ и север Свердловской области, многие века проводили в заболоченной тайге. Они дружили с лесом, который давал им прочную юрту, легкие нарты, тугой трехметровый самострел; они не могли заплутать в тайге: манси знали ее, как горожанин свой переулок.

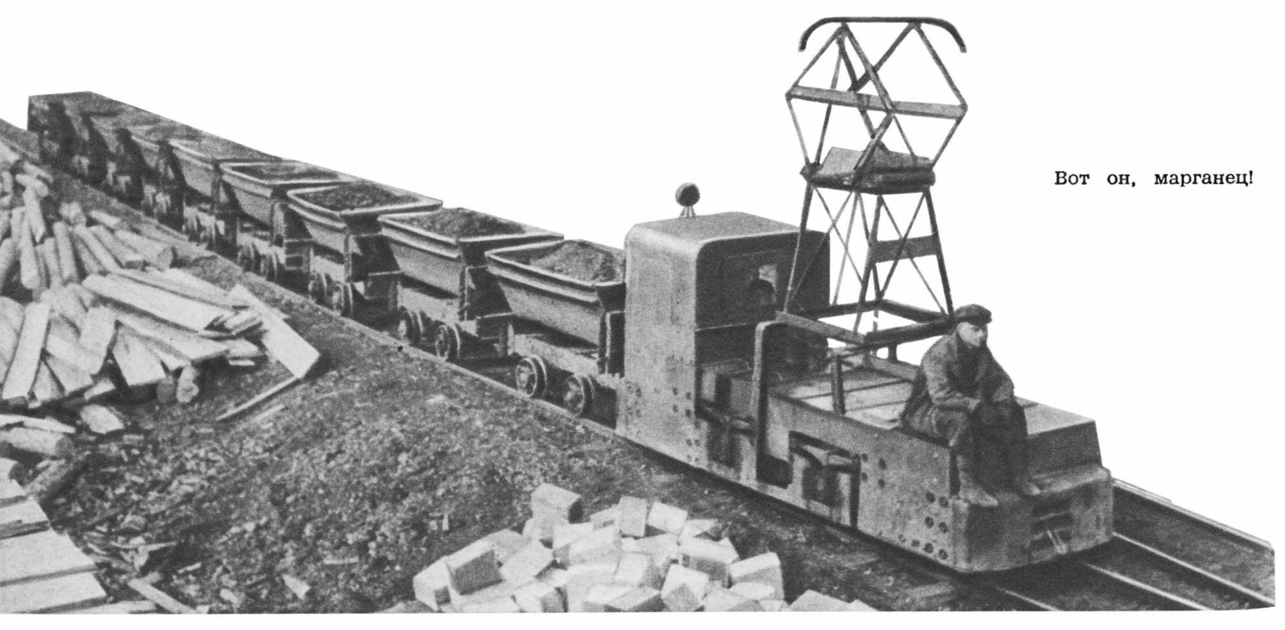
В юртах родного селения Василия Номина уже давно ужились камин-чувал и никелированный чайник, душистые полотенца из тончайшей еловой стружки и тарелки, берестяная люлька — апа — и гуттаперчевые зайчата. А сам Номин не только использует, как и его предки, в своем повседневном быту дары леса,— он стал разведчиком неожиданных богатств, забойщиком. Кто из шаманов мог предсказать при рождении Василия Номина, что он достанет из-под земли уголь?!.

Когда выяснено расположение «миллиарда», когда первый уголек уже опробован не только в лаборатории, но и на местной электростанции, нетрудно представить, как протянутся сюда стальные рельсы от Полуночного, как встанут вокруг Тольи большие поселки и в карьерах закивают ковшами экскаваторы.

В Толье кончается всякий транспорт. Дальше, на участки, путь — пешком. И человек уходит в тайгу, чтобы утвердить там новые города, шахты, новую «Большую землю».

Первый уголь из Северо-Сосьвинского «миллиарда».

Вот он, марганец!

Волокнистый камень

Старые уральские горщики рассказывают легенду о прекрасной девушке Тилле с седыми волосами. Там, где она разбрасывала кончики своих седых волос, вырастала горная, не поддающаяся огню кудель ка — серебристо-белая, с желтым отсветом пламени, пушистая. Так на Урале называют волокнистый камень — асбест.

Есть у него и другое имя — горный лен. Он состоит из множества тончайших шелковистых волоконец. Из этих волокон можно сделать ткань, которая не горит.

Еще священнослужители в древней Индии носили одежды, сшитые из асбестового полотна. Не горевшие в огне белоснежные торжественные одежды вызывали благоговение у простых людей. Жрецы казались святыми, обладателями божественных тайн. Не удивительно, что асбестовая ткань ценилась очень высоко.

От центра города Асбеста можно дойти за пятнадцать минут до ближайшего карьера. Из трех карьеров, имеющихся в Асбесте, за год добывается семьсот тысяч тонн волокнистого камня. Для этого надо вынуть сорок миллионов тонн горной массы. Шестьдесят пять экскаваторов стоят на широких террасах. Врезаясь в неподатливые стенки карьера, машины захватывают породу и складывают ее в вагоны.

На краю карьера стоит домик. Он похож не то на большой фонарь, не то на маленький застекленный кораблик. Здесь сердце карьера — диспетчерская. Отсюда осуществляется управление всеми работами. У диспетчера имеются прекрасные помощники: электричество, радио, токи высокой частоты. Тут вы можете слышать голоса машинистов экскаваторов, находящихся на расстоянии в два с лишним километра. Они докладывают о ходе работ, просят помощи в случае неполадок, а иной раз и просто посылают в эфир веселую шутку.

Для чего нужен асбест? Древние люди ценили в асбесте лишь волокнистость и несгораемость. Но постепенно выяснились и другие его замечательные свойства. Оказалось, что асбест не пропускает ни тепла, ни электричества, что он устойчив против действия щелочей, а некоторые его сорта не боятся и кислот. Микробиологи используют его для производства тончайших фильтров; из асбеста изготовляют рукавицы, фартуки, наколенники для пожарников, театральные занавесы, бумагу, на которой печатаются денежные знаки...

Из одного килограмма асбеста можно вытянуть нить длиной в тридцать километров! Он чрезвычайно прочен. Прочнее стали! Стальная проволока, имеющая поперечное сечение в один квадратный миллиметр, разрывается при нагрузке в двести тринадцать килограммов. Асбестовое волокно такого же сечения разрывается при нагрузке в триста килограммов!

Все эти чудесные свойства сделали асбест одним из самых необходимых материалов промышленности.

— По запасам асбеста в недрах земли наша страна стоит на первом месте,— сообщили нам в научно-исследовательском институте, помещающемся на главной улице города.— А что касается его использования, то это, несомненно, материал будущего. Хотя и теперь уже можно назвать две тысячи вещей, изготовляемых из асбеста. Среди них шифер, электроизоляция, коробы для прокладки телефонного кабеля, шкафы и ящики для хранения продуктов... Из смеси асбеста и цемента делают трубы — легкие, прочные, не пропускающие ни тепла, ни холода, ни электричества.

Б. ДИЖУР

Марк ГРОССМАН

* * *

Своей доволен я судьбою,
Не зависть — жалость у меня
К тому, чья жизнь прошла в покое,
Вдали от бури и огня.

Какая все-таки удача —
Идти в разведке, в дождь и в тьму,
Палатку ставить на Рыбачьем,
В песках, у бешеной Аму,

И, кончив дело, в час полночный,
Отведав огненной ухи,
Вдруг примоститься в уголочке
И посвящать свои стихи

Дымку над домиком родимым,
Негромкой песенке печей
И тем глазам неповторимым,
В которых звезды всех ночей!

Челябинск.

Подводная целина

Инженер Леонид Павлович Мушкет давно интересуется водяными растениями. И его квартира постепенно превратилась в лабораторию. Из плотных красных растений он извлекал йод, из тонких нитевидных травинок получал крахмал, этиловый спирт, растворители для приготовления пластмасс.

Однажды Леонид Павлович заметил на озере манник — растение, которое по содержанию крахмала почти не уступает лучшим культурным злакам. А что, если скрестить манник с пшеницей?

Леонид Павлович опылил на плесе цветы водяного растения пыльцой пшеницы, а тонкие стебельки привязал к колышкам для приметы. Осенью на отмеченных стебельках увидел крупные колосья. Они были не в пример больше окружающих, и зерна в них были почти такой же величины, как пшеничные. А кругом в колосьях манника зерна были совсем мелкие. Однажды Леонид Павлович посеял семена рдеста — злаковой культуры — на озере вблизи подсобного хозяйства Челябинского тракторного завода. И озеро, не имевшее никакой растительности, зазеленело. Поверхность воды покрылась многочисленными колосьями с крупными зернами. Стайки уток и гусей, которые раньше редко здесь бывали, не находя для себя корма, теперь целые дни проводили на озере.

Леонид Павлович написал о своих опытах в Москву. Из Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина он получил ответ: «Ваше предложение об использовании водной растительности Зауралья, как источника кормов для водоплавающей птицы и промысловых животных, и об искусственном разведении водяных растений имеет несомненное значение, особенно для Зауралья и Западной Сибири, где озера занимают значительную площадь».

Озера — это тоже целина: этой еще не поднятой целины на Южном Урале сотни тысяч гектаров. Какие прекрасные плантации водяных растений могут быть в этом крае! Им не будут страшны никакие суховеи, никакая засуха: они всегда дают урожай. В колхозах и совхозах Южного Урала создаются крупные фермы водоплавающей птицы. Большие плантации водяных растений могут быть для них хорошей кормовой базой.

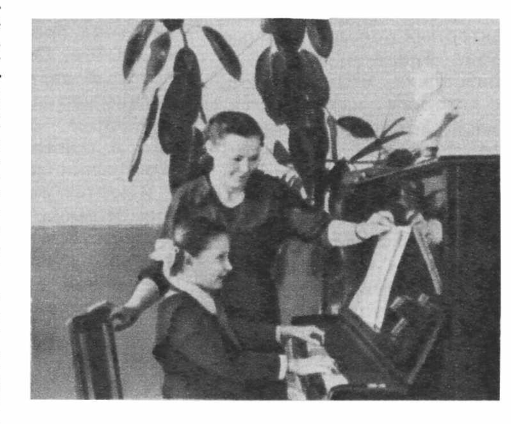
В областном управлении сельского хозяйства решили организовать в двух — трех колхозах области, имеющих водоемы, изучение водяных культур для использования их на корм скоту.

В. ГЕНИН

Л. П. Мушкет в своей лаборатории.
Фото В. Паршукова.

Наследники композитора...

В комнате, где у рояля сидит Вита Старцева, дочь прокатчика, более ста лет тому назад резвился маленький Петя Чайковский. Вот уже 24 года в старинном уральском городе Алапаевске, в доме, где великий композитор провел часть своего детства, находится детская музыкальная школа его имени. Здесь учатся 180 ребят, преимущественно дети металлургов. Многие воспитанники школы стали профессиональными музыкантами. Авенир Проскуряков, например, работает в Тюменской филармонии, а Н. Алешина, которую вы видите на снимке,— преподаватель музыки, первая выпускница этой школы.

Е. КРУГЛОВ

гор. Алапаевск.

Фото автора.

Семейная стенгазета

По праздникам в просторной квартире профессора Петра Васильевича Умрихина собирается вся семья и приходят гости. Иногда в такие дни на круглом столе гостиной появляется плотный сверток пожелтевших от времени листов бумаги. Это семейная стенгазета «Добродушная оса». Основана она дедом младшего поколения семьи, петроградским журналистом Александром Геннадиевичем Ширяевым. В годы войны семья разъехалась в разные концы страны. Но и тогда газета продолжала выходить. В Свердловск присылались корреспонденции из Ленинграда, Москвы, с Дальнего Востока. За эти годы «Добродушная оса» стала своеобразной семейной хроникой.

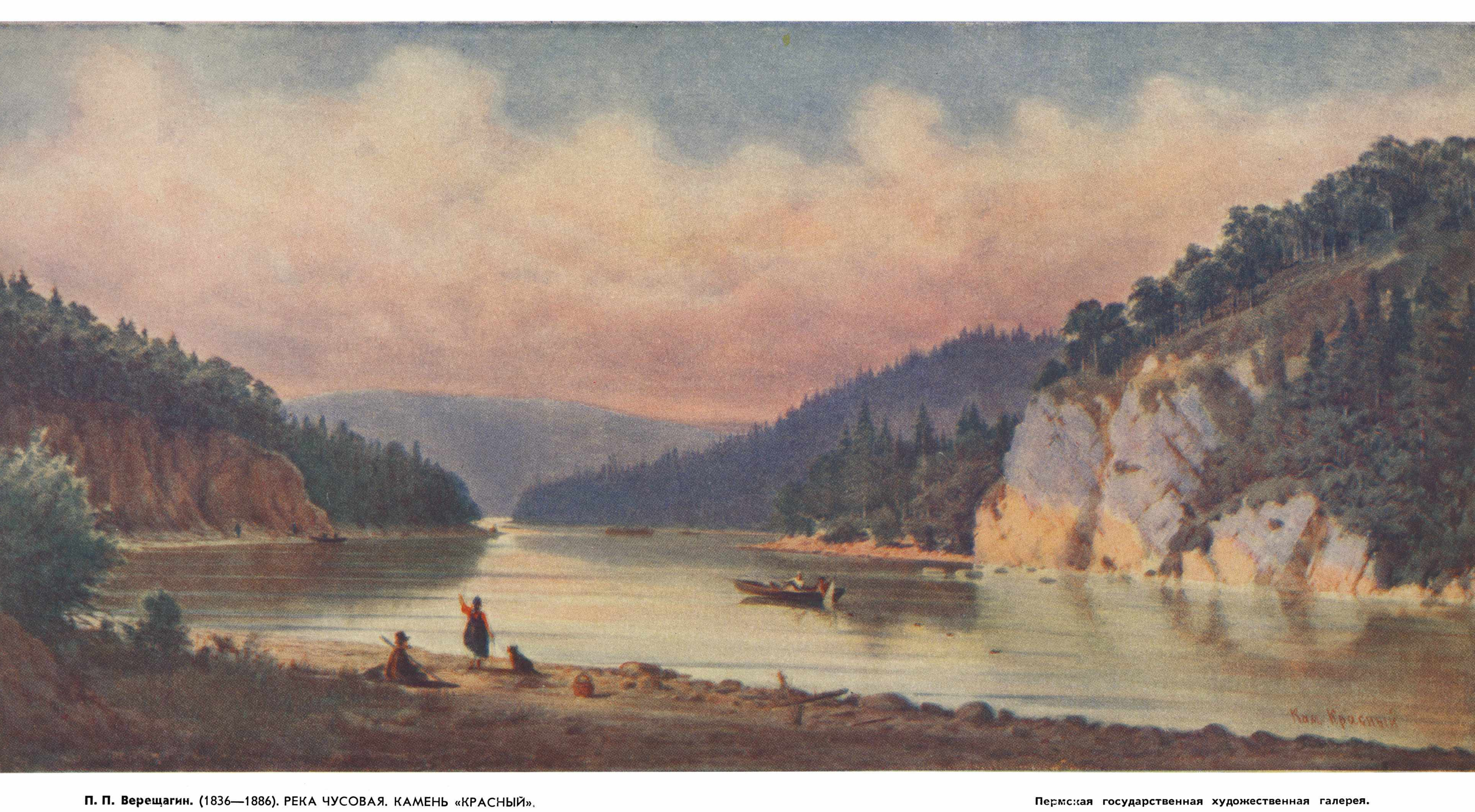
Специальные номера газеты выпускаются летом, когда семья профессора отправляется в путешествие по Советскому Союзу. В этих номерах всегда много фотографий и рисунков. Осенью нынешнего года семейная стенгазета будет отмечать юбилей—35-ю годовщину со дня основания.

Ю. ТЕМНИКОВ,
редактор газеты
«За индустриальные кадры».

В семье профессора Умрихина за просмотром старых номеров стенгазеты «Добродушная оса»: Петр Васильевич, его племянница Кира, супруга Вера Александровна и врач Валентина Александровна Матвеева.

Фото И. Тюфякова.

П. П. Верещагин. (1836—1886). РЕКА ЧУСОВАЯ. КАМЕНЬ «КРАСНЫЙ».

Пермская государственная художественная галерея.

И. Е. Репин. (1844—1930). ВЫБОР ЦАРСКОЙ НЕВЕСТЫ.

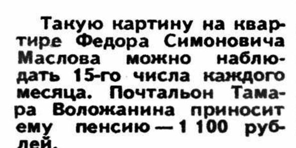
Пермская государственная художественная галерея.

6 из 700 000

О. КНОРРИНГ

Челябинск основан в 1736 году. Столетие потребовалось, чтобы в нем построили 550 домов. Миновало еще почти столетие, пока население Челябы достигло 60 тысяч человек. Это было в 1926—1927 годах. А потом пошли годы бурного роста. Они фактически были годами рождения нового города. В 1939 году население его составляло уже 273 тысячи человек, а сейчас — 700 тысяч!

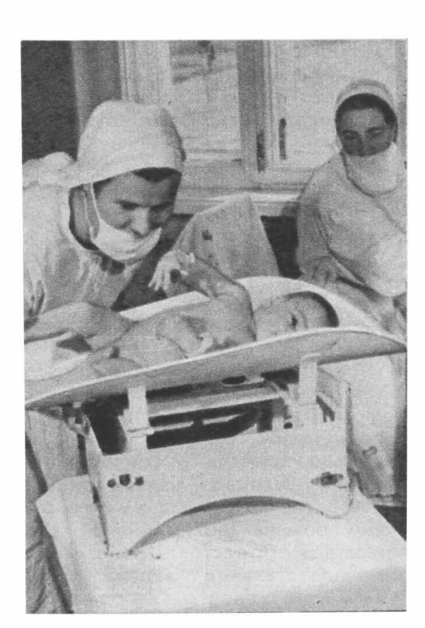
На этой странице вы видите фотографии шести челябинцев, с обычными в наше время биографиями, судьбами, характерными, пожалуй, для большинства жителей рабочего уральского города.

Такую картину на квартире Федора Симоновича Маслова можно наблюдать 15-го числа каждого месяца. Почтальон Тамара Воложанина приносит ему пенсию — 1 100 рублей.

Сын крестьянина-бедняка, Маслов еще в детстве вынужден был уйти из родной деревни на заработки в город. Здесь он служил половым в трактире. А в советское время стал сталеваром и отдал этой благородной профессии десятки лет. Теперь он пользуется заслуженным отдыхом.

Торжественный момент! Первое взвешивание! Население Челябинска увеличилось еще на одного человека. У малыша символическая фамилия — Хозяйкин. Он, конечно, скоро привыкнет, как и все мы, к тому, что государство заботится о нас с первого дня нашей жизни. →

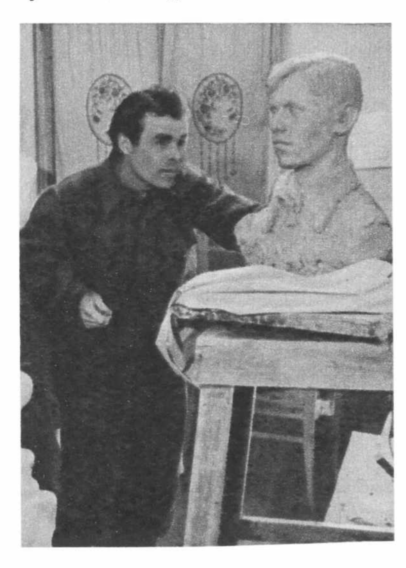
А это Ира Леонтьева, новая работница часового завода. Когда ее фотографировали, она смущенно сказала:

— Что вы! Ведь в моей жизни нет еще ничего особенного. Только недавно десятилетку кончила... Каковы мои планы? Вот поработаю год — два, освоюсь и обязательно буду продолжать учебу. Где? Еще не решила.

Выбор у Иры большой. В городе 4 ВУЗа и 13 средних специальных учебных заведений...

Борис Яковлевич Гавриш — представитель испытанной рабочей гвардии Челябинска. Он старший оператор блюминга «1100». За его плечами годы славного труда на заводе, созданном в дни его юности. Несколько лет назад в жизни Бориса Яковлевича произошло большое событие: он избран депутатом Верховного Совета Российской Федерации.

Рауфа Исламгалиева в тресте «Уралдомнаремонт» знают как хорошего электросварщика. Но в Челябинске он известен и как скульптор. Художественная лепка — любимое его занятие в часы досуга. На городских выставках работы Исламгалиева пользуются успехом.

Вот проснулась в своем детском садике маленькая Наташа. О чем она размечталась? Догадаться трудно...

Но о чем бы ни мечтала она,— пожелаем ей счастливой юности!

Самый молодой

Л. ВИНОГОРОВА

Фото О. КНОРРИНГА.

В Челябинске хорошо помнят день 29 сентября 1956 года, когда в великолепном новом театральном здании прозвучала увертюра к «Князю Игорю»: оперой А. П. Бородина было ознаменовано рождение Челябинского театра оперы и балета. За это время челябинцы успели привыкнуть к тому, что площадь имени Ярославского (в дореволюционном Челябинске здесь теснились купеческие лабазы) превратилась в площадь искусств. Тут же — зал филармонии, картинная галерея и, наконец, новый оперный театр, которому в день его рождения было присвоено имя великого Глинки.

Челябинский театр оперы и балета, закончивший ныне свой второй сезон, самый молодой среди оперных театров страны.

— Но наш театр юный не только по времени его организации,— говорит директор Всеволод Петрович Артемьев.— Вряд ли найдется в стране другой театральный коллектив, где бы возраст большинства певцов не превышал двадцати пяти лет, а у артистов балета лишь немного перешагнул за двадцать.

Артисты оперы—в большинстве недавние выпускники музыкальных учебных заведений страны. Организаторы Челябинского театра — его главный дирижер народный артист РСФСР И. Зак и главный режиссер заслуженный деятель искусств РСФСР Д. Смолич — рассказывали, как часами сидели они на выпускных экзаменах в Москве, Ленинграде, Одессе, Свердловске, Челябинске, слушая певцов, мысленно соединяя лучших из них в одно целое.

С балетом получилось проще: в Челябинск приехал целый выпуск Ленинградского хореографического училища. К нему присоединилась чуть позже группа москвичей, а затем и некоторые участники художественной самодеятельности Челябинска.

Жизнь театра была полна напряженного труда.

Тринадцать названий на афише театра. Это, конечно, немало.

— Наш театр с первых своих дней, — говорит И. Зак, — стремился поставить оперный спектакль на современную советскую тему, особенно из жизни молодежи: это ближе нашим исполнителям. Поэтому мы с радостью приняли оперу композитора Г. Шантыря «Город юности» (либретто С. Северцева по мотивам романа В. Кетлинской «Мужество»). Предстояла нелегкая, но привлекательная задача: показать на оперной сцене романтику труда молодых строителей нового города, рассказать средствами музыкального театра о трудовых подвигах.

Работа молодого театра с композитором завершилась успешно, об этом можно судить по награде — диплому второй степени, полученному челябинцами на Всесоюзном фестивале театров и музыкальных коллективов страны, проведенном в честь 40-летия Великого Октября.

Кроме «Города юности», театр показал на фестивале балет «Лебединое озеро» П. И. Чайковского, и лауреатом фестиваля стала двадцатилетняя балерина Светлана Адырхаева.

Не только челябинцев радуют успехи молодого театра. На первых гастролях в Оренбурге и Магнитогорске тепло встречали зрители Е. Окунева — исполнителя партий Игоря, Эскамильо, Риголетто, В. Заблудовского, дебютировавшего в «Князе Игоре», а недавно выступившего в роли Томского в «Пиковой даме». Выпускница Челябинского музыкального училища Анна Матвеева поет Татьяну в «Евгении Онегине», Клаву в «Городе юности». Ее последняя работа — Маргарита в «Фаусте». Имя певца Вениамина Меньшенина было известно здесь задолго до открытия театра: это один из самых активных участников художественной самодеятельности, солист хоровой капеллы тракторостроителей. Его красивым баритоном гордились в городе. Меньшенин стал учиться в Челябинском музыкальном училище, затем был принят в Московский институт имени Гнесиных. Вскоре талантливого певца горячо встречали в концертных залах столицы. С группой советских артистов он гастролировал во Франции. После окончания института Меньшенин вернулся в родной город, поступил в оперный театр. Здесь он начал с роли Онегина, а теперь поет и Фигаро и Елецкого. Его последняя работа — Валентин в «Фаусте».

Каждый день полон зал Челябинского театра оперы и балета имени М. И. Глинки. Нередко все 1 200 мест занимают труженики сельского хозяйства. Они приезжают сюда автомашинами и специальными поездами.

А не так давно состоялся культпоход строителей пятой домны Челябинского металлургического завода на спектакль «Город юности». Театр — шеф этой большой комсомольской стройки. Дружба началась в морозный, вьюжный день, когда впервые на строительную площадку приехали артисты. Вечер закончился в клубе большим концертом.

Лето коллектив проводит в гастролях по городам Сибири. Новые встречи, новые надежды и поиски, новые трудности и успехи — только такой дорогой идти вперед!

← Сцена из спектакля «Лебединое озеро». Одетта — С. Адырхаева, принц — А. Федоров.

На детском утреннике в антракте.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

10. «ПРАВЬ, БРИТАНИЯ!»

На первый взгляд жизнь в городе шла своим чередом: жители ходили на работу, прохожие заполняли улицы, торговали по-прежнему магазины...

И все же Рига, казалось, существовала только для немцев: лишь они непринужденно расхаживали по улицам, сидели в ресторанах и кафе, громко смеялись и разговаривали на всех углах.

Тем временем в городе шла и другая, странная и страшная жизнь. Молодых латышей насильно отправляли в Германию. Транспорт за транспортом с девушками и подростками уходил из Латвии. В застенках гестапо казнили всех, кого подозревали в симпатиях к коммунистам. Евреев убивали и сжигали в газовых камерах. И самое невероятное было, что всему этому не предвиделось конца. Десятки тысяч евреев были замучены, казнены, сожжены, а их продолжали ловить и «обезвреживать». Коммунисты были уничтожены все до одного — об этом не раз писалось в приказах и листовках. Но коммунисты появлялись вновь и вновь, точно они были бессмертны. Заводы не давали продукции. Поезда с немецкими солдатами шли под откос. Распространялись подпольные газеты. Самолеты взрывались на аэродромах. Гитлеровские офицеры боялись ходить вечерами по улицам...

Рига жила двойной жизнью: одна была наружная, показная, сравнительно благополучная; другая была наполнена непрекращающейся борьбой, смертью, отчаянием и надеждой.

Но самым непостижимым в этой двойственной Риге было для меня мое собственное существование.

Впервые за все свои тридцать лет я вел образ жизни ничего не делающего рантье.

Железнов, который находился рядом со мной, был поглощен бурной и опасной деятельностью. Он исчезал по ночам и не появлялся по нескольку дней, делал множество дел и при всем этом успевал играть роль моего шофера.

В сложном механизме, каким являлось организованное антифашистское подполье, он был одним из тех незаметных, но важных винтиков, которые очень способствовали слаженной работе всего механизма.

Не знаю, было ли это врожденной способностью или у него постепенно выработались профессиональные навыки, но конспиратором Железнов был необыкновенным!

Он ускользал от гестаповских ищеек с удивительной ловкостью. Не скажу, что гестапо держало меня и мою квартиру под неослабным надзором, но интерес ко мне со стороны полиции, разумеется, не ослабевал никогда. Тем не менее Железнову удавалось создавать у нее впечатление, что он всецело поглощен лишь специфическими делами английского резидента Блейка.

О том, что делал Пронин, я говорить не берусь. Но если Железнов изо дня в день участвовал в делах, требовавших от него исключительной смелости и ловкости, Пронин, я думаю, делал еще больше.

А я в это время неторопливо вставал по утрам, пил кофе, встречался с Янковской, фланировал по улицам...

Я старался поменьше привлекать к себе внимания, боялся выдать себя, и мне казалось, что я совсем не гожусь в актеры.

Иногда мы с Янковской ездили в гости ко всяким негодяям, которых давно пора было расстрелять. Время от времени я принимал своих девушек, снабжавших меня недорогой информацией. Впрочем, девушки отсеивались, они заходили все реже и реже, я не проявлял большого интереса ни к их сообщениям, ни к ним самим...

Да, такова была внешняя сторона жизни, и если бы рядом не находился Железнов, если бы я не сознавал, что где-то поблизости находится Пронин, если бы мне не была ясна вся шаткость и зыбкость собственного моего положения, я бы мог вообразить себя персонажем какого-нибудь мещанского романа, перенесенным волею автора в прошлый век...

За этот год я крепко подружился с Железновым, стал называть его Виктором, а он меня Андреем; мы были погодки, и в главных своих направлениях жизнь наша текла одинаково.

Сын питерского рабочего, погибшего на фронте в бою против Юденича, Виктор Железнов еще подростком познакомился с Прониным. После гибели отца тот как бы взял над мальчиком шефство. Виктор учился, очень много учился,— на этот счет Пронин был суров. Получив образование, Виктор, всегда чуточку влюбленный в своего опекуна, пошел на работу в органы государственной безопасности, и в ранней юности и в последующие годы Пронин во всем был для него примером.

Меня интересовала история появления Пронина в Риге, и Железнов, хоть и не очень подробно, рассказал мне об этом.

Когда командование решило заслать Пронина в тыл к гитлеровцам, план переброски вырабатывал он сам.

В часть он прибыл под фамилией Гашке; о том, кто это на самом деле, знали только командир, комиссар полка да командир роты, в которую был назначен Гашке. Пронин ждал подходящего случая. Таким он посчитал день, когда осколком снаряда был убит начальник штаба полка. Так как на эти же дни был намечен отход группы наших войск на новые позиции, Пронин получил приказы, которые через два дня должны были устареть, хорошенько запомнил дислокацию войск, которая через два дня должна была измениться, и собрался в путь.

Проводить «перебежчика» прибыл начальник разведотдела армии.

На тот случай, если бы у немцев оказался на нашей стороне какой-нибудь осведомитель, в целях полной дезинформации был пущен слух, что Гашке проник в штаб полка, убил начальника штаба и похитил секретные документы.

Выждав, когда в постоянной перестрелке между противными сторонами наступило недолгое затишье, начальник разведотдела и Пронин вышли на линию расположения роты.

Они стали за кустами жимолости. Пронин в последний раз измерил глазами расстояние, которое ему предстояло пробежать, пожал своему провожатому руку — в его лице он прощался со всем тем, ради чего шел рисковать своей жизнью,— шагнул было из-за кустов, и в этот миг немцы снова открыли стрельбу.

Нет, не по перебежчику, его они не успели еще увидеть, и, однако, один из выстрелов поразил Пронина.

Он покачнулся и прислонился к ветвям жимолости, которые не могли служить никакой опорой.

— Вы ранены? — тревожно воскликнул начальник разведотдела, хотя это было очевидно без слов.

— Кажется,— сказал Пронин.— Где-то под ключицей...

— Ну, что ж, в таком разе пошли в госпиталь,— предложил начальник разведотдела.— Операция отменяется.

— Ни в коем случае! — возразил Пронин.— Надо идти.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20—28.

— А как же рана?— спросил начальник разведотдела.

— А может, она и послужит мне лучшей рекомендацией,— сказал Пронин.— Вы сами видите, обстановка не для госпиталя!

— Не советую, товарищ Пронин,— сказал начальник разведотдела. — Может, еще и кость задета...

— Ничего, сегодня командую я, разведчик должен уметь пользоваться обстоятельствами, риском,— сказал Пронин.— Кланяйтесь там...

Он поморщился, отстранил от себя ветку с багровыми волчьими ягодами, рванулся и побежал в сторону противника.

С нашей стороны по перебежчику, разумеется, открыли стрельбу; стреляли, как это заранее было приказано, холостыми патронами, хотя для Пронина риск все равно был большой: и с той и с другой стороны кто-нибудь всегда мог пустить настоящую пулю.

Немцы сразу поняли, кто к ним устремился, и прекратили обстрел.

Остальное было понятно. Пронину удалось осуществить свой замысел. Он упал перед самыми позициями немцев, обессиленный, истекающий кровью, счастливый, что добежал до «своих»...

В нем погиб талантливый актер, в этом я убедился, наблюдая его в госпитале.

С самим Прониным за всю зиму я встретился всего лишь один раз, да и это свидание навряд ли состоялось бы, если бы Эдингер не поставил меня, что называется, в безвыходное положение.

Да, Эдингер становился все настойчивее, все чаще и чаще требовал он от меня реальных доказательств моего сотрудничества с немцами. От меня ждали многого и поэтому относились ко мне с известной снисходительностью, но в конце концов я должен был предъявить свою агентурную сеть и свои средства связи, именно это и должно было быть моим вкладом в фирму, именовавшуюся «Германский Рейх».

Как и следовало ожидать, Эдингер припер меня к стене.

— Милейший Блейк, вы злоупотребляете нашей снисходительностью,— сказал он, пригласив меня как-то к себе. — Но больше мы не намерены ждать. Мы понимаем, что вашу агентуру надо подготовить для новых задач, серьезных агентов не перебрасывают из рук в руки, точно мячик, но ваши связи с Лондоном мы хотим теперь же взять под свой контроль. Я желаю, чтобы вы предъявили нам свою рацию. В среду или, скажем, в четверг вы дадите нам это доказательство своего сотрудничества, или мне придется переправить вас в Берлин...

Вечером я сообщил об этом требовании Железнову.

— На этот раз господин обергруппенфюрер от вас, пожалуй, не отвяжется,— сказал Виктор.— Доложу начальству, что-нибудь да придумаем.

На следующий день Виктор передал, что Пронин хочет со мной встретиться и назначает свидание в кинотеатре «Сплендид».

Я пришел в назначенный день на последний сеанс (в это время всегда бывало мало публики: для хождения по городу после десяти часов требовались специальные пропуска), взял билет — двадцатый ряд, справа,— и ряд и сторона были названы заранее. Зал погрузился в темноту, сеанс начался; минут через двадцать кто-то ко мне подсел.

— Добрый вечер,— тихо сказал Пронин.

Он крепко пожал мою руку.

— Ну, что случилось? Какую еще там рацию требует от вас Эдингер?

Я повторил все, о чем уже рассказывал Железнову, и со всей возможной точностью изложил свой разговор с Эдингером.

— Н-да,— задумчиво протянул Пронин, выслушав мой рассказ.— Предлог для отлучки придуман неплохо, но нетрудно было предвидеть, что немцы заинтересуются рацией...

Судя по его тону, мне показалось, что Пронин укоризненно покачал головой, хотя я и не видел его в темноте.

— Однако вам нельзя выходить из игры, придется бросить им эту подачку,— проговорил он.— Надо тянуть с немцами как можно дольше и ждать, ждать...

— Чего? — спросил я, подавляя возникающее раздражение.— Не кажется ли вам, что я напрасно провожу время? Вокруг меня все бурлит, я чувствую, какой интенсивной жизнью живет Железнов, в то время как меня держат в состоянии какого-то анабиоза.

— Не тревожьтесь, анабиоз скоро кончится... Спрашиваете, чего ждать? Видите ли, терпение — одна из главных добродетелей разведчика, хотя терпеть бывает иногда, ох, как трудно! Это только в кино да в романах разведчики непрерывно участвуют в приключениях, на самом деле они иногда годами выжидают, пока узнают какую-нибудь тайну.

— Но так можно ждать, ждать и ничего не дождаться,— возразил я.

— Да, можно и не дождаться,— немедленно согласился Пронин.— Но это уже не ваша забота. Вам приказано ждать, и ваше дело — ждать. Будьте Блейком. Как можно лучше играйте роль Блейка. Проникните в его подноготную, изучите каждую книжку, каждую бумажку, каждую половицу в его квартире. Будьте Блейком и ждите. Это все, что я могу вам сказать. В один прекрасный день жизнь раскроет нам тайну Блейка. Это могло бы показаться случайностью, если бы мы не ждали этого случая в течение трехсот шестидесяти четырех дней. И, возможно, в один из этих дней его агентура окажется в наших руках.

Он еще раз пожал мне руку.

— Так вот...— Даже здесь, в темноте, в в отдалении от других зрителей, он не называл меня по имени.— Возвращайтесь — и побольше выдержки. Вы сами понимаете, что находитесь на острие ножа. Но приходится балансировать. Слишком велик выигрыш, чтобы стоило отказаться от борьбы. Наберитесь терпения, что-нибудь придумаем. Завтра Железнов передаст вам команду. Спокойной ночи!

Он отодвинулся и исчез в темноте так же, как расплывались передо мной на экране кадры какого-то детективного фильма.

Странное дело, хотя я в течение всей зимы совершенно не видел Пронина, если не считать этой пятиминутной встречи, у меня все время было ощущение, точно он находится где-то поблизости от меня. Впрочем, так оно и было в действительности; ощущение того, что в случае нужды, в исключительных обстоятельствах, я всегда могу обратиться к нему за советом и получить от него помощь, делало меня самого более уверенным и решительным.

На другой день Железнов велел мне сказать Эдингеру, что рацию тот получит; от меня требовалось только оттянуть встречу с Эдингером на неделю.

Я так и поступил.

— Господин обергруппенфюрер, вы получите то, что хотите иметь,— сказал я ему по телефону.— Но я не могу сейчас покинуть Ригу, я прошу отложить нашу поездку на неделю.

— Хорошо, господин Берзинь, пусть будет по-вашему! — угрожающе ответил Эдингер.— Но помните, мое терпение истощается, больше вы не получите отсрочки ни на один день.

Я передал ответ Эдингера Железнову, и тот удовлетворенно вздохнул.

— Не беспокойтесь, Пронин не подведет!

И действительно, через четыре дня после моего свидания с Прониным Виктор подошел ко мне и сказал:

— Все в порядке, рацию можно предъявить. В воскресенье осмотрим ее сами, а в среду свезете Эдингера.

В воскресенье мы поехали на взморье.

Был серенький день, в небе клубились сизые тучи, с моря подувал неприятный холодный ветерок.

Мы ехали по невеселой, заснеженной дороге, мимо необитаемых дач, хозяева которых были разметены ветром войны в разные стороны.

— Кажется, за мной снова установлена слежка,— высказал я Железнову свое предположение.— Эдингер вот-вот готов сорваться.

— Вы не ошибаетесь, хотя он никогда не обходил вас своим вниманием,— согласился Железнов.— Он боится, как бы вы вообще не замели следов к своей рации.

— Значит, за нами следят? — спросил я.

— Разумеется,— подтвердил Железнов.—Ну и пускай. Доставим немцам удовольствие перехитрить английского разведчика.

Перед одной из самых унылых и невзрачных дач Железнов остановился.

Вдалеке на дороге маячила неподвижная фигура какого-то долговязого субъекта.

Железнов, не обращая на него внимания, распахнул незапертую калитку.

— Входите и запоминайте все, запоминайте каждую мелочь, запоминайте как можно внимательнее! — предупредил он меня.— Эдингер должен сразу почувствовать, что все здесь для вас привычно.

Мы подошли к веранде, Железнов достал из кармана ключи, отпер наружную дверь, потом дверь, ведущую с веранды в дом. Внутри дача казалась не такой уж заброшенной: простая мебель аккуратно стояла по местам, словно комнаты были покинуты своими жильцами совсем недавно.

Из кухни спустились в погреб. Железнов повернул выключатель, вспыхнула электрическая лампочка, он отодвинул от стены большую бочку, обнаружилась дверка, ведущая в соседнее помещение.

Мы проникли туда, и на большом ящике, сколоченном из толстых досок, я увидел радиопередатчик.

— А антенна? — поинтересовался я.

— Видели петуха над входом? — в свою очередь, спросил меня Железнов.— Его хохо-

лок из металлических прутьев, торчащих в разные стороны?

— Слабая маскировка,— заметил я.— Как же это немцы не обнаружили ее до сих пор?

— Они и не могли обнаружить,— объяснил Железнов.— Этот петух сидит на своей крыше всего второй день.

— Так ведь немцы это тоже заметят?

— Петуха заметили бы, но пустые крыши не запоминаются,— пояснил Железнов.— Эдингер, конечно, упрекнет своих сотрудников в ротозействе...— Он кивнул на рацию.— Умеете на ней работать?

— Более или менее,— признался я.— Любительски.

— Достаточно,— сказал Железнов.— Можете сообщить своему шефу, что с вами говорят дважды в месяц, каждое четырнадцатое и двадцать восьмое число, от четырнадцати до пятнадцати, на волне одиннадцать и шесть десятых. Ваши позывные «Rule Britannia», и в ответ продолжение: «Britannia rules the waves». Знаете гимн англичан? «Правь, Британия! Британия, правь над волнами!» Иван Николаевич сказал: не надо оригинальничать, чем проще, тем достовернее. И не вздумайте сказать, что вы непосредственно связываетесь с Лондоном, вы говорите с резидентом Интеллидженс сервис, находящимся в Стокгольме.

— Но ведь от меня потребуют код? — спросил я.

— Будет и код,— согласился Железнов.— За три дня вам придется основательно его выучить.

Уходя, Железнов извлек из кармана небольшой пульверизатор и распылил перед дверьми какой-то порошок.

— Зачем это? — удивился я.

— Пыль, цемент,— объяснил Железнов.— Вернувшись сюда, вы сразу узнаете, был ли здесь кто-нибудь после нас.

Мы вышли. Ничто не нарушало унылого спокойствия зимнего дня в опустелом дачном поселке. Только долговязый субъект переместился поближе к нашей даче.

Мы сели в машину, и Железнов с пренебрежительным равнодушием поехал прямо на незнакомца, заставив его поспешно отскочить в сторону.

На следующий день я позвонил в гестапо.

— Господин обергруппенфюрер, это Берзинь,— назвался я.— Вам угодно прогуляться со мной в среду за город?

— В среду или в четверг? — почему-то переспросил Эдингер.

— Мне кажется, среда более приятна для разговоров,— ответил я.

— Хорошо, пусть будет в среду,— согласился он.

Это был довольно торжественный выезд: впереди два мотоциклиста, затем лимузин Эдингера, в котором находились Эдингер, я и еще двое гестаповцев, как выяснилось в дальнейшем, инженер, специалист по связи, и радист, и, наконец, сзади открытая машина с охраной.

В продолжение всей дороги Эдингер самодовольно молчал, но, подъезжая к даче, внезапно обратился ко мне:

— Не указывайте мне местонахождения своей рации, Блейк...

По всей вероятности, ему очень хотелось поразить меня. Утверждающим жестом он указал на дачу с железным петухом.

— Здесь?

Кажется, я неплохо разыграл свое изумление, потому что у Эдингера вырвался довольный смешок.

— Видите, Блейк, нам все известно, — самодовольно произнес он. — Я лишь хотел проверить, насколько вы правдивы.— Он подошел к калитке и пригласил меня идти вперед. — Показывайте.

Я открыл двери и посмотрел под ноги: не было никаких следов, но и не было пыли; кто-то, кто был здесь после Железнова и меня, подмел пыль, уничтожая свои следы.

Мы прошли в кухню, спустились в погреб, я сдвинул бочку, и мы очутились перед передатчиком.

Я слегка поклонился Эдингеру.

— Прошу вас. — И не преминул слегка его упрекнуть: — А вы еще сомневались во мне!

Эдингер обернулся к инженеру:

— Ознакомьтесь, господин Штраус.

Инженер наклонился, радист подал ему отвертку, он быстро отвинтил какую-то деталь, осмотрел, заглянул еще куда-то. Все это делалось очень быстро, квалифицированно, со всем знанием предмета.

— Да, господин обергруппенфюрер, это английский аппарат, — подтвердил он. — Изготовлен на Острове.

— Тем лучше, — одобрительно сказал Эдингер и обратился ко мне: — Когда вы на нем работаете?

— Дважды в месяц, — объяснил я. — Четырнадцатого и двадцать восьмого, от четырнадцати до пятнадцати, одиннадцать и шесть десятых.

— О, вы совсем молодец! — похвалил меня Эдингер. — Теперь я понимаю, почему среда приятнее четверга. Сегодня четырнадцатое.

Он взглянул на часы, позвал радиста.

— Пауль!

Взглянул на меня.

— Позывные?

— «Rule Britannia», — сказал я.

— Отзыв?

— «Britannia rules the waves».

— Отлично, — сказал Эдингер. — Сейчас тринадцать сорок. Благодарю вас, господин Берзинь, за то, что вы выбрали такое подходящее время. Ганс, к аппарату! Слышали: «Rule Britannia», «Rule Britannia»... И затем переходите на прием.

Потянулись минуты томительного ожидания. Ганс работал.

Я, конечно, понимал, что в этот день все было предусмотрено с обеих сторон, но все же облегченно вздохнул, когда заметил, что Ганс услышал ответ...

Эдингер властно указал мне на аппарат:

— Говорите!

Я стал вести разговор с помощью изученного мною кода, разговор от имени Блейка, о каких-то текущих делах, о положении в Риге, о всяких слухах, побранил немцев...

Эдингер и его сотрудники напряженно прислушивались и всматривались в меня.

— Это Лондон? — спросил Эдингер, когда я закончил разговор.

— Нет, Стокгольм, майор Хавергам, — объяснил я. — Резидент нашей службы, через него я связываюсь с Лондоном.

— Молодец, Берзинь! — еще раз похвалил меня Эдингер. — Порядка ради мы попытаемся запеленговать вашего Хавергама, но я вижу, вы ведете честную игру...

В Риге он потребовал от меня код, и я по памяти написал у него в кабинете большинство условных обозначений, а затем, спустя день, привез ему аккуратно переписанную табличку.

— Отлично, Блейк, — одобрил обергруппенфюрер. — Теперь мы сами будем связываться с вашим Хавергамом, очередь за агентурной сетью. Если она будет того стоить, вы получите железный крест.

«Или пулю в затылок, — подумал я. — Кто знает, захотите ли вы и дальше возиться с Дэвисом Блейком!»

— Эту сеть не так просто подготовить к передаче, — уклончиво сказал я. — Но я постараюсь.

Однако Эдингер был так доволен моим подарком, что я мог еще какое-то время тянуть с передачей агентуры.

Что касается рации, мне больше не пришлось ее видеть; не знаю, что уж там передавали и принимали немцы, но, судя по тому, что Эдингер не высказывал мне никаких претензий, «майор Хавергам» находился на должной высоте. Тогда это меня даже слегка удивляло, и только впоследствии я убедился, что все, что ни делал Пронин, всегда делалось серьезно, основательно и так, чтобы никого и ни в чем нельзя было подвести.

Но, пожалуй, за исключением этого эпизода моя личная жизнь в течение всей зимы текла на редкость монотонно. Я действительно пытался обнаружить тщательно законспирированную агентурную сеть Блейка, и мои усилия не могли ускользнуть от внимания гестапо. Эдингер, считая, что я работаю на него, набрался до поры до времени терпения. Но мне тоже приходилось запастись терпением в ожидании благоприятного стечения обстоятельств, и если бы не вечера, которые я иногда проводил с Железновым, я бы ощущал свое одиночество очень остро.

Что касается времени, проведенного мною в Риге вместе с Виктором, его мне не забыть никогда.

Может быть, именно в Железнове наиболее полно отразилось все то, чем наделило людей наше советское общество: железная воля, непреклонность в достижении поставленной перед собой цели, неумение идти ни на какие компромиссы и в то же время удивительная мягкость души, необыкновенная скромность и пренебрежение своими личными интересами.

По отношению ко мне он был внимателен, деликатен, заботлив, трудно было найти себе лучшего товарища.

Помню, как-то сидели мы с Железновым вечером дома. Янковская только что ушла, поэтому Виктор мог без церемоний попить со мной чаю.

Где-то шли бои, где-то лилась кровь наших братьев, в самой Риге ни на мгновение не прекращалась невидимая ожесточенная борьба с гитлеровцами, но в комнате, где мы находились, все было спокойно, тихо, уютно, все настраивало на мирный лад.

И вдруг Виктор, закинув руки за голову, мечтательно сказал:

— До чего же мне хочется побывать сейчас на партийном собрании, на самом обыкновенном собрании, где обсуждаются самые обыкновенные вопросы!

С каким-то сыновним вниманием относился он к Марте; впрочем, привязался к Марте и я. Она была простой, хорошей женщиной, которая работала и у Блейка и у других, у кого служила еще до Блейка, просто из-за куска хлеба; всей своей жизнью была она связана с трудовой Ригой, и, так как многие ее блив-

кие пострадали от гитлеровцев, она, догадываясь о том, что и я и Виктор не те, за кого мы себя выдаем, относилась к нам с симпатией и все больше и больше становилась для нас близким и родным человеком.

Гораздо сложнее складывались мои отношения с Янковской.

Можно сказать, что она относилась ко мне даже неплохо, оберегала меня, подсказывала, как вести себя с немцами, регулировала мои отношения с Эдингером и старалась сблизить с Гренером; во всяком случае, делала все, чтобы никто не усомнился в моем тождестве с Блейком. Многое, слишком многое связывало ее с этим человеком!

Шпион, резидент английской разведки, Блейк собирал в Прибалтике военную информацию, собирал для того, чтобы в случае возникновения пожара, в случае столкновения Германии с Советским Союзом Великобритания могла бы таскать из огня каштаны...

Свои обязанности он выполнял, должно быть, неплохо, судя по деньгам, которые перешли от него ко мне, но было, по-видимому, еще что-то, что он должен был сделать или делал и почему английская разведка решила законсервировать его в Риге на время войны и почему обхаживала его немецкая разведка; помимо текущей работы, он служил еще, если можно так выразиться, политике дальнего прицела.

И, должно быть, слишком выгодна была эта игра, если Янковская после смерти Блейка не хотела из нее выходить. Думаю, что именно поэтому она, с одной стороны, подогревала ко мне интерес нацистов, а с другой — подавляла возникавшее против меня раздражение.

Но думаю также, что Янковская не ограничивалась тем, что играла роль моей помощницы; она, несомненно, была непосредственно связана с немецкой разведкой и выполняла какие-то ее поручения; об этом, несомненно, свидетельствовала ее близость с Гренером.

Это был небезызвестный ученый, книги которого имели хождение за пределами Германии. По своему характеру он был экспериментатором и обладал непомерным честолюбием; ради его удовлетворения, ради внешнего блеска он готов был манипулировать фактами так, чтобы произвести наибольший эффект и поразить современников своей талантливостью. Ученый в нем сочетался с актером; вероятно, эта особенность его характера и сблизила его с нацистами. Гренер вступил в националсоциалистскую партию еще до прихода ее к власти и пользовался личным покровительством Гитлера; они должны были нравиться друг другу: и тот и другой были позерами и страдали неукротимым тщеславием.

Что понесло Гренера из Берлина в Ригу, трудно было понять. В Берлине он высокопарно заявил, что желает находиться на аванпостах германского духа; формально он числился всего лишь начальником громадного госпиталя, фактически был царьком всех лечебных учреждений в оккупированных областях на востоке. Но и находясь на этих аванпостах, он похвалялся, что даже в Риге не прекращает своей научной работы.

Он был самонадеян, сух и сентиментален, любил музыку и цветы и любил, чтобы его считали добрым.

Он никогда не осуждал фашистских зверств, он как бы не слышал ничего ни о массовых расстрелах, ни о лагерях смерти; когда в его присутствии оправдывали жестокость немецких войск или истребление «низших» рас, он становился глухим, делал вид, что парит где-то в эмпиреях и интересуется только отвлеченной наукой. Но, тем не менее, в Риге упорно говорили о том, что профессор Гренер спас от уничтожения немало детей.

Иногда среди приговоренных к смерти женщин появлялись сотрудники профессора Гренера и забирали у них детей. Самых здоровых и самых красивых... Что тут можно было сказать? Профессор Гренер не мог спасти всех. Красота часто спасала людей, на то она и красота! Слухи о том, что на даче Гренера устроен чуть ли не настоящий детский сад, ходили и среди нацистов и среди их жертв. Нацисты снисходительно усмехались: старый чудак, прихоть ученого. Матери же детей, взятых у них сотрудниками Гренера, благословляли профессора; возможно, что его имя было последним словом надежды, которое они произносили перед смертью.

Гренер был мне неприятен, уж слишком высоко поднимали его нацисты, но многое я был склонен ему извинить за этих детей: каким бы там он ни был честолюбцем, он все же оправдывал высокое звание врача.

Янковская часто бывала у него и иногда брала меня с собой.

Этот старый журавль был явно к ней неравнодушен; как только Янковская появлялась в его апартаментах, он начинал вышагивать вокруг нее на своих длинных ногах, предлагал ей ликеры и играл для нее на рояле.

Помимо квартиры в городе, Гренеру была отведена большая дача, принадлежавшая в прошлом какому-то латвийскому богачу. Гренер говорил, что дача нужна ему для научной работы. Во всяком случае, он не только пользовался дачей сам, но и устроил там свой детский сад, и эта отдаленная дача действительно была, пожалуй, наилучшим местом для спасенных им сирот.

Я на этой даче не бывал, но Янковская ездила иногда со своим профессором за город. Не знаю, насколько она была близка с Гренером, но, во всяком случае, вела она себя у него, как хозяйка.

Сама она жила в гостинице, и ее домашний быт походил на быт небогатой артистки, приехавшей на непродолжительные гастроли; она мало бывала дома, почти не имела вещей, жила так, словно вот-вот соберется и навсегда покинет свое временное обиталище.

Иногда я находил возле ее дверей какого-то смуглого субъекта; в первый раз я не обратил на него внимания: мало ли всевозможных личностей околачивается в гостиничных коридорах; но когда увидел и во второй раз, и в третий, и в четвертый, я спросил Янковскую:

— Что это за тип сторожит у ваших дверей?

— Ах, этот... — Она кивнула, как бы указывая на него сквозь стену. — Это мой чичисбей: он оберегает и меня и тех, кому я покровительствую.

Ее ответ, как обычно, ничего не объяснил, но, во всяком случае, подтвердил, что у Янковской были какие-то дела и знакомства, о которых я не имел понятия.

Я вообще мало что о ней знал. Я пытался ее расспрашивать, она скупо рассказывала. Отец ее был мелкий помещик, у них в деревне были только дом и сад, и больше ничего. Отец кончил Краковский университет, по образованию он был филолог. Он служил в Варшаве учителем. В имение ездили только летом, как на дачу. Мать умерла, когда девочке исполнилось пять лет. От горя отец осмелел, стал всюду ходить, выступать, стал заниматься политикой. Он так много говорил о трудностях жизни, что к нему стали прислушиваться. Принялся писать в газетах. Его стали читать. Он говорил о Польше, как о жене, не позволял сказать о ней ни одного плохого слова. Он был безвреден и привлекал к себе внимание. Такие люди нужны в каждом парламенте. Его выбрали в сейм. Тогда он стал говорить слишком много. Его следовало сделать министром или избавиться от него. Его сделали дипломатом. Ведь он был филолог и знал языки. Янковская объехала с отцом множество стран. Отец принялся изображать из себя аристократа. Стал играть в карты... Тут Янковская что-то не договаривала. Должно быть, он продал какой-то государственный секрет, сделался агентом какой-то иностранной разведки, вероятнее всего, английской: Англия всегда интересовалась Польшей. Потом он как-то странно умер. Внезапно, не болея перед смертью. Янковской было тогда восемнадцать лет. Она осталась без денег, без дома, без единственного близкого ей человека. За границей среди знакомых отца было немало «друзей» Польши. Они посоветовали Янковской вернуться на родину и осведомлять их обо всем, что там происходит. Они поддержали ее материально. Она была умна и смела и не дорожила собой. Она вела свободный и независимый образ жизни. Она нравилась мужчинам и расчетливо соглашалась сближаться с теми из них, от которых могла узнать что-либо интересующее ее друзей. После того, как в 1939 году Польша была порабощена гитлеровцами, Янковская эмигрировала в Лондон. В 1940 году она приехала в Ригу помогать Блейку...

Связно о себе Янковская не рассказывала никогда, в жизни ее было много тайн, о которых она предпочитала ничего не говорить, многого она не договаривала, но постепенно, от случая к случаю, от фразы к фразе, я представил себе ее жизнь. Жизнь авантюристки и не очень дорогой женщины!

Впрочем, это жизнеописание, воссозданное мною по ее рассказам, вызывало у меня некоторые сомнения...

Люди, подобные Янковской, умеют представляться кем угодно! С равным успехом она могла оказаться обруселой англичанкой, ополяченной француженкой или латвийской шведкой.

В тот день, когда события, участником которых мне довелось быть, стали разворачиваться со стремительной быстротой, как в каком-нибудь приключенческом романе, Янковская напомнила мне о моих волосах:

— Вы опять начинаете темнеть, — заметила она. — А вам не следует забывать о своей наружности.

Пришлось, как обычно, прибегнуть к испытанному средству многих неотразимых блондинок.

Когда я высох и порыжел, она пригласила меня поехать к Гренеру.

Выполняя указания Пронина, я никогда не отказывался от таких посещений.

У Гренера собиралось лучшее немецкое общество тогдашней Риги.

В тот раз было не очень много народа. Кто-то играл в карты, кто-то закусывал, сам Гренер то музицировал, то ухаживал за Янковской.

Время проходило спокойно и даже безмятежно. Все держались так, точно такая жизнь будет продолжаться вечно.

Я стоял у рояля, перелистывал ноты и прислушивался к разговорам.

Вдруг в гостиной появился эсэсовский офицер.

Он подошел к хозяину дома и негромко что-то ему сказал.

Гренер побледнел, я это сразу заметил. Он вообще был бледный, желтоватый, его лицо отсвечивало старческой желтизной, и, несмотря на это, он заметно побледнел.

Он как-то судорожно дернулся, приблизился к Янковской, взял за руку, отвел на середину комнаты и что-то прошипел...

Мне показалось, что я разобрал слово «шеф».

Потом Гренер подошел к авиационному генералу, сидевшему за картами, прошептал что-то ему.

Тот немедленно поднялся и, не прощаясь, ничего не объясняя своим партнерам, тотчас пошел из комнаты.

Гренер развел руками и улыбнулся гостям:

— Извините, господа, но меня срочно вызывают к тяжело больному...

Он всех выпроводил очень скоро.

Мы остались втроем — он, Янковская, я.

Он вежливо обратился к Янковской:

— Вы поедете со мной?

Она утвердительно наклонила голову.

— Я только переоденусь, — сказал он и пошел журавлиным своим шагом прочь из комнаты; через две минуты он появился в синем штатском пальто.

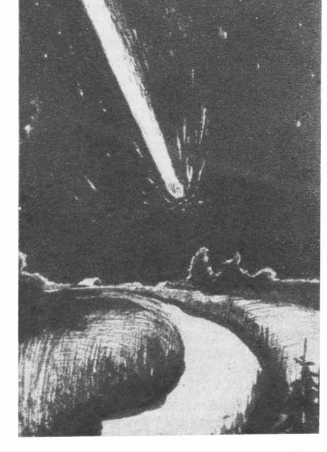
— Что случилось? — спросил я Янковскую, воспользовавшись минутным отсутствием Гренера.

— Хозяин! — серьезно сказала она. — Прилетел хозяин!

Продолжение следует.

Из уральской почты „Огонька"

ГДЕ УПАЛ БОЛИД?

Восьмого апреля 1958 года жители Среднего Урала наблюдали полет яркого болида. Он возник в то время, когда ожидалось появление второго искусственного спутника Земли, осветив местность на сотни километров голубоватым светом. Сам болид имел ярко-белый цвет с оранжевыми и голубоватыми оттенками. Размер головной части был равен примерно двум третям диска Луны. Сзади тянулся огненный хвост. Многие очевидцы слышали при этом шум, похожий на потрескивание проводов высоковольтной линии. На телевизорах и в радиоприемниках были отмечены помехи.

Через две—три минуты после исчезновения болида в городах Артемовском и Асбесте слышались громовые удары, напоминающие взрывы снарядов. По предварительным данным исследований Уральской комиссии по метеоритам, место падения болида должно находиться на границе Свердловской и Курганской областей. В Уральскую комиссию по метеоритам поступили десятки писем от очевидцев, наблюдавших полет болида. Многие наблюдатели прислали рисунки, один из них печатается здесь.

И. ЮДИН,
директор Уральского геологического музея.

В адрес чемпиона

Аспиранта Свердловского медицинского института Аркадия Никитича Воробьева мы застали за разбором очередной почты. А. Н. Воробьев сравнительно недавно возвратился из Соединенных Штатов Америки, где участвовал в состязаниях с американскими тяжелоатлетами, и поэтому сегодня на столе, украшенном призовой хрустальной вазой, было особенно много писем — больше сотни.

На многих конвертах лаконичная надпись: «Чемпиону мира и Олимпийских игр». Почта прославленного штангиста поступает со всех концов нашей страны и из-за рубежа.

На одном из конвертов штемпель бельгийского города Гента. Спортсмен Медо Жильбер интересуется, какие существуют упражнения для атлета среднего веса, как Воробьев тренируется. Это письмо заканчивается словами: «Я надеюсь, что в 1958 году Запад проявит большее понимание и веру в искренность и добрые намерения советского народа».

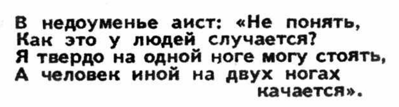
Студент Го Тин-дун пишет из Китая: «Я очень люблю тяжелую атлетику. Читал по этому вопросу советские книги, они много помогли. Но я еще очень плохо владею техникой классических движений. Хочу подружиться с вами и получить от вас помощь. Ваш китайский друг».

«Дорогой Го Тин-дун! — отвечает А. Н. Воробьев.— Посылаю вам свою схему занятий, по которой тренируюсь, а также прилагаю книгу известного тренера В. Мороз. Буду очень рад, если чем-нибудь сумею помочь в дальнейшем».

Н. КОДРАТОВ

На снимке: заслуженный мастер спорта А. Н. Воробьев с женой Эльвирой Илларионовной за чтением писем.

Недоумение аиста

В недоуменье аист: «Не понять,
Как это у людей случается?
Я твердо на одной ноге могу стоять,
А человек иной на двух ногах
качается».

Л. ФОЛЬВАРКОВ
Свердловск.

«Уральский следопыт»

С апреля 1958 года в Свердловске начал выходить ежемесячный журнал для юношества «Уральский следопыт». Его редакция прислала нам ряд материалов из пятого, августовского номера журнала.

На снимке — Нансен

Теперь мало кто помнит, что 45 лет назад, в 1913 году, знаменитый исследователь Арктики Фритьоф Нансен, совершая длительную поездку по России, побывал и на Урале, в Екатеринбурге.

Я работал тогда хранителем музея Уральского общества любителей естествознания и сопровождал ученого в поездках по городу.

Сохранилась любопытная фотография этой поездки: Ф. Нансен заснят в автомобиле (третий слева) у здания музея.

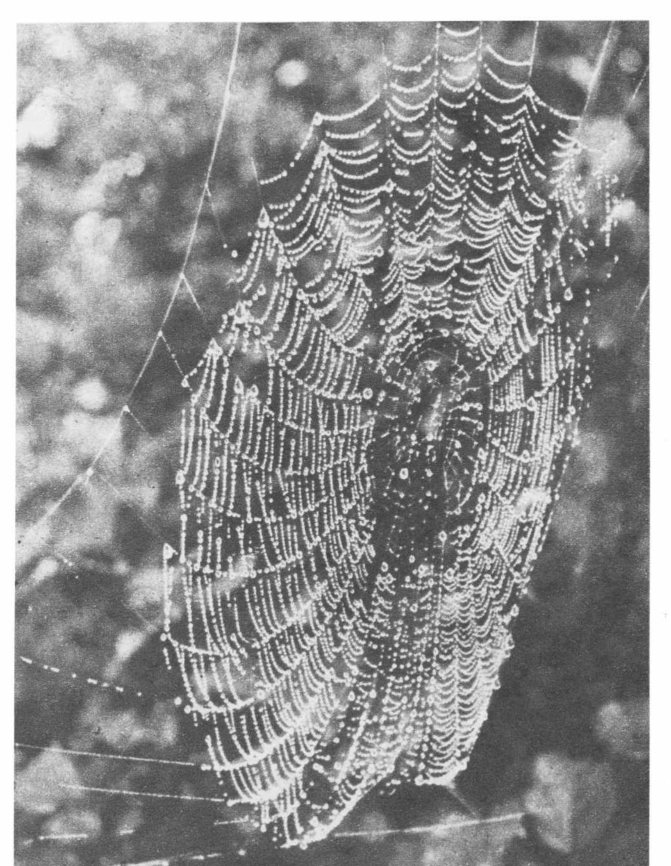
Профессор М. КЛЕР

РОСА

Я ветки бережно раздвинул,
К земле прирос —
Скатилась в сито паутины
Пригоршня звезд.

В них столько радостного света...
Ну, чудеса!
Никак не верится, что это
Роса.

Н. МЕРЕЖНИКОВ,
студент Уральского университета имени М. Горького.

Пятак дороже пятака

Один пятак дороже другого пятака! Разве это возможно? Я удивился, вычитав у писателя А. Бармина, что в Екатеринбурге был ювелир Анцелевич, который скупал у школьников пятаки старой чеканки по гривеннику штука. Все думали, что он коллекционер или просто чудак, и охотно тащили ему пятаки. А ювелир с большой выгодой для себя выплавлял из них золото.

В чем же дело? Оказывается, многие медные руды, особенно уральские, содержат другие ценные металлы, в том числе золото и серебро. При выплавке руды металлы-спутники оставались с медью. В ином старом пятаке из уральской меди золота содержалось на гораздо большую сумму, чем стоила монета.

В наше время медь очищают от разных примесей с помощью электрического тока. А отходы перерабатывают, извлекают из них золото, серебро и другие ценные металлы.

Ю. РЯБОВ

Профессор Анатолий Алексеевич Малахов рассказал редакции «Уральского следопыта»:

— А бывает, и сама медь дороже золота. В наши дни промышленность предъявила новые требования к металлам. Когда-то химически чистым считался металл с количеством примесей от 0,1 до 0,01 процента. Теперь в технике применяются металлы с маркой «шесть девяток», то есть должно быть 99,9999 процента чистого элемента.

У «сверхчистых» металлов интересные свойства: медь, свинец, цинк, золото, алюминий более пластичны, лучше проводят электрический ток, устойчивей против разрушения. Изготовляют их дорогими способами, и пластинка меди, величиной с пятак, будет стоить намного дороже пяти копеек.

В сложнейших современных аппаратах — синхрофазотронах и синхроциклотронах — при бомбардировке металлов элементарными частицами происходит «перерождение» элементов. Так, в меди возникли разнообразные элементы — от цинка до хлора. Такая пластинка меди невероятно дорога: на нее затрачивается много электрической энергии. Что, если сделать пятачок из такой меди!

Усы кита...

Если вам когда-нибудь придется побывать в краеведческом музее города Салехарда, то не забудьте посмотреть интересный экспонат: усы кита, который был найден... на Урале.

Известны случаи, когда киты заплывали в устья рек. Так было и в 1932 году. На берегу северной части Обской губы ненцы нашли мертвого кита. Точных сведений о его размерах, форме, по которым можно было бы хоть приблизительно установить вид кита, получить не удалось.

Кит был сильно обглодан песцами. Ненцы-охотники обратили на это внимание и стали жир и мясо кита употреблять как приманку в песцовых ловушках и капканах. Охотники пользовались этой приманкой несколько лет.

Л. ДОБРИНСКИЙ
Салехард.

История демидовского бриллианта

Когда читаешь в романе Е. Федорова «Каменный пояс» о свадебном подарке П. Демидова своей невесте красавице Авроре Шернваль — алмазе Санси, то кажется, что это слишком смелый домысел. Однако судьба камня действительно была легендарной.

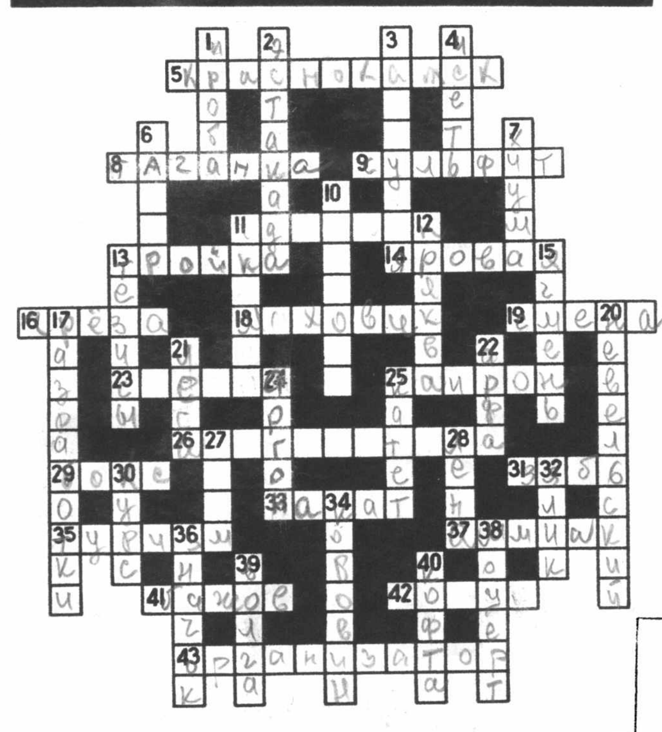
Алмаз величиной с голубиное яйцо в XV веке принадлежал бургундскому герцогу Карлу Смелому. Он носил его в шлеме и считал талисманом. Суеверие не помогло: герцог был убит, а вражеский солдат, выковырявший алмаз из шлема, продал его... за один гульден.

Позднее камень принадлежал французскому роду Санси, имя которого и носил. С верным слугой один из Санси послал его французскому королю из Швейцарии, но в горах разбойники убили слугу. Камень пропал. Санси велел искать камень в могиле. Оказалось, слуга проглотил его.

Позднее бриллиант находился в короне Людовика XVI. Во время Великой французской революции он снова исчез, но позднее появился вновь. В 1830 году камень принадлежал герцогине Беррийской. Демидов купил «кровавый бриллиант» за 500 тысяч франков. Подсчитано, что если бы тагильский рудокоп или плавильщик в то время захотел приобрести алмаз, он должен был бы работать без единого праздника по 12—15 часов в день, не тратя ни копейки, в течение... 1 375 лет!

Н. РОЗИНА

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Новый город в Пермской области. 8. Легкая повозка. 9. Минерал Соликамского месторождения. 11. Деталь в музыкальных инструментах. 13. Русская песня. 14. Героиня пьесы К. Тренева. 16. Мечта. 18. Устройство в поршневых машинах. 19. Молодежный журнал. 23. Скопление обломков горных пород. 25. Род искусственного волокна. 26. Языкознание. 29. Вид спорта. 31. Осенняя вспашка поля. 33. Элемент перекрытия зданий. 35. Путешествия по определенным маршрутам. 37. Простейшее соединение азота с водородом. 41. Автор уральских сказов. 42. Название очерков Д. Н. Мамина-Сибиряка. 43. Устроитель.

По вертикали:

1. Испытание, проверка. 2. Надземное сооружение. 3. Крепость, разрушенная 14 июля 1789 года. 4. Приток Тобола. 6. Горный массив на Урале. 7. Остров в Балтийском море. 10. Хребет на Южном Урале. 11. Созвучие. 12. Дикая утка. 13. Вывод, суждение. 15. Зерновой злак. 17. Место добычи полезных ископаемых. 20. Адмирал, исследователь Дальнего Востока. 21. Орудие лова рыбы. 22. Музыкальный инструмент. 24. Газ, применяемый в сигнальных и рекламных лампах. 25. Сторона прямоугольного треугольника. 27. Дерево с ценной древесиной. 28. Река в РСФСР. 30. Изложение научной дисциплины в высшей школе. 32. Небольшая шлюпка. 34. Русский художник-передвижник. 36. Жетон. 38. Композитор XVIII века. 39. Марка советской автомашины. 40. Женская одежда.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 28

По горизонтали:

7. Фарфор. 9. Физули. 10. Отава. 11. Резон. 12. Канат. 13. Дивизия. 16. Баккара. 17. Анадырь. 18. Автоматизация. 21. Хоровод. 23. Линотип. 25. Полтава. 27. Отвал. 28. Драга. 29. Атлет. 30. Комизм. 31. Африка.

По вертикали:

1. Оффенбах. 2. Орион. 3. Хроника. 4. Афалина. 5. Булат. 6. Лигатура. 8. Машиностроитель. 14. Застава. 15. Вакцина. 19. Фонетика. 20. Виноград. 22. Диорама. 23. Левитан. 24. Кайма. 26. Аршин.

Моя коллекция

Много лет я коллекционирую почтовые марки на уральские темы.

В моей коллекции почтовые марки с портретом Я. М. Свердлова, юбилейная марка в честь 15-летия Октября, на которой изображены первые домны Магнитки, специальными марками отмечено 25-летие Магнитогорска, 225-летие Свердловска.

Немало славных имен дал Урал нашей науке, литературе и искусству. И на марках запечатлены изобретатель радио А. С. Попов, академик А. П. Карпинский, уроженец города Воткинска П. И. Чайковский, уральский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Две почтовые марки рассказывают о пионере-герое Павлике Морозове, убитом кулаками в селе Герасимовке, Свердловской области.

А вот совсем редкая марка с эмблемой рабоче-крестьянского труда. Ее издал в 1918 году Пермский Совет для уездной почты. Кстати, это единственная марка, изданная непосредственно на Урале.

Г. ЛИСИН

г. Свердловск.

Соавторы

Басня

Рисунок Ф. Рыбакова.

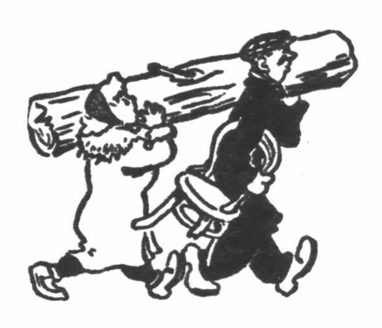
Приспособленье Кролик изобрел.
Какое? Для чего? Не в этом суть явленья,
А в том, что он в поту изобретенья
Соавторов обрел.
Знаток теории Овечка
Внесла в проект мудреных три словечка.
Козел, бог практики, добавил два штришка.
Попутчица Коза иcподтишка
Укоротила что-то там на полвершка.
Дотошный Гусь домыслил запятую.
Маститый Бык черкнул:
«Не протестую!»
Труды окончены. А тут и гонорар —
Кочан капусты дан.
Пошла хрустеть капуста,
Да так, что двор оглох от хруста...
Сначала к ней торжественно приник
Маститый Бык.
А следом Гусь нижестоящий
Урвал кусок довольно подходящий.
Потом Козел с Козой подвинули Овцу...
Старались все без передышки.
И даже Кролику-творцу
Досталось что-то вроде кочерыжки.

Г. ЯКИМОВ

Из многотиражной газеты Уралмашзавода «За тяжелое машиностроение»

Идут собранья год за годом
Все об одном, все об одном...
И обелиск такой у входа
Соорудил на днях завком.

В мебельную мастерскую...

Рисунки С. Алюхина.

Из многотиражной газеты Челябинского тракторного завода «За трудовую доблесть»

На вкладках этого номера репродукции картин: Б. Семенова «Домны Тагила», Б. Домашникова «Река Сим», П. Верещагина «Река Чусовая. Камень красный», И. Репина «Выбор царской невесты» — и четыре страницы цветных фотографий.

Фотографический казус

Мне было поручено сфотографировать животных в Свердловском зоопарке. Проявив пленку, я обнаружил неожиданный кадр: две купальщицы с любопытством наблюдают за тигром, притаившимся в прибрежных кустах. Оказывается, я случайно зарядил аппарат заснятой год назад пленкой, которую забыл проявить.

Ж. БЕРЛАНД,
фотокорреспондент

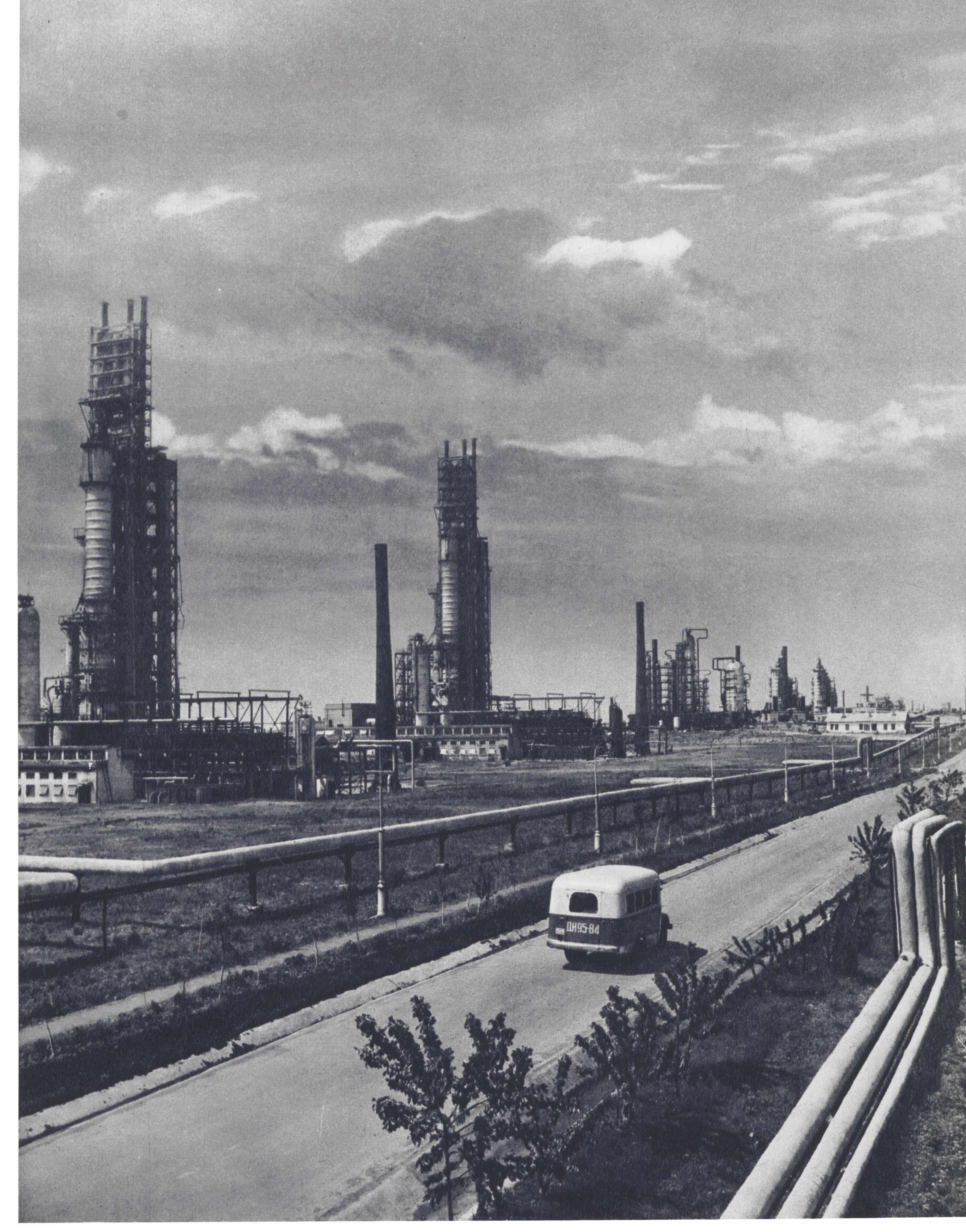
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05472. Подписано к печати 9/VII 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 638. Заказ № 1491.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Башкирия. Ново-Уфимский нефтеперерабатывающий завод.

Фото С. Фридлянда.

Свердловск. Площадь Первой пятилетки.

Фото В. Тарасевича.

Цена номера 3 руб.